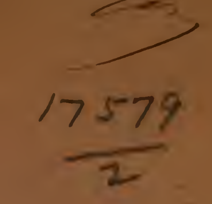

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ДРАМЫ.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

Изслѣдованіе

ПЕТРА ПОЛЕВАГО,

писанное для полученія степени доктора русской словесности.

ANGELUS. Quem queritis?
MARIAE. Jezum Nazarenum.
ANGELUS. Non est hic.
(Древнѣйшая основа мистеріи.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Н. Тиблена и комп. (Н. А. Неклюдова)
Вас. Остр., 8 л. № 25.
1865.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ДРАМЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ДРАМЫ.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

Изслѣдованіе

ПЕТРА ПОЛЕВАГО,

ПИСАННОЕ ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ ДОКТОРА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ANGELUS. Quem queritis?
MARIAE. Jezum Nazarenum.
ANGELUS. Non est hic.
(Древнѣйшая основа мистеріи.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ТИБЛЕНА И КОМП. (Н. А. НЕКЛЮДОВА)
Вас. Остр., 8 л. № 25.
1865.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОДРУГАМЪ МОЕГО ДѢТСТВА:

Е. Н. З.....й, Е. О. К.....й, Е. П. С.....о.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приготовляя, во время вакацій 1864 года, программу курса «исторіи средневѣковой драмы,» который мнѣ предстояло читать въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ теченіе 1864-65 учебнаго года, я болѣе всего обратилъ вниманіе на тотъ начальный періодъ исторіи средневѣковой драмы, о которомъ до сихъ поръ еще было такъ мало говорено и писано. Сознавая вполнѣ, что правильная и послѣдовательная исторія этого періода невозможна, я рѣшился представить, на основаніи знакомства со всѣмъ кругомъ и древнѣйшихъ, и позднѣйшихъ памятниковъ средневѣковой драмы, рядъ историческихъ очерковъ, въ которыхъ предполагалъ выяснить и основать на положительныхъ данныхъ то, что до сихъ поръ высказывалось большею частью только гадательно. Въ настоящемъ трудѣ моемъ я болѣе всего стремился къ тому, чтобы строго разграничить періоды, пережитые средневѣковою драмою и указать важнѣйшія отличитель-

ныя черты каждаго изъ нихъ. Кромѣ того, руководясь, при опредѣленіи времени памятниковъ тѣми данными, которыя представляютъ самыя рукописи памятниковъ, я не упускалъ изъ виду и ихъ содержанія, и это иногда заставляло меня совершенно отвергать уже издавна установившіяся мнѣнія о мнимой древности нѣкоторыхъ образцовъ средне-вѣковой драмы. Такъ напримѣръ, на этомъ основаніи, я вовсе не упомянулъ при разборѣ памятниковъ XII вѣка, о нѣмецкой пасхальной мистеріи «De adventu et Interitu Antechristi,» и о бретонской—«Buhez Santez Nonn» (житіе св. Нонны), которыя до сихъ поръ всѣми изслѣдователями причислялись къ памятникамъ XII в., а по моему мнѣнію, не могли появиться ранѣе конца XIV и начала XV в. *)

Стараясь какъ можно болѣе ознакомить читателя съ тѣмъ отдаленнымъ и малоизвѣстнымъ періодомъ исторіи европейской драмы, которому посвятилъ я мое изслѣдованіе, всюду, гдѣ нужно было осязательно подтвердить мои выводы, я искалъ такого подтвержденія въ самыхъ памятникахъ. Съ тою же цѣлью расположилъ я отрывки, заимствованные изъ памятниковъ, въ такомъ порядкѣ, который лучше всего можетъ ознакомить читателя съ постепеннымъ развитіемъ драмы и вмѣстѣ облегчить сравнительный обзоръ ея образцовъ. Полагаемъ, что нелишнимъ будетъ сообщить здѣсь краткій очеркъ литературы того

---

*) Свои доводы по этому предмету изложилъ я въ небольшомъ приложеніи, въ концѣ книги.

періода средневѣковой драмы, которымъ мы занимаемся въ нашемъ изслѣдованіи. Ограничиваясь только этимъ начальнымъ періодомъ, мы не скажемъ ни слова объ очень многихъ и притомъ весьма замѣчательныхъ сочиненіяхъ по средневѣковой драмѣ вообще, *) но за то постараемся не упустить изъ виду ничего, что хоть сколько нибудь можетъ считаться важнымъ для изученія начальнаго періода средневѣковой драмы. **)

Ш. Маньену принадлежитъ, можно сказать, честь открытія исторіи средневѣковой драмы и первый опытъ критическаго изученія ея. Въ своемъ знаменитомъ курсѣ 1835 г., въ Сорбоннѣ, онъ впервые указалъ ученому міру то мѣсто, которое средневѣковой драмѣ должно принадлежать въ общей исторіи европейскихъ литературъ. Къ сожалѣнью этотъ курсъ Маньена до сихъ поръ остается не напечатаннымъ ***) и въ 1838 г. вышло въ свѣтъ только прекрасное вступленіе къ нему, подъ заглавіемъ: «*Origines du théatre moderne ou histoire du genie dramatique depuis le I jusqu'au XV siécle.*» Въ этомъ вступленіи Маньенъ разсматриваетъ исторію послѣднихъ вѣковъ существованія классическаго те-

---

*) Напр. о знаменитой исторіи французскаго театра въ XIV—XV вв., написанной братьями Парфэ въ прошломъ вѣкѣ.

**) Желающіе подробно ознакомиться со всею литературою по предмету средневѣковой драмы, могутъ найти довольно полный, но очень безтолково составленный списокъ пособій для ея изученія въ книжкѣ Гануша: Die lateinisch-böhmischen Osterspiele des XIV—XV Jahrhunderts. Prag, 1863. Стр. 18—22.

***) Въ видѣ краткаго обзора былъ онъ изложенъ въ «Journal genéral de l'Instruction publique», за 1835—1836 г. г.

атра и весьма ясно выставляетъ передъ нами картину его отношеній къ обществу временъ паденія западной Римской Имперіи. Въ томъ же 1838 году вышли въ Англіи два сборника мистерій и чудесъ, изданные Райтомъ [1]) и Мэрріотомъ; [2]) но и тотъ, и другой важны для изученія позднѣйшей исторіи средневѣковой драмы, а никакъ не начальнаго ея періода, тѣмъ болѣе, что всѣ тексты, относящіеся къ этому періоду въ Райтовомъ сборникѣ напечатаны безъ всякой критики. Незадолго до того, въ 1837, Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ въ своихъ «Fundgruben für Geschichte deutscher Sprache и Liter.,» ч. II, напечаталъ между прочимъ нѣсколько духовныхъ драмъ XII, XIV и XV вв., снабдивъ ихъ самымъ краткимъ предисловьицемъ и нѣсколькими указаніями на упоминанія хронистовъ о представленіяхъ мистерій. Впрочемъ, эти указанія на столько же бѣдны и недостаточны, на сколько самые тексты, изданные Гофманомъ, несовершенны и слабы по запутанности правописанія и неудачному выбору варьянтовъ. По слѣдамъ Маньена пошли во Франціи ученые издатели памятниковъ старинной французской литературы, Монмерке и Фр. Мишель (особенно послѣдній). Въ 1839 г. они издали: Théatre français au moyen-âge, сборникъ чудесъ и мистерій, въ который вошли и древнѣйшіе памятники французской средне-вѣковой драмы. Сборникъ свой снабдили они необходимыми при-

---

[1]) Early mysteries and other latine poems of the XII and XIII centuries.

[2]) Collection of english miracle-plays.

мѣчаніями, спискомъ сочиненій по средне-вѣковой драмѣ и біографіями нѣкоторыхъ старинныхъ французскихъ поэтовъ. При ихъ обширномъ сборникѣ ощущается недостатокъ только въ глоссаріи и руководящемъ предисловіи; въ остальномъ же онъ и до сихъ поръ остается однимъ изъ лучшихъ источниковъ изученія средне-вѣковой драмы. Десять лѣтъ спустя въ Германіи вышелъ весьма замѣчательный сборникъ мистерій латинскихъ и нѣмецкихъ, подъ заглавіемъ: «Schauspiele des Mittelalters. Aus d. Handschriften herausgegeben und erklärt. Karlsruhe. 1846, въ двухъ частяхъ небольшаго формата. Уже и до того въ 1841 г., Моне издалъ свои Alteutsche Schauspiele (Quedlinbourg), двѣ большія мистеріи съ коротенькимъ предисловіемъ, въ которомъ уже видно было глубокое изученіе образцовъ средневѣковой драмы и обширное знакомство съ литературой предмета. Но въ сборникѣ 1846 года, Моне представилъ такой превосходный, а главное положительный, ученый трудъ, что и теперь еще ни одинъ сборникъ образцовъ средневѣковой драмы не превзошелъ его своими критическими достоинствами. Онъ не только ознакомилъ ученый міръ съ весьма значительнымъ количествомъ памятниковъ, но еще и снабдилъ каждый изъ нихъ необходимыми примѣчаніями, указаніями источниковъ, изъ которыхъ были заимствованы тѣ или другія черты средневѣковой драмы, и сверхъ того представилъ богатый матерьялъ для сравненія ея образцовъ съ апокрифическими сказаніями и поучительной литературой, которыя такъ неразрывно съ нею связаны. Въ

томъ же году, въ Берлинѣ явилась книга Альта— «Theater und Kirche in ihrem gegenseitigen Verhältnisse historisch dargestellt.» Заглавіе этой книгѣ вовсе не соотвѣтствуетъ ея содержанію, потому что Альтъ хотѣлъ изложить, начиная съ отдаленнѣйшихъ временъ исторіи человѣчества, отношенія драмы *къ религіи вообще и въ особенности къ культу древнѣйшихъ и новѣйшихъ народовъ*; это очевидно уже изъ того, что Альтъ и начинаетъ свою книгу съ подробнаго и прекраснаго обзора исторіи драмы въ древнемъ мірѣ, а потомъ переходитъ къ міру христіанскому. Послѣдняя часть его книги гораздо слабѣе первой и вообще, вся книга Альта, представляя нѣсколько весьма любопытныхъ фактовъ, нѣсколько даже и такихъ, которыхъ нигдѣ, кромѣ его книги, нельзя найти, въ тоже время сильно страдаетъ тѣмъ, что излагаетъ факты безъ всякой системы, руководится въ расположеніи ихъ чистою фантазіею и о начальномъ періодѣ исторіи драмы не представляетъ почти никакихъ положительныхъ свѣденій.

Въ 1847 году, Шмеллеръ, тогда уже извѣстный своими глубокими знаніями латинской средневѣковой поэзіи, переиздалъ въ «Трудахъ Штутгардскаго Ученаго общества» нѣкоторыя изъ тѣхъ латинскихъ мистерій, которыя уже были изданы Гофманомъ, но издалъ ихъ въ совершенно новомъ видѣ, съ дополненіями и исправленіями по варьянтамъ. Два года спустя, Е. Дю-Мериль выпустилъ въ свѣтъ свои «*Origines latines du théâtre moderne. Paris.* Здѣсь, по примѣру Моне, онъ не ограничился только образцами чудесъ и

мистеріи, а значительную долю книги посвятилъ и *службамъ* (officia *), которыя заключаютъ въ себѣ такъ много драматическихъ задатковъ. Примѣчаніе къ образцамъ и особенно предисловіе этой книги могутъ назваться лучшимъ изъ того, что Дю-Мериль издавалъ въ свѣтъ. Очень жаль, что ученый издатель совершенно искуственно ограничилъ область своего изслѣдованія, даже не сказавъ въ предисловіи, почему именно онъ избралъ изъ круга всѣхъ средневѣковыхъ драмъ, написанныхъ по латини, только тѣ, которыя онъ напечаталъ. Это тѣмъ болѣе непонятно для насъ, что въ изданіи памятниковъ Дю-Мериль не ограничивался никакою опредѣленною эпохою, и очень часто рядомъ съ памятникомъ XII, XI вв. печатаетъ памятники XIV в. Но то, что издалъ Дю-Мериль изъ числа образцовъ средневѣковой драмы, издано превосходно, почему мы въ нашемъ трудѣ предпочитали постоянно его тексты всѣмъ остальнымъ. Дю-Мериль, какъ и слѣдовало ожидать отъ такого ученаго дѣятеля, сдѣлалъ все, что въ 1849 г. можно было сдѣлать по исторіи средневѣковой драмы и хотя въ своемъ предисловіи пришелъ къ нѣкоторымъ неправильнымъ заключеніямъ, но исключительно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ высказалъ гипотезы, которыя въ то время еще нельзя было основать ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Послѣ него однакоже, никто не занимался начальнымъ періодомъ исторіи средневѣковой драмы.

Въ 1858 году вышла въ Лейпцигѣ книжка К. Газе

*) Officium собств. значитъ тоже, что *чинъ служенія*.

(Hase): Das geistliche Schauspiel. Авторъ ея, выдавая въ свѣтъ рядъ лекцій, читанныхъ имъ въ кружкѣ знакомыхъ, очень мало позаботился о критической сторонѣ своего сочиненія, почему оно, при множествѣ фактовъ (впрочемъ вовсе не новыхъ), нагромозженныхъ безъ всякаго порядка и одной, главной мысли, способно совершенно сбить съ толку всякаго серьезнаго читателя, и едва ли можетъ дать кому бы то нибыло вѣрное понятіе о средневѣковой духовной драмѣ. Гораздо удачнѣе высказалъ нѣсколько мыслей объ эстетическомъ значеніи духовной драмы Голландъ (Holland) въ своей небольшой брошюрѣ: Entwickelung des deutschen Theaters im Mittelalter u. das Ammergauer Passionsspiel. München. 1861. Послѣдній сборникъ образцовъ средневѣковой драмы вышелъ въ 1861 году во Франціи подъ редакціею ученаго знатока средне-вѣковой музыки, Е. Куссемакера (Drames lithurgiques du Moyen-âge. Texte et musique Paris.). По изяществу, красотѣ снимковъ и точности, съ которою изданы Куссемакеромъ важнѣйшіе памятники средневѣковой драмы (отъ XI—XV в.), этотъ сборникъ еще не имѣлъ себѣ подобныхъ. Важно то, что памятники въ немъ изданы по лучшимъ изъ существующихъ текстовъ; кромѣ того, много внесено варьянтовъ совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ доселѣ никому изъ издателей. Единственный укоръ прекрасному сборнику Куссмакера заключается въ томъ, что предисловіе къ нему очень коротко, слабо и вовсе не соотвѣтствуетъ достоинству и значенію самого сборника.

Перечисливъ всѣ тѣ сочиненія, которыя имѣютъ хоть какое нибудь отношеніе къ предмету нашего

труда, мы должны замѣтить, что не упомянули объ изданіяхъ отдѣльныхъ памятниковъ, именно потому, что подробно говоримъ о нихъ въ нашихъ ссылкахъ на эти изданія.[1])

Въ заключеніе, мы должны обратить вниманіе читателя на ту терминологію, которой мы постоянно держались въ нашемъ изслѣдованіи. Говоря о духовной драмѣ вообще, мы вездѣ называли ея *мистеріей* только потому, что это названіе уже усвоилось за нею и у насъ, и на Западѣ. Тамъ же, гдѣ въ нашемъ изслѣдованіи дѣло шло объ одномъ изъ видовъ духовной драмы, мы называли ее видовымъ терминомъ (*чудо, служба*), переводя словомъ мистеріи только весьма неопредѣленное средневѣковое *ludus* (игра, представленіе, *дѣйство*). Собственно же терминъ *мистерія* вовсе не встрѣчается въ числѣ образцовъ средневѣковой драмы, принадлежащихъ начальному періоду ея исторіи.[2])

---

[1]) Изъ тѣхъ общихъ очерковъ, которые вышли въ составъ курсовъ литературы мы должны обратить вниманіе читателя только на краткій очеркъ исторіи духовной драмы, помѣщенной въ превосходной, но къ сожалѣнію не оконченной книгѣ Вакернагеля (Gesch d. d. Liter. стр. 306). Очеркъ, помѣщенный Гервинусомъ въ его Gesch d. poet. National Literatur des Deutschen (II, 364; III, 73) не представляетъ ничего замѣчательнаго; а во Французскихъ курсахъ литературы о начальномъ періодѣ средневѣковой драмы вовсе и не упоминается.

[2]) Собственно говоря mysterium или правильнѣе misterium, какъ сокращеніе слова ministerium, есть неболѣе какъ синонимъ тогоже понятія, которое уже встрѣчается намъ подъ названіемъ officium. Въ этомъ положительно убѣждаютъ насъ доводы, находимые нами въ глоссаріѣ Дюканжа; онъ приводитъ слѣдующія употребленія слова misterium: misterium defuncti.... mysterium romanum.... т. е. служба по усопшему.... служба по римскому обряду и т. д.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Исторія средневѣковой драмы, какъ можно было видѣть изъ обозрѣнія ея источниковъ, находится до настоящаго времени на весьма незначительной степени разработки. Многіе десятки весьма любопытныхъ и важныхъ сборниковъ мистерій, фарсовъ и чудесъ (miracles, miracle-play), лежатъ до сихъ поръ ненапечатанные, почти неразобранные, въ пыли библіотекъ. Отдѣльныя пьесы, изданныя учеными обществами для ихъ членовъ и немногихъ любителей въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и потому именно составляющія библіографическую рѣдкость, никѣмъ не собраны еще въ одинъ сборникъ, почему едва-ли могутъ считаться болѣе извѣстными, чѣмъ вовсе неизданныя. Изъ числа памятниковъ, изданныхъ лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, большая часть отличается полнымъ отсутствіемъ критическаго такта, отчетливости и осторожности — главнѣйшихъ сторонъ всякаго дѣльнаго и серьезнаго изданія памятниковъ; въ обработкѣ текстовъ виденъ произволъ и колебаніе; въ опредѣленіи времени—полное незнаніе важнѣйшихъ условій, пріурочивающихъ произведеніе къ той или другой эпохѣ существованія средневѣковой драмы. Замѣтно, что

издатели отдѣльныхъ памятниковъ мало знакомы съ остальнымъ кругомъ ихъ: вотъ почему они нисколько не затрудняются отнести мистерію XIV—XV вв. къ XII и XIII, даже не подозрѣвая существованія различныхъ періодовъ въ исторіи средневѣковаго театра, не имѣя никакого яснаго понятія о томъ длинномъ пути развитія, по которому шла мистерія въ періодъ времени отъ XII до XV в.!

Такая неразработанность вопроса часто отзывалась даже и на дѣятельности весьма замѣчательныхъ ученыхъ, когда этотъ вопросъ дѣлался цѣлью ихъ занятій. Такъ, напримѣръ, самъ Маньенъ (Charles Magnin) не вполнѣ ясно понималъ значеніе средневѣковой драмы и, принимая школьныя подражанія христіанъ древнимъ классикамъ за первыя христіанскія драмы, возникшія на почвѣ новой европейской цивилизаціи [1]), предполагалъ возможность существованія христіанской драмы въ IV в. по Р. Х., слѣдовательно въ такую эпоху, когда вовсе не существовали даже и тѣ условія, изъ которыхъ въ послѣдствіи произошли начатки христіанской драмы. И весьма еще недавно, большинство ученыхъ принимало названія немногихъ греческихъ отрывковъ [2]) да латинскія комедіи Гросвиты, неимѣющія ничего общаго съ средневѣковой европейской драмой, за первую ступень ея развитія; а такому ложному предположенію преимущественно способствовало то, что никто не хотѣлъ признать за средневѣковой драмой полной самостоятельности происхожденія, допуская возможность прямой, органической связи между классической драмой древнихъ и духовною драмою среднихъ вѣковъ.

---

[1]) Journ des Savants. 1849, p. 12—26. 275—288.

[2]) Deubner. Euripidis fragmenta. Въ концѣ.

Такое предположеніе, неоснованное ни накакихъ положительныхъ данныхъ, и въ тоже время способное многихъ привести къ совершенно ложнымъ результатамъ, конечно должно быть разсмотрѣно нами въ самомъ началѣ нашей книги. Для этого считаемъ мы необходимымъ въ краткихъ чертахъ припомнить здѣсь исторію окончательнаго періода существованія римской сцены, въ эпоху паденія Западной Римской Имперіи. Мы обратимъ вниманіе на тѣ зрѣлища, которыя болѣе занимали столичныхъ и провинціяльныхъ жителей Римской Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся опредѣлить положеніе въ обществѣ тѣхъ лицъ, которыя посвящали себя сценической карьерѣ. Только изъ такого очерка можемъ мы получить правильный взглядъ на дѣйствительное значеніе послѣдняго періода существованія классическаго театра въ общей исторіи европейскаго театра и вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ окончательно рѣшится вопросъ: могла ли классическая сцена оказать како-нибудь вліяніе на зарожденіе сценическихъ представленій въ новомъ христіанскомъ мірѣ?

Въ Римѣ театръ не произошелъ изъ потребностей народа и, несмотря на то, что онъ привлекалъ вниманіе римской публики, жадной до всякаго рода удовольствій и зрѣлищъ, однакоже никогда не пользовался и не могъ пользоваться такимъ значеніемъ въ обществѣ, какимъ пользовался театръ греческій въ лучшія времена Греціи. Такое явленіе не должно никому казаться страннымъ: театръ съ самаго начала былъ въ Римѣ произведеніемъ чуждой почвы, которое Римляне точно также случайно занесли въ свою всемірную столицу, какъ и культы чуждыхъ божествъ, и обычаи отдаленныхъ земель. Потому-то именно онъ въ Римѣ никогда не носилъ на себѣ

вполнѣ оригинальной физіогноміи; драматическое искусство не двигалось далѣе подражанія греческимъ образцамъ, и ни одинъ римлянинъ не только не превзошелъ своихъ учителей грековъ, но даже не приблизился къ нимъ въ своихъ произведеніяхъ. Впрочемъ греческіе образцы и немогли имѣть успѣха тамъ, гдѣ грубый вкусъ толпы ставилъ кровавыя игры гладіаторовъ гораздо выше театральныхъ представленій [1]).

Предпочтеніе, оказываемое гимнастическимъ играмъ и свидѣтельствующее о крайней неразвитости массы, вскорѣ дѣйствительно отодвигаетъ всѣ театральныя представленія на второй планъ. Забываются не только comoedia и tragoedia palliata, но и ателланы, и представленія мимовъ, успѣхъ которыхъ еще зависѣлъ до нѣкоторой степени отъ литературнаго достоинства пьесъ, разыгрываемыхъ ими. [2]) Вниманіе публики привлекаютъ одни пантомимы, которые при ближайшихъ наслѣдникахъ Августа начинаютъ положительно преобладать надъ всѣми остальными родами театральныхъ представленій. Быстрый успѣхъ этого новаго рода значительно способствуетъ паденію римской сцены, потому что пантомимы болѣе и болѣе низводятъ благородное актерское искусство на степень простаго фокусничества.

---

[1]) Тѣже игры никогда, даже въ эпоху наибольшаго своего распространенія въ предѣлахъ Римской Имперіи, не могли установиться въ Аѳинахъ только потому, что тамъ сильно и живо было преданіе о болѣе возвышенныхъ зрѣлищахъ, о цвѣтущемъ времени греческаго театра.

[2]) Цвѣтущею эпохою для ателлановъ былъ періодъ времени между правленіемъ Суллы и Цезаря, когда Помпоній, Новій и Афраній снабжали ихъ представленія самыми игривыми и разнообразными сюжетами; точно также и лучшее время мимическихъ представленій относится къ краткому періоду между правленіями Ю. Цезаря и Августа, при которыхъ жили и лучшіе мимографы: Дец. Лаберій, Публій Сирянинъ (Syrus) и Кн. Маттій.

Пантомимъ (pantomimus) не нуждался въ помощи талантливаго автора; самаго плохаго риѳмоплета было достаточно, чтобы сочинить для него canticum—нѣчто въ родѣ краткаго стихотворнаго либретто, которое было необходимо только какъ объясненіе къ его мимической пляскѣ. Черезъ это разрывалась совершенно связь театра съ литературой и сцена, необлагороженная произведеніями высшаго творчества, является, уже при первыхъ императорахъ, простымъ сколкомъ грязной дѣйствительности, [1]) съ которой пантомимъ ладилъ какъ нельзя лучше, и въ угоду которой онъ старался избирать сюжетами своихъ представленій самые соблазнительные эпизоды любовныхъ похожденій Зевса или Венеры. [2]) Лучшимъ доказательствомъ крайняго ничтожества и пустоты этого новаго и преобладающаго рода въ сценическихъ представленіяхъ Римлянъ служитъ то, что пантомимы, не затрудняясь мѣстомъ дѣйствія, покидаютъ сцену постоянныхъ каменныхъ театровъ и переселяются въ цирки, гдѣ они даютъ свои представленія на тѣхъ же самыхъ подмосткахъ, на которыхъ для потѣхи неприхотливой публики являются и ученыя животныя, и фокусники, и плясуны на канатѣ... [3]) Здѣсь представленія пантомимовъ становятся подъ конецъ простымъ междудѣйствіемъ, на которое публика цирковъ привыкаетъ смотрѣть между прочимъ, какъ на забавное дополненіе къ травлямъ, охотамъ и побоищамъ гладіаторовъ. Мало того,

---

[1]) На это, кажется, прежде всѣхъ обратилъ вниманіе Овидій. См. его Tristia II, v. 497.

[2]) Martial., De spectacul.; epigr. 5.—Juvenal. Sat. XI, 201 и слѣд.—Prudent., Peristeph. v. X, 221.

[3]) Charles Magnin. Origines du théatre moderne. Стр. 466—7.

что представленія пантомимовъ достигаютъ поражающаго безобразія въ отношеніи нравственномъ: они словно заражаются близкимъ сосѣдствомъ смрадныхъ споліаріевъ цирка и его арены, такъ часто орошавшейся кровью, потому что и въ пантомимѣ вскорѣ являются кровавыя сцены,[1]) къ великому удовольствію жестокой черни, избалованной гладіаторскими играми. Объ искусствѣ, объ изящныхъ произведеніяхъ его—и помину нѣтъ въ этомъ мрачномъ періодѣ исторіи европейскаго театра. Но между тѣмъ какъ театръ падалъ все болѣе и болѣе, страсть къ играмъ продолжала возрастать чрезвычайно быстро и дошла въ послѣдствіи до удивительно безобразныхъ проявленій. При Септиміѣ Северѣ въ игры внесено было необычайное разнообразіе; при Валеріанѣ и Галліанѣ, въ то время, когда положеніе провинцій было такъ бѣдственно и жалко, игры во всѣхъ частяхъ имперіи давались чаще и великолѣпнѣе, чѣмъ когда либо до тѣхъ поръ. Только уже въ 325 г. Константинъ Великій издалъ первое запрещеніе кровавыхъ гладіаторскихъ побоищъ, какъ несовмѣстимыхъ съ общественнымъ спокойствіемъ[2]); въ 376 г. Валенцій, Граціанъ и Валентиніанъ опять дозволяютъ гладіаторскія игры и даже поощряютъ частныя лица къ тому, чтобы они давали игры; а въ 381 сами императоры рѣшаются принимать участіе въ играхъ, выпуская коней своихъ на конскія ристанія. Послѣ того Өеодосій принимаетъ нѣко—

---

[1]) Martial. lib. VIII, epigr. 30, также lib. X, ep. 25, еще De spectac. ep. ep. 7, 8, 21, Tertull., Ad nationes, lib. I, cap. 10.

[2]) Гиббонъ утверждаетъ однакожъ, что бои гладіаторовъ уничтожены были окончательно не ранѣе 404 г. императоромъ Гоноріемъ. (Gibbon. Decline and fall etc., V, 483).

торыя мѣры, [1]), чтобы хоть сколько нибудь обуздать страсть народа ко всякимъ зрѣлищамъ; но уже по тѣмъ уступкамъ, къ которымъ онъ былъ вынужденъ, ясно видна невозможность успѣшной борьбы противъ зла, сильно укоренившагося въ разлагающемся обществѣ. [2])

Послѣ того, что сказано нами было выше о сценѣ и другихъ зрѣлищахъ, привлекавшихъ толпу, мы конечно не должны удивляться тому взгляду на актера и его искусство, который постоянно высказывается въ твореніяхъ духовныхъ писателей и въ постановленіяхъ мѣстныхъ соборовъ, начиная отъ второй половины III вѣка и до половины V-го. Но любопытно ознакомиться съ тѣмъ, какъ римское общество и римскій законъ смотрѣли на актера и его искусство въ самый цвѣтущій періодъ римской сцены, когда ее украшали такія знаменитости, какъ Батилъ, Пиладъ, Гиласъ, Діонисія и т. п.?

Актеръ не могъ занимать выгоднаго положенія въ обществѣ римскомъ уже потому, что большею частью бывалъ человѣкомъ несвободнымъ, неотъемлемою собственностью того принципала, который смотрѣлъ на свою труппу, какъ на стадо (какъ видно изъ самаго названія труппы—grex), и стараясь извлечь изъ нея всевозможныя выгоды, въ тоже время считалъ необходимымъ держать ее подъ страхомъ своей неумолимой плети. Такое положеніе актера способствовало тому, чтобы между Римлянами уже очень

---

[1]) Cod. Theodos. XV, tit. 5. 2. Опредѣл. извѣстн. дни для театр. представленій и ристаній. Запр. тоже самое въ Воскрес. Ib. tit. 5. 5, Строго запрещ. тоже самое въ нѣкоторые праздн. Dominico (die),... atque Epifaniarum Christi, Paschae etiam et Quinquagesimae diebus.

[2]) *ibid.*—6. 2 Ludicras artes concedimus agitari ne ex nimia harum restrictione tristitia generetur.

рано развился презрительный взглядъ на сословіе актеровъ, почему и передъ закономъ актеры становились на одинъ уровень съ позорными сословіями; такъ въ древнихъ преторскихъ законахъ о нихъ упоминается вмѣстѣ со сводниками и отставленными отъ военной службы за постыдныя дѣла. [1]) На этомъ основаніи и преторъ, и курульные эдилы имѣли право наказывать актеровъ ударами, цѣпями, колодкой и тюремнымъ заключеніемъ (такъ называемое jus virgarum). Хотя это право при Августѣ и было отнято у властей (но конечно не у принципаловъ) [2]) однакоже не надолго; Тиберій, по поводу различныхъ безпорядковъ, происходившихъ въ театрѣ, опять поручаетъ преторамъ строго наблюдать за поведеніемъ актеровъ и даже зрителей за нескромность (immodestia) наказывать ссылкой. [3]) Въ тоже время сенаторамъ запрещаетъ Тиберій посѣщать домы пантомимовъ, всадникамъ—являться въ обществѣ пантомимовъ на улицахъ. Послѣднія запрещенія должны бы, повидимому, противорѣчить сказанному выше о положеніи актера въ римскомъ обществѣ? Но цѣлый рядъ свидѣтельствъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что публика дѣйствительно смотрѣла на актера только какъ на средство къ развлеченію (чѣмъ объясняются для насъ и Тиберіевы запрещенія сенаторамъ и всадникамъ), требовала отъ него величайшей точности и выдержанности, какъ въ декламаціи, такъ и въ пѣніи, и въ мимикѣ, и въ пляскѣ; хорошо знакомая со всѣми тонкостями сценическаго искус-

---

[1]) Digest. III, tit. 2. *De his, qui notantur infamia*. Edid. I. L. G. Beck. T. I, pars 2, 235.

[2]) Sueton. vita Augusti, c. 45

[3]) Taciti Annal. I, 77.

ства, публика оглушала актера свистками, осыпала грубыми насмѣшками за малѣйшую неисправность или несовершенство въ исполненіи роли, притомъ настоятельно требуя, чтобы актеръ повиновался малѣйшей прихоти зрителей и неосмѣливался раздражаться даже несправедливостью ихъ оцѣнки. Мало того: публика римская совершенно хладнокровно смотрѣла на то, какъ ея любимецъ, Пиладъ, за самую ничтожную вину былъ изгнанъ изъ Рима, а ученикъ его Гиласъ (Hylas) высѣченъ розгами на преторскомъ дворѣ.

Тиберій также запретилъ актерамъ давать представленія гдѣ-либо, кромѣ театра (alibi, quam in theatro). Этотъ пунктъ Тиберіева указа направленъ преимущественно противъ тѣхъ домашнихъ представленій и труппъ, о которыхъ мы упомянули выше, и которыя послѣ Тиберія стали такъ быстро распространяться въ римскомъ обществѣ. Если театральныя представленія на публичной сценѣ могли доходить до безобразнѣйшихъ крайностей, то можно себѣ представить чего достигали такія же представленія внѣ сцены! Они должны были, съ одной стороны, оказывать сильное вліяніе на окончательную порчу нравовъ высшаго общества, а съ другой, — еще болѣе ронять актеровъ въ глазахъ публики, потому что эти актеры, стремясь проникнуть въ домы знатныхъ и богачей, поддаваясь ихъ прихотямъ, становились на одинъ уровень съ ихъ домашнею челядью. Оно, впрочемъ, иначе и быть не могло. Надежда на легкій и прибыльный заработокъ привлекала слишкомъ многихъ къ поступленію въ сословіе актеровъ; оно разросталось болѣе и болѣе, и наконецъ было вынуждено къ снисканію пропитанія всѣми возможными способами. О многочисленности актеровъ въ Римѣ, въ IV в., можетъ дать нѣкоторое понятіе то мѣ-

сто Амміана Марцелина, въ которомъ онъ съ негодованіемъ разказываетъ, что когда голодъ угрожалъ однажды Риму, горожане рѣшили изгнать изъ стѣнъ города всѣхъ иностранцевъ, даже и тѣхъ, которые занимались преподаваніемъ наукъ (sectatores disciplinarum liberalium), а между тѣмъ оставили въ Римѣ всѣхъ мимовъ, три тысячи танцовщицъ и много другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ театру. [1]) Послѣ того какъ христіанство распространилось повсемѣстно и въ началѣ IV вѣка сдѣлалась преобладающею религіею въ предѣлахъ Римской Имперіи, положеніе актера ничуть не стало хуже, несмотря на то, что духовныя власти и отцы Церкви относились очень сурово ко всякимъ языческимъ увеселеніямъ и зрѣлищамъ, а слѣдовательно и къ тому сословію, которое видѣло въ нихъ единственный способъ пріобрѣтенья средствъ къ жизни.

Еще задолго до начала IV в., Кипріянъ, епископъ Карѳагенскій (живш. въ перв. половинѣ III в.) уже высказывалъ тотъ взглядъ, что актера (mimus) не слѣдуетъ допускать къ общенію съ христіанами, «ибо такое постыдное и безчестное общеніе посрамило бы и обезчестило Церковь.» [2]) Почти тоже высказано было въ 315 г. на мѣстномъ соборѣ въ Эльвирѣ, гдѣ рѣшено было допускать актера (pantomimus) къ принятію христіанства только въ томъ случаѣ, когда онъ не только откажется отъ дѣлъ своихъ, но и впредь обѣщаетъ не приниматься за нихъ: [3]) въ противномъ случаѣ—извергать его изъ церковной общи-

---

[1]) Amm. Marcell, Histor. lib. XIV.

[2]) Cypr. Epp. I, 10.

[3]) Conc. Illiber. can. 62: «ut prius ab actibus suis renuntient et tunc demum suscipiantur, ita ut ulterius non revertantur.» (Concilia omnia tum generalia tum provincialia; I, 363.)

ны. Въ 314 тоже мнѣніе было высказано и на мѣстномъ соборѣ въ Арлѣ: актеровъ отлучаютъ отъ всякаго общенія съ церковью, пока они останутся актерами. [1])

Еще точнѣе говорится о томъ же предметѣ въ Апостольскихъ постановленіяхъ (Constitutiones Apostolicae; VIII, 32); въ которыхъ требуется, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, «чтобы актеры и актрисы, возницы, гладіаторы, содержатели театровъ, а также и состязающіеся на Олимпійскихъ играхъ, флейщики, музыканты (всякаго рода, потому что въ текстѣ сказано»: играющіе на киѳарахъ и лирахъ») и плясуны, покинули свое искусство.» Такимъ же образомъ въ нихъ угрожаютъ поступить и въ отношеніи къ тѣмъ, которые одержимы театральнымъ бѣшенствомъ (theatromania).

Уже въ самомъ концѣ IV в., церковь, окончательно окрѣпнувшая, сознавшая свое могущество среди распадавшейся Римской Имперіи, допустила нѣкоторыя смягченія; по рѣшенію III-го Карѳагенскаго собора (въ 397 г.), дозволено было актерамъ,—которыхъ часто нужда заставляла возвращаться къ ихъ прежнему ремеслу—вторично отказавшись отъ сцены, снова вступать въ общеніе съ церковью. [2]) И IV-й Карѳагенскій соборъ (399 г.) тоже довольно мягко отнесся къ тѣмъ христіанамъ, которые не въ силахъ были воздержаться отъ посѣщенія театровъ; постановлено было отлучать только тѣхъ, которые въ праздникъ, пренебрегая церковнымъ богослуженіемъ, предпочтутъ ему театральныя зрѣлища. [3])

---

[1]) Conc. Arelat, can. (ib. p. 368.)

[2]) Conc. Carth III, can. 35, Scenicis atque histrionibus ceterisque hujusmodi personis vel apostaticis conversis vel reversis ad Dominum gratia vel reconciliacia non negetur. (ib. p. 503.)

[3]) Conc. Carth. IV, can. 88. Qui die solemni, praetermisso solemn ecclesiae conventu, ad spectacula vadit, excommunicetur. (ibid. p. 511)

Въ IV-мъ вѣкѣ такое снисхожденіе къ слабостямъ современниковъ со стороны церкви, которая въ лицѣ своихъ важнѣйшихъ представителей—отъ Кипріана и до Іоанна Златоустаго—въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ не переставала возставать противъ зрѣлищъ и страсти къ зрѣлищамъ, такое снисхожденіе было отчасти слѣдствіемъ тѣхъ историческихъ событій, которыя содѣйствовали быстрому и повсемѣстному исчезновенію классическихъ игръ и театральныхъ представленій. Неудержимый напоръ варваровъ, побуждаемыхъ слѣпымъ инстинктомъ къ разрушенію величавыхъ памятниковъ классической цивилизаціи; безпрерывныя войны, кровопитныя усобицы и необходимыя слѣдствія ихъ, полное отсутствіе личной безопасности и крайнее обѣднѣніе—вотъ что всюду вынуждало жителей Западной Римской Имперіи забывать и театральныя представленія, и зрѣлища цирка. Уже въ началѣ V вѣка по Р. Х. зданія театровъ и амфитеатровъ во всѣхъ провинціяхъ Западной Римской Имперіи приходятъ въ полнѣйшее разрушеніе; Сальвіанъ опредѣленно говоритъ, что въ Майнцѣ, Кёльнѣ, Трирѣ, Марсели, во многихъ городахъ Испаніи, они уже лежали въ его время въ развалинахъ и съ видимымъ удовольствіемъ прибавляетъ, «что зрѣлища прекратились въ городахъ римскихъ именно съ того времени, когда они подпали власти варваровъ.» [1]) Тоже самое подтверждаетъ и Августинъ, указывая на всеобщее обѣднѣніе, какъ на главную причину заброшенности и разрушенія громадныхъ цирковъ и театровъ (Unde enim cadunt, nisi inopia rerum?) [2]).

---

[1]) Salvian. De gubern. Dei, l, VI. «Ex illo tempore in urbibus Romanis haec mala (i. e. spectacula) non sunt, ex quo in barbarorum jure esse coeperunt.

[2]) Angustin. De consensu evangel. I, 33.

Долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ продолжали еще поддерживать зданія театровъ въ Равеннѣ и Римѣ, гдѣ даже и въ VI в. Өеодорикъ, проникнутый уваженіемъ къ памятникамъ классической древности, заботился о подновленіи и поддержкѣ ихъ, и особенно Колизея; [1]) но онъ уже ни въ комъ не встрѣчалъ сочувствія къ своимъ одинокимъ усиліямъ....

Во второй половинѣ VI вѣка игры цирка (а вмѣстѣ съ ними можетъ быть и театральныя представленія) [2]) продолжались лишь въ очень немногихъ провинціальныхъ городахъ Римскаго Запада, впрочемъ по совершенно особымъ, мѣстнымъ причинамъ: такъ въ Арлѣ послѣднія игры происходили при Хильдебертѣ I, сынѣ Хлодвига, въ 546 г.; [3]) затѣмъ король Хильперикъ I, въ 577 году, по свидѣтельству Григорія Турскаго, [4]) велѣлъ даже выстроить цирки около Парижа и Соассона, гдѣ въ 581 г., въ послѣдній разъ происходили игры по Римскому обычаю.

На Востокѣ Римской Имперіи игры цирка и театральныя представленія пережили паденіе Западной Римской Имперіи. Къ сожалѣнію исторія классической сцены въ Восточной Римской Имперіи для насъ до сихъ поръ остается очень мало извѣстной и единственнымъ мате-

---

[1]) См. Tiraboschi, Storia della Letteratura Italiana. Venezia. 1745. Tom. III, p. 67.

[2]) Conc. Arelat. III, въ 452 г. can, 5. Не слѣдуетъ забывать, что Арль остав. до 466 г. во власти Римлянъ.

[3]) Юстиніанъ согласился на то, чтобы короли французскіе предсѣдательствовали въ Арлѣ на играхъ въ циркѣ; желаніе воспользоваться этимъ почетнымъ правомъ, вѣроятно, болѣе всего должно было побуждать Хильдеберта къ учрежденію такихъ игръ въ Арлѣ въ 546 г; (См. Duclos, Oeuvres complètes. Paris, 1806; стр. 356—7).

[4]) Hist. Franc., lib V, cap. XVIII.

ріаломъ для изученія ея являются тѣ части кодексовъ Θеодосія и Юстиніана, въ которыхъ говорится о зрѣлищахъ и актерахъ [1]) и весьма немногіе отрывки изъ твореній отцевъ церкви; изъ послѣднихъ впрочемъ [2]) извлечь можно очень немногое, потому что Отцы церкви въ своихъ поученіяхъ не сообщаютъ намъ подробностей о зрѣлищахъ и бытѣ актеровъ, а только вообще порицаютъ страсть міранъ и духовныхъ къ зрѣлищамъ. Изъ кодексовъ Θеодосія и Юстиніана узнаемъ мы нѣсколько болѣе и о самыхъ зрѣлищахъ, и о томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ оставалось несчастное сословіе актеровъ.

Тѣ же самыя зрѣлища, которыя съ I-го вѣка по Р. Х. стали вполнѣ удовлетворять потребностямъ неприхотливой публики, продолжали и во времена Θеодосія и Юстиніана привлекать вниманіе толпы, даже восхищать ее. Сценическое искусство, повидимому, не подвигалось однакоже ни на шагъ впередъ и оставалось въ такомъ жалкомъ положеніи, которое можно считать однимъ изъ первыхъ и вѣрнѣйшихъ признаковъ паденіи классическаго міра: небольшія представленіи драматическаго характера перемежались плясками и музыкой и составляли какъ бы междудѣйствіе къ травлямъ звѣрей и гладіаторскимъ играмъ, происходившимъ въ той же аренѣ. [3]) Отношенія актеровъ

[1]) Для этого особенно важны въ Θеодосіевомъ кодексѣ — V, VI и VII гг. XV-й книги. Въ V и VI гг. гов. *о зрѣлищахъ* вообще; въ VII — *объ актерахъ*, (См. Codex Theodesianus cum perpetuis commentariis J. Gothofredi; edit. A. Marvilli. Mantuae. 1748, Томъ V-й.)

[2]) Изъ Отцевъ церкви прежде всего обращаютъ на себя вниманіе Тертулліанъ и I. Златоустый.

[3])...aut *scenicarum vel thymelitarum* spectatores fiunt *ludorum*, aut *earum, quae in theatris certantium ferarum pugnae fiunt etc.* (Cod. Justin. I, 4 de Episcopali audientia. Edit. Beck. II, pars 1, стр 96.)

...«aut *theatralibus ludis*, aut *Circeusium certaminibus*, aut *ferarum cursibus*..... (Cod. Theodos. edit. Marvilli; tom. V, lib. XV, tit V, § 2, стр. 318.)

къ обществу тоже мало измѣнились, судя по тому, что и въ Θеодосіевомъ кодексѣ, какъ и въ древнихъ преторскихъ законахъ, актеры (histriones), вмѣстѣ со сводиями, сводниками и публичными женщинами исключаются изъ числа честныхъ гражданъ (inhonestae personae). [1] Въ Θеодосіевомъ кодексѣ повелѣвается даже, чтобы дочерей актеровъ, которыя извѣстны своимъ честнымъ поведеніемъ, не понуждали къ поступленію на сцену; нечестныя же, напротивъ, должны быть побуждаемы къ поступленію на сцену. [2]) И этотъ параграфъ Θеодосіева кодекса, и всѣ тѣ, которые находятся рядомъ съ нимъ въ томъ же отдѣлѣ [3]) свидѣтельствуютъ намъ объ очень жалкомъ положеніи актера въ современномъ обществѣ; и дѣйствительно, положеніе это было тогда и продолжало быть послѣ того такимъ тягостнымъ и безвыходнымъ, что и самъ Императоръ Юстиніанъ (женатый на актрисѣ), при всемъ желаніи нѣсколько измѣнить его къ лучшему, [4]) рѣшительно ничего не могъ сдѣлать. Ремесло актера, по прежнему позорило нетолько его самого, но и весь его родъ: одно только общеніе съ церковью могло избавить его отъ этого позора, но подъ непремѣннымъ условіемъ— оставить сцену и невозвращаться къ своему ремеслу ни въ какомъ случаѣ. Есть впрочемъ основаніе думать, что и покинувъ сцену, актеръ не всегда могъ разсчиты-

---

[1]) Именно въ одномъ изъ эдиктовъ Θеодосія, Аркадія и Гонорія къ Руфину (394 г.) «de imaginibus....

[2]) Cod. Theodos. lib. XV; tit 7, §§ 2 и 4: *Filiae scaenicorum quaenam ad scaenam revocari possint vel non.*

[3]) Tit. VII. De Scaenicis.

[4]) См. Cod. Justin. Novellarum LI: «Ne a scaenicis mulieribus fideiussor aut iusiurandum perseverantiae exigatur.» Edid. Beck, T. II, pars 2 стр. 294.

вать на то, что будетъ охотно принятъ въ среду честныхъ гражданъ:—ему часто ставили въ укоръ его прежнюю дѣятельность (inhonesta professio) и самое слово актеръ употреблялось какъ бранное слово (vocabulum inhonestum). [1])

Весь этотъ небольшой очеркъ послѣдняго періода существованія классической сцены среди развалинъ классическаго общества и тѣ отдѣльныя—единственно-извѣстныя намъ — черты быта актеровъ, какія привели мы выше, кажется, достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что театръ не могъ (даже и при страстной любви Римлянъ къ зрѣлищамъ) оказывать сильнаго вліянія на общество временъ паденія Западной Римской Имперіи. Театръ на столько же служилъ средствомъ къ удовлетворенію прихоти испорченнаго воображенія зрителей, [2]) на сколько арена цирка—средствомъ къ удовлетворенію кровожадныхъ инстинктовъ толпы. Значеніе театра въ обществѣ было именно потому такъ ничтожно, что дѣйствительное искусство не развилось и не могло развиться на римской почвѣ. Вслѣдствіе этого не актеръ,—удовлетворяя эстетическимъ потребностямъ зрителей—приковывалъ къ себѣ ихъ умъ и сердце, овладѣвалъ ихъ волею; а напротивъ того, зрители считали себя въ правѣ распоряжаться тѣми людьми, въ которыхъ справедливо видѣли только наемниковъ, готовыхъ на всякое угожденіе, наемниковъ, работающихъ для пропитанія и занятыхъ только точностью въ отправленіи своихъ обязанностей, потому что за малѣйшую неисправность имъ угрожали свистки и насмѣшки знатоковъ передъ публикой и плеть принципала за кулисами. Толпу

---

[1]) Cod. Justin; lib. V, tit 4: de nuptiis, § 1. (Edit. Beck. Tom I, pars 1, стр. 429.)

[2]) Mommsen. Römische Geschichte; III. p. 375.

побуждало къ посѣщенію театра не горячее стремленіе къ наслажденію, какое могла бы доставить игра актера художника, а скорѣе желаніе просто убить время, желаніе забыть на нѣсколько часовъ тяжелую дѣйствительность подъ впечатлѣніемъ такихъ образовъ, которые болѣе всего были способны возбудить къ грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ.

Такія побужденія были совершенно недоступны тѣмъ различнымъ варварскимъ племенамъ, которыя отовсюду залили территорію Западной Римской Имперіи. Варвары, полные презрѣнія къ попранной ими цивилизаціи, къ ея учрежденіямъ, памятникамъ и обычаямъ, послѣ принятія христіанства, гораздо болѣе были способны сочувствовать суровымъ проповѣдямъ Отцевъ Церкви противъ бѣсовскихъ игръ (daemonia), чѣмъ, наравнѣ съ Римлянами, находить въ нихъ пріятное препровожденіе времени; и вотъ, къ концу VI в., когда варварскія племена уже всюду успѣли осѣсть и образовать болѣе или менѣе прочныя государства, мы видимъ, что во всей западной Европѣ начинаютъ уже забывать не только о театрѣ, но даже о циркѣ Римлянъ; только на дальнемъ византійскомъ Востокѣ еще продолжаютъ свое жалкое существованіе давно уже отжившія свой вѣкъ игры и сценическія представленія древнихъ...

Но быть можетъ, о римскомъ театрѣ между пришлыми племенами сохранилось преданіе, на столько живучее, что въ послѣдствіи, при благопріятныхъ условіяхъ, оно могло бы хоть сколько-нибудь способствовать развитію христіанской драмы? Можетъ быть даже сохранился какой-нибудь видъ древнихъ сценическихъ представленій, послужившій хоть до нѣкоторой степени образцомъ позднѣйшихъ христіанскихъ представленій XI, XII, XIII вв.? —

И то, и другое можетъ тѣмъ болѣе казаться возможнымъ, что существованіе бродячихъ провинціальныхъ труппъ—даже рядомъ съ постоянными труппами, при постоянныхъ театрахъ—едва ли можетъ подлежать сомнѣнію (по крайней мѣрѣ для Италіи и южной Франціи) [1].

Далѣе надѣемся мы доказать положительно, что ничего подобнаго не уцѣлѣло отъ древности для среднихъ вѣковъ; что всѣ предположенія о связи средневѣковой драмы съ классическою, — при помощи которыхъ стараются объяснить появленіе первыхъ драматическихъ опытовъ въ средніе вѣка—ни на чемъ не основаны, потому что новое христіанское общество создало свою драму также самостоятельно, какъ нѣкогда самостоятельно создалъ ее міръ греческій. Но здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ противъ важнѣйшаго изъ тѣхъ доказательствъ, которыя обыкновенно приводятся всѣми сторонниками мнимой зависимости средневѣковой драмы отъ драмы классической въ подтвержденіе вышеприведенныхъ нами гипотезъ.

Риккобони, въ своей исторіи итальянскаго театра [2]), а за нимъ и Флёгель, и Эбелингъ, и Фрейтагъ, и многіе другіе старались доказать, что итальянская народная комедія (commedia del'arte) заключаетъ въ себѣ весьма

---

[1]) Стоитъ припомнить слѣд. отрывокъ изъ III сатиры Ювенала:...
. . . . «Ipsa dierum.
«Festarum herboso colitur si quando theatro
«Majestas, tandemque redit ad pulpita notum
«Exodium, cum personae pallentis hiatum
«In gremio matris formidat rusticus infans:
Aequales habitus illic, similemque videbis
Orchestram, et populum»...
(v. 157—163).

[2]) Histoire du théatre italien depuis la décadence de la comédie latine. Par L. Riccoboni. Paris. 1730. 2 тома.

много общихъ элементовъ съ древне-римскими ателланами; находили сходство не только между отдѣльными ролями, но и между аттрибутами, костюмами и названіями нѣкоторыхъ лицъ въ ателланахъ и въ народной комедіи итальянской [1]). Если даже мы захотимъ придать самое обширное значеніе отдѣльнымъ чертамъ сходства между ателланами и современной итальянской арлекинадой, это еще не дастъ намъ права вѣрить въ возможность вліянія классическаго театра, даже и по преданію, на развитіе возникшей въ средніе вѣка драмы. Отдѣльныя черты сходства между ателланами и арлекинадой могутъ только заставить насъ подивиться тому, какъ бываютъ живучи въ народной памяти нѣкоторыя формы и типы, созданные народною фантазіею. Но какое же значеніе могутъ имѣть эти черты сходства въ вопросѣ о зависимости или независимости происхожденія средневѣковой европейской драмы отъ драмы классической? Положительно никакого.

Въ невозможности какой бы то ни было связи между отжившимъ театромъ древняго міра и новымъ христіанскимъ театромъ, возникшимъ въ Европѣ не ранѣе, какъ чрезъ IV—V вѣковъ послѣ окончательнаго паденія классическихъ зрѣлищъ на западѣ, на первый разъ лучше всего могутъ насъ убѣдить тѣ попытки подражанія древнимъ, которыя сохранились намъ отъ начала среднихъ вѣковъ и на латинскомъ, и на греческомъ языкѣ [2]). Комедіи Гросвиты и отрывки греческихъ драматическихъ произведеній, при довольно правильной внѣшней формѣ, по-

[1]) См. Riccoboni. Ibid, 4, 5, 6, стр. 1-й главы въ I части (Арлекинъ и Centunculus) и отчасти глава II (Zanni и Sannios).

[2]) См. въ книгѣ Дейбнера. Въ самомъ концѣ

*

ражаютъ насъ бѣдностью своего внутренняго содержанія; замѣтно, что авторы-компиляторы этихъ произведеній были безпрестанно вынуждаемы обращаться къ помощи классиковъ и заимствовать у нихъ не только основу пьесы или части содержанія, но старались даже выражаться словами классиковъ [1]), какъ бы не довѣряя силѣ своего дарованія.

Напротивъ того, христіанская драма, начиная съ самыхъ первыхъ опытовъ своихъ, явилась уже вполнѣ самостоятельною, пошла своимъ особымъ и весьма опредѣленнымъ путемъ. При всей грубости и неправильности формы, при всѣхъ затрудненіяхъ, какія долженъ былъ представлять ихъ авторамъ чуждый церковный языкъ, эти первые опыты уже заключаютъ въ себѣ много живыхъ, прекрасныхъ, часто даже величественныхъ образовъ, которые тѣсно связаны по происхожденію только съ ревностнымъ изученіемъ св. Писанія и той обширной литературы легендъ, которая такъ быстро и богато разцвѣла въ VII и VIII вв.

---

[1]) Такъ, въ драмѣ, приписываемой Гр. Назіанзину, находимъ около 600 стиховъ, заимствованныхъ изъ трагедій Еврипида.—Въ тоже время существовалъ и особый родъ произведеній, такъ назыв. Центоны, въ которыхъ содержаніе излагалось обыкновенно словами и выраженіями классиковъ.

II.

Мы видѣли, что въ концѣ VI в. замерли на Западѣ послѣдніе отголоски древнихъ римскихъ игръ и зрѣлищъ. Еще гораздо ранѣе, почти за сто лѣтъ до этого времени, опустѣла сцена древнихъ театровъ и самыя зданія ихъ, никѣмъ не поддерживаемыя, уже близки были къ разрушенію. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ постоянныхъ театровъ на Западѣ, должны были конечно исчезнуть и постоянныя труппы актеровъ; не исчезли только названія древнихъ актеровъ — mimus, pantomimus, histrio — которыя точно также продолжали являться въ памятникахъ VIII, IX, X и XI вв., какъ они являлись въ постановленіяхъ мѣстныхъ соборовъ и въ поученіяхъ отцевъ церкви до VI вѣка. Появленіе этихъ именъ въ средневѣковыхъ памятникахъ можетъ пожалуй послужить поводомъ къ цѣлому ряду гипотезъ о небывалой живучести многочисленнаго сословія древнихъ актеровъ; для насъ однакоже важна не возможность такихъ гипотезъ, а то, что эти имена являются въ памятникахъ въ примѣненіи къ особому и совершенно новому сословію, на которое мы должны обратить вниманіе потому, что это сословіе безспорно ока-

зало въ послѣдствіи важное вліяніе на развитіе европейскаго театра.

Уже Риккобони высказалъ то мнѣніе, что «мимическія представленія не прекращались до начала новаго театра не только въ Италіи, но и въ другихъ странахъ Европы [1]). Въ этомъ мнѣніи есть своя доля справедливости, если только подъ этими словами Риккобони не подразумѣвать того, что не прекращались представленія древнихъ мимовъ и если не придавать слишкомъ большаго значенія слову представленія; мы видимъ, что нѣчто въ родѣ сценическихъ представленій дѣйствительно существовало съ самаго начала среднихъ вѣковъ и тѣ, которые занимались выполненіемъ ихъ, дѣйствительно носятъ въ памятникахъ VIII, IX, X и XI в. в. названія мимовъ, пантомимовъ и гистріоновъ (mimi, pantomimi, histriones) [2]). Но еще чаще называются они въ тѣхъ же памятникахъ скоморохами (joculatores), плясунами (scurri, balatrones, saltatores), музыкантами вообще (musici) или являются подъ частными названіями, произведенными очевидно отъ тѣхъ инструментовъ на которыхъ они играли (citharistae, vigellatores, timpanatores). Рѣже всего примѣняется къ нимъ названіе thimelici. Разнообразныя названія, употребляемыя наравнѣ съ названіями, сохранившимися отъ классической древности, а также и нѣкоторыя подробности, которыя встрѣчаемъ въ современныхъ памятникахъ, могутъ дать намъ довольно

---

[1]) Riccoboni. Hist. du théatre italien. T I, 21.

[2]) Подъ этими именами также нельзя разумѣть потомковъ древнихъ мимовъ, какъ подъ именемъ *gladiatores* въ одномъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ XII в. (De Nugis Curialium, I, VIII) нельзя разумѣть гладіаторовъ.

полное понятіе о бытѣ, значеніи и родѣ занятій этого особаго и любопытнаго сословія, которому покамѣстъ не дадимъ еще опредѣленнаго названія.

Древнѣйшее (хоть и косвенное) упоминаніе о немъ, встрѣчаемъ въ началѣ VIII вѣка [1]). Алкуинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоритъ между прочимъ: «Человѣкъ, впуская въ домъ свой гистріоновъ, мимовъ и плясуновъ (histriones, mimos et saltatores), не знаетъ, какая большая толпа нечистыхъ духовъ входитъ за ними слѣдомъ» [2]). Изъ словъ Алкуинова письма видно, что и въ его время уже довольно сильно было въ обществѣ то расположеніе къ этому сословію, противъ котораго потомъ такъ сильно возставало высшее духовенство. Въ томъ же вѣкѣ, Карлъ Великій, въ своихъ капитуляріяхъ, относится къ гистріонамъ точно также сурово, какъ и его наставникъ; онъ отнимаетъ право обвиненія (potestatem accusandi) ото всѣхъ опозоренныхъ, въ число которыхъ включаетъ и гистріоновъ [3]). Въ томъ же году 15-мъ § третьяго капитулярія запрещается епископамъ, игумнамъ и игуменьямъ держать при себѣ своры собакъ, а также соколовъ, ястребовъ и іокулоторовъ (joculatores—скомороховъ?) [4]). Не много позже, также въ правленіе Карла Великаго, именно въ 813

[1]) Любопытно изъ V в. слѣдующее свидѣтельство Кассіодора, заимствованное имъ изъ письма Өеодорика, который, поздравляя Хлодвига съ побѣдою при Тольбіакѣ, прибавляетъ: Citharoedum etiam arte sua doctum pariter destinavimus expeditum, *qui ore, manibusque, consona voc cantando*, gloriam vestrae potestatis oblectet..» Что это за *citharoedus?*—Объяснить мудрено.

[2]) Epist. 107 (около 721 года).

[3]) ... «infamiae maculis aspersi, i. e. histriones, ac turpitudinibus subjectae personae.» Capit. ap. Baluz. I, col, 229

[4]) Ibid, col 244.

году, тоже самое запрещеніе повторялось съ нѣкоторыми любопытными добавленіями: епископамъ и игумнамъ запрещалось допускать, чтобы въ ихъ присутствіи происходили постыдныя игры (joca turpia); [1]) запрещалось и вообще духовнымъ присутствовать при какихъ-либо играхъ (jocis); предписывается имъ не только самимъ отказываться отъ этихъ увеселеній, но и всѣхъ вѣрующихъ побуждать къ тому, чтобы они отъ нихъ отказывались [2]).

Если такія запрещенія соборовъ могли быть вызваны лицами высшаго духовенства, то ужь вѣроятно страсть къ играмъ (представленіямъ?) такихъ народныхъ актеровъ была довольно сильно развита въ обществѣ. Изъ весьма достовѣрныхъ современныхъ свидѣтельствъ узнаемъ мы дѣйствительно, что въ IX и X в. в. ни одно сколько нибудь важное событіе, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни не обходилось безъ тѣхъ игръ, пѣнія и музыки, о которыхъ мы упомянули выше. Такъ напримѣръ, въ 816 году, на соборѣ въ Ахенѣ, предписано было духовнымъ уходить со свадебъ прежде чѣмъ явятся на свадьбу thymelici (sc. histriones, musici aut mimi—такъ объяснено въ подлинникѣ), [3]) на томъ основаніи, что лицамъ духовнымъ вообще неприлично присутствовать при какихъ бы то ни было зрѣлищахъ (quibuscunque spectaculis, in scenis [4]) aut in nuptiis). Слѣдовательно эти histriones,

---

[1]) Conc. Remens. II, can. 17. (ib. III, 292).

[2]) Conc. Turon. III can. 8. (ib. III, 274).

[3]) Conc. Cabilon. (Шалонскій), can. 9. (ib. II, 876). Тоже самое запрещеніе повторяется и на Парижск. соборѣ, въ правленіе Лудовика Благочестиваго.

[4]) Conc. Aquisgran., can. 83. (ib. III, 327).

[5]) Дю-Мериль удачно поправляетъ: in coenis (Origines latines du théatre moderne. Préface.)

musici и mimi играли важную роль на свадьбахъ IX вѣка; мало того: — свадьбы, при праздновании которыхъ обходились безъ ихъ игръ, плясокъ и музыки, составляли такое рѣдкое исключеніе, на которое даже современные лѣтописцы обращаютъ вниманіе, какъ на событіе замѣчательное. Такъ въ XI вѣкѣ, Оттонъ Фрейзингенскій говоритъ съ особеннымъ удовольствіемъ и даже съ нѣкоторымъ изумленіемъ о томъ, что Генрихъ II (Императоръ), празднуя въ Ингельгеймѣ свою свадьбу съ Агнесой, выслалъ изъ города огромное скопище плясуновъ и гистріоновъ (collegium balatronum et histrionum)—которые, какъ водится [1]) (ut assolet), явились на это торжество—и отпустилъ ихъ не только не одаривъ, но даже не накормивъ; [2]) за то щедро раздалъ бѣднымъ то, что отнялъ у слугъ дьявола (a membris Diaboli). Подобные примѣры, судя по современнымъ свидѣтельствамъ, были очень рѣдки; напротивъ, большая часть общества совершенно забывала о бѣдныхъ, и въ тоже время бывала очень щедра въ отношеніи къ скоморохамъ (joculatores). [3]) Теганъ, въ своемъ жизнеописаніи Лудовика Благочестиваго, ставитъ ему въ особенную заслугу то, что Лудовикъ никогда не выражалъ своего сочувствія къ скоморохамъ и ихъ играмъ, и, хотя онъ не прогонялъ ихъ, подобно Генриху, съ большихъ празднествъ, но за то и «не удостоивалъ ихъ улыбкою даже тогда, когда всѣ кру-

[1]) Otto Freising. Chron. VI, c. 32.

[2]) Annall. Wirziburgenses. (Ap. Pertz, II, 243.)

[3]) Inebriant histriones, mimos, turpissimosque et vanissimos joculatores, quum pauperes Ecclesiae fame discruciati intereant, писалъ въ половинѣ IX вѣка Агобардъ, епископъ Ліонскій, въ своемъ сочиненіи «Lib. de dispensione.» (Заимствовано изъ книги Альта, Theater u. Kirche.)

томъ него смѣялись.» [1]) Такая черта характера въ Императорѣ дѣйствительно легко могла изумить хрониста въ то время, когда все, что жило около него, относилось крайне дружелюбно къ скоморохамъ и скоморошьимъ играмъ, которыя нравились одинаково самымъ разнообразнымъ слоямъ населенія, начиная отъ знати и духовенства до простыхъ поселянъ, которыя проникали даже и въ монастырскія стѣны [2]). Девятый и десятый вѣкъ полны много разъ повторяемыми—и по всѣмъ вѣроятіямъ тщетными—запрещеніями мѣстныхъ соборовъ, которые усиливаются отвлечь и монаховъ, и священниковъ отъ пристрастія къ скоморошьимъ играмъ и тѣмъ съ большею строгостью воспрещаютъ имъ допускать подобныя игры въ своемъ присутствіи, какъ неприличныя служителямъ церкви (ministri altaris Domini). [3])

Около XI в., то сословіе, которое намъ до этого времени извѣстно было подъ названіемъ мимовъ, гистріоновъ и т. п., при множествѣ видовыхъ различій и оттѣнковъ ремесла, которымъ оно занималось, видимо стало распадаться на два класса, рѣзко-отличавшіеся другъ отъ друга: 1) на чисто народныхъ пѣвцовъ-скомороховъ (joculator, jongleur, joglar, juglar) и 2) на пѣвцовъ-скомороховъ придворныхъ или домашнихъ (ministeriales, ministrales, ministelli, minstrels, menestriers, менестрели), тѣсно связанныхъ съ дворомъ короля и всякаго знатнаго. Какъ тѣхъ,

---

[1]) «Nunquam in risum exaltavit vocem suam, nec quando in summis festivitatibus ad laetitiam populi procedebant themilici, scurri et mimi cum coraulis et citharistis ad mensam coram eo, tunc ad mensuram ridebat populus coram eo, ille nunquam nec dentes candidos suos in risu ostendit. (Thegani vita Hludovici Imperatoris. Ap. Pertz II, 595.)

[2]) Greg. Turon. Hist. Franc. I. X. c. 6, и еще Labbé, Sacrosancta Concilia, t. IV, col. 659.

[3]) Conc. Gall. T. III, p. 115; и еще Baluz. Capitul. T. I. 1202, 1207 col.

такъ и другихъ встрѣчаемъ мы во всѣхъ странахъ Европы, начиная отъ Испаніи до Англіи и Чехіи; какъ тѣхъ, такъ и другихъ необходимо отличать отъ пѣвцовъ-поэтовъ по призванію, а не по ремеслу (trouvères, minnesinger, troubadours), [1]) которые почти во всей западной Европѣ существовали одновременно съ этими пѣвцами по ремеслу, но исключительно предаваясь довольно узкому лиризму, не обращались никогда къ какой бы то ни было другой литературной формѣ. Пѣвцы по ремеслу иначе понимали свое назначеніе. Постоянно вращаясь между народомъ, они менѣе всего могли быть расположены къ разработкѣ лирическихъ сюжетовъ и, напротивъ того, преимущественно посвящали себя эпическому роду. Рецитированье эпическихъ пѣсень, сопровождаемое и пополняемое жестами и мимикой, составляло важнѣйшую сторону ихъ ремесла, и то уваженіе, которое народъ всегда питалъ къ своимъ пѣвцамъ—хранителямъ его древнихъ сказаній—переносилось на всѣ классы вышеисчисленныхъ нами пѣвцовъ по ремеслу и придавало имъ важное значеніе. Важнѣйшею долею этого значенія они конечно были обязаны тому, что присвоивали себѣ, по примѣру древнихъ кельтійскихъ бардовъ, право воспѣванія современныхъ имъ подвиговъ, которые они умѣли тѣсно связывать съ воспоминаніями о далекомъ прошломъ и о славѣ предковъ. [2]) Такъ, много вѣковъ сряду, въ во-

---

[1]) Названіе трубадура въ послѣдствіи приняло также весьма обширное значеніе; самое искусство сильно упало и обратилась въ ремесло; но не такъ было въ началѣ...

[2]) Это весьма удачное сравненіе съ бардами нашли мы у Дюканжа: Ministelli... nobilium animos ad virtutem capessendam et summarum virorum imitationem accenderent: *quod fuit olim apud Gallos Bardorum ministerium.*

инскихъ пѣсняхъ продолжали вспоминать и прославлять имя Роланда, которое и Норманновъ въ послѣдствіи воодушевляло во время ихъ приготовленій къ Гастингской битвѣ. Вспоминались съ тою же цѣлью возбужденія къ воинскимъ подвигамъ и другія имена, какъ можно заключить изъ рассказа Аймоина о томъ, что Бургундцы, задумавши, въ 1095 году, ограбить Шатильонъ-на-Лоарѣ, подступали къ стѣнамъ его, «предшествуемые пѣвцомъ, который при звукѣ музыкальнаго инструмента воспѣвалъ войны и подвиги ихъ предковъ, что еще болѣе возбуждало (подступавшихъ)...» [1]) И такой обычай прославленія подвиговъ народными пѣвцами былъ очевидно весьма распространеннымъ, потому что въ романѣ Александра и въ хроникѣ Дюгеклена прямо говорится: «кто хочетъ заслужить славу доблестныхъ и храбрыхъ мужей, тотъ пусть подражаетъ тѣмъ (перечислены имена нѣсколькихъ героевъ древности и болѣе близкаго времени), въ честь коихъ пѣвцы слагаютъ свои романы (de quoy cils menestriers font les nobles Romans). [2])

Пѣвцы разумѣется, не всегда пользовались своимъ правомъ прославленія и воспѣванія подвиговъ съ благородною и высокою цѣлью воодушевленія и ободренія современниковъ къ совершенію новыхъ подвиговъ. Очень часто упо-

---

[1] (См. Voc. Ministelii въ Gloss. med. et inf. latinitatis).

[2]) «Tanta vero illis securitas ut scurram se praecedere facerent, qui musico instrumento res fortiter gestas et priorum bella praecineret, quatenus his acrius incitarentur....» Will. Malmesb. lib. 3. de Gest Angl. Aimoinus. De Miracul. St. Benedicti lib. IV. cap. 37.) Употребленное здѣсь слово *scurra*, всего лучше указываетъ намъ на то, кого именно слѣдуетъ разумѣть въ памятникахъ VIII, IX, X. и XI подъ именемъ *мимовъ, гистріоновъ* и т. п.

[3]) Ducange. Ibid; voc. «Ministelli.»

требляли они свое искусство только какъ средство къ удовлетворенію общечеловѣческой слабости—тщеславія — имѣя при этомъ въ виду однѣ личныя выгоды. «Не расточайте богатствъ вашихъ на мимовъ и гистріоновъ,» говоритъ одинъ изъ современныхъ духовныхъ писателей, [1]) «изъ желанія прославиться и сдѣлать имя ваше извѣстнымъ («ob famae redemptionem et dilatationem nominis......»). Желаніе это было однакоже такъ сильно въ высшихъ слояхъ общества, что когда къ началу XI в. пѣвцы-скоморохи—какъ мы упомянули выше (стр. 26)—распались на два рѣзко-отдѣльные класса, то менестрели быстро пріобрѣли весьма видное положеніе въ обществѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность легко наживаться. [2]) Два писателя, очень близкіе по времени, довольно подробно описываютъ намъ положеніе менестрелей при дворѣ французскихъ королей въ XII в., хотя и не вполнѣ безпристрастно относятся къ нимъ и къ ихъ искусству. Изъ ихъ свидѣтельствъ мы узнаемъ, что въ палатахъ королей и князей (principum) постоянно толпились пѣвцы-скоморохи; что они старались забавлять знатныхъ на всевозможные лады: и плясками, и пѣніемъ и, можетъ быть, даже небольшими шутовскими діалогами или коротенькими

---

[1]) Jo. Sarisberiensis Epist. 247. (См. Ducange. Ibid. Voc. Ministelli) Іоаннъ Салисбурійскій былъ епископомъ Шартрскимъ въ 1176, при Лудовикѣ VII; онъ и написалъ знаменитую книгу о «Суетныхъ увеселеніяхъ двора.»

[2]) Тоже самое было и на другомъ концѣ Европы, въ Чехіи, гдѣ неизвѣстно было названіе менестрелей и княжескіе пѣвцы упоминаются подъ названіемъ *іокулаторовъ* (напр. Zunglo ioculator) и были вообще очень достаточными людьми. (См. кн. Їречка, Ueber die Echtheit der Könighofer Handschrift, стр. 102 или мой «Опытъ сравнительн. обозрѣнія древн. пам. герм. и славянск., стр. 73).

сценками не совсѣмъ приличнаго свойства. [1]) Искусно умѣли они все это переплетать намеками на современность и льстивыми, хвалебными обращеніями къ знати, которая ничего не жалѣла для вознагражденія пѣвцовъ—скомороховъ. «Есть между князьями и такіе,» повѣствуетъ съ негодованіемъ современникъ, «что готовы отдать гистріонамъ, служителямъ дьявола, тѣ одежды, надъ покроемъ которыхъ они долго ломали себѣ голову, которыя велѣли они изукрасить хитро вышитыми цвѣтками; имъ онѣ обошлись въ двадцать и тридцать марокъ серебра; а между тѣмъ, не прошло еще и недѣли, какъ они уже дарятъ ихъ гистріонамъ.» [2]) Щедрость князей относительно пѣвцовъ – скомороховъ не ограничивалась тѣмъ, что они дарили имъ платье со своего плеча: дарили они имъ и коней, награждали ихъ и серебромъ, и золотомъ. Скоморохи такъ хорошо умѣли пользоваться своимъ искусствомъ, что знатные привыкали считать ихъ необходимыми, нуждались въ ихъ обществѣ даже до того, что и отправляясь въ гости брали съ собой менестрелей на тѣ пиршества, которыя давали другъ другу. [3])

---

[1])...«Admissa sunt ergo spectacula et infinita tirocinia vanitatis, quibus qui omnino otiari non possunt, perniciosius occuparentur. Satius enim fuerit otiari quam turpiter occupari. Hinc mimi, salii vel saliares, balatrones, aemiliani, gladiatores, palaestritae, praestigiatores, malefici quoque multi et tota joculatorum scena procedit; quoque adeo error invaluit, ut a praeclaris domibus non arceantur, etiam illi qui obscoenis partibus corporis oculis omnium eam ingerunt turpitudinem, quam erubescat videre vel cynicus. (Jo. Sarisberiensis. De Nug. Cur.; lib. I, par. VIII)

[2]) Rigord.; De gestis Philippi Augusti. Подъ 1185 год.

[3]) Joinville, стр. 140. (Изд. Дюканжа 1688 г.) См. кромѣ того въ Gl med. et infimae latin., подъ слов. Ministelli, два свид. о томъ, что менестрели являлись и на торжественныхъ королевскихъ пирахъ съ нѣкоторымъ оффиціальнымъ значеніемъ.

Жуенвилль разсказываетъ, что и самъ Лудовикъ Святой любилъ послѣ обѣда (aprés manger) слушать музыку и пѣсни менестрелей и приказывалъ священникамъ, стоявшимъ около него, читать послѣобѣденныя молитвы не иначе, какъ прослушавъ пѣніе менестрелей. [1])

Нѣсколько позже (въ началѣ XIV в.) классъ менестрелей, не утрачивая своего значенія, пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе правильную организацію. Нетолько званіе менестреля (le menéstrier) становится чисто-оффиціальнымъ и упоминается въ числѣ прочихъ придворныхъ чиновъ, [2]) но и все сословіе менестрелей мало по малу складывается въ корпорацію, въ главѣ которой, по общему средневѣковому обычаю, является король менестрелей (roy des menestriers). [3])

Съ такими и подобными фактами очень трудно согласить извѣстія о томъ, будто и Филиппъ-Августъ, и Лудовикъ Святой изгоняли неоднократно пѣвцовъ-скомороховъ изъ Франціи; и напрасно стараются объяснить, что и тотъ, и другой изгоняли только одинъ какой-нибудь разрядъ пѣвцовъ-скомороховъ. [4]) Такое объясненіе невозможно при томъ общемъ смѣшеніи различныхъ оттѣнковъ

---

[1]) Joinville. Ibid; немного далѣе.

[2]) In Computo Hospitii Regis ann. 1317—1219. «le Menestriers» refertur inter alios officiarios. (Ducange Gloss. m. et inf. lat. Voc Ministelli).

[3]) «De munere (regis Ministellorum) ac potestate in ceteros Ministellos, agit Charta Henrici IV, regis Angliae Galica in Monast. Anglicano, T. I, p. 355. Charta originalis ann. 1338.... Aliae ann. 1357, 1362 (Ibid).

[4]) Издатели Hist. litter de la France (T. XVI, стр. 245). говорятъ, что Филиппъ Августъ изгналъ *les bateleurs*; а Beauchamps (Recherches sur les théatres de France. I, 164). утверждаетъ, что изгнаны были *пантомимы* (les pantomimes). Кажется, послѣ всего, что мы сказали о разрядахъ скомороховъ, достаточно видна несостоятельность и того, и другаго указанія.

ихъ ремесла, въ которомъ убѣждаетъ насъ удоборастяжимость нѣкоторыхъ болѣе распространенныхъ названій и многочисленность отдѣльныхъ терминовъ, обозначающихъ мельчайшіе оттѣнки скоморошьяго ремесла. На такую неопредѣленность названій (конечно какъ слѣдствіе неопредѣленности занятій) указываютъ уже жалобы одного изъ замѣчательнѣйшихъ трубадуровъ XIII в., Жиро̀ Рикье Нарбоннскаго. Онъ обратился въ 1275 г. къ королю Кастильскому Альфонсу X, съ поэмою, въ которой указывалъ на униженіе, какое приходится терпѣть сословію іогларовъ (ioglar) отъ того, что каждый присвоиваетъ себѣ это названіе и вслѣдствіе этого іогларовъ часто смѣшиваютъ съ простыми фокусниками, вожаками обезьянъ и площадными шутами. Во избѣжаніе такого смѣшенія, позорящаго ихъ сословіе, и въ видахъ возвышенія его значенія, Жиро̀ предлагаетъ Альфонсу раздѣлить всѣхъ іогларовъ на четыре класса: 1) докторовъ въ искусствѣ поэтическаго творчества (art de trouver), 2) простыхъ трубадуровъ, 3) собственно іогларовъ; 4) шутовъ. [1])

Что касается народныхъ пѣвцовъ-скомороховъ (jongleurs, joculatores), то хотя они и не занимали такого виднаго положенія въ обществѣ, какъ пѣвцы-скоморохи придворные, однакоже, при огромномъ распространеніи, были весьма любимы и уважаемы въ народѣ, а въ силу этого уваженія и пользовались—сравнительно—весьма значительными привиллегіями. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что въ XIII в., они могли проходить въ Парижъ черезъ городскую заставу и вмѣсто пошлины должны были пропѣть передъ сборщикомъ пошлинъ одну изъ своихъ пѣсенъ. [2])

---

[1]) De Sismondi: Hist. des litterat. du Midi. de l'Europe. T. I, 194.
[2]) Hist. litteraire de la France; T. XVI, 244 стр.

Съ другой стороны, мы имѣемъ полное право предполагать, что веселая наука (el gai saber—какъ выражались трубадуры) пѣвцовъ-скоморохов очень нравилась народу, и сильно привлекала массу къ этому веселому сословію, потому что приглашеніемъ пѣвцовъ-скомороховъ на праздникъ или на торгъ пользовались какъ приманкою для привлеченія массы. Это подтверждается однимъ изъ постановленій Раймунда графа Тулузскаго и папскаго легата (отъ 1233); тамъ говорится между прочимъ: «Дошло до насъ...., что нѣкоторые монахи,.... устроиваютъ въ извѣстное время года открытыя продажи своихъ (монастырскихъ) винъ, и, дабы увеличить требованье на нихъ, вводятъ сами или дозволяютъ входить въ свои ограды особамъ нечистымъ (turpes personas), нечестнымъ (inhonestas), какъ то: скоморохамъ (joculatores), гистріонамъ, игрокамъ въ кости (talarum lusores) сводњямъ и б—ямъ; что..... и воспрещаемъ.» [1])

Если къ этому мы прибавимъ, что весь XIII в. и большая часть XIV, полны запрещеніями папъ и высшаго духовенства, въ котырыхъ строго предписывается не допускать скомороховъ въ праздники къ церковной службѣ, запрещается и имъ надѣвать платье духовныхъ, и духовенству—переодѣваться въ скоморошье платье (о чемъ впрочемъ будетъ подробнѣе говорено въ слѣдующихъ отдѣлахъ нашей книги), то для насъ конечно станетъ ясно значеніе пѣвцовъ-скамороховъ, какъ древнѣйшихъ представителей сценическаго искусства въ Европѣ, въ какомъ бы грубомъ видѣ ни проявлялось оно въ ихъ первоначальныхъ представленіяхъ.

---

[1]) Raim. com. Tolos. et legat. papae statuta, anno 1233. Ap. Du Chesne; T. V. p. 819.

Не имъ однакоже принадлежитъ честь изобрѣтенья сюжетовъ и вообще первые опыты новаго, христіанскаго театра въ Европѣ. Ему суждено было произойти изъ иныхъ началъ, изъ иныхъ, высшихъ побужденій и потребностей, подъ совокупнымъ вліяніемъ христіанства и тѣхъ новыхъ идей, какія оно заронило въ грубую, но не безразличную, не равнодушную къ жизненнымъ явленіямъ массу народа. Новый христіанскій театръ создался на такихъ прекрасныхъ и высокихъ началахъ, что и самое сословіе пѣвцовъ-скомороховъ,—уже потому только, что въ послѣдствіи приняло на себя представленіе новыхъ (въ началѣ чисто-религіозныхъ) драмъ и способствовало ихъ популяризаціи—облагородило, возвысило, очистило свое значеніе и приготовило себѣ ту великую будущность, которая ожидала это сословіе, когда темный пѣвецъ-скоморохъ долженъ былъ обратиться въ актера.

III.

Христіанская драма была, безъ сомнѣнія, только послѣднимъ отголоскомъ того громаднаго переворота, который въ началѣ среднихъ вѣковъ произведенъ былъ повсемѣстнымъ распространеніемъ христіанства и постепеннымъ проникновеніемъ его въ массы варварскихъ и полуварварскихъ народовъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ приступимъ къ исторіи начальнаго періода средневѣковой драмы, мы должны будемъ нѣсколько ознакомить читателя съ тою почвою, на которой первые начатки ея развились подъ вліяніемъ довольно сложныхъ условій. На вѣки знаменательной и памятной въ исторіи останется та эпоха, въ теченіе которой христіанство должно было, при помощи постоянныхъ и самоотверженнѣйшихъ усилій прививаться къ грубой, но тѣмъ не менѣе высоко-поэтической почвѣ языческихъ вѣрованій и воззрѣній! Пробѣловъ въ исторіи этой любопытной эпохи много; многое остается въ ней недосказаннымъ и темнымъ по недостатку фактовъ, но все это нисколько не мѣшаетъ угадывать ея общій характеръ, понимать значеніе ея на основаніи того, что намъ извѣстно:

такъ крупны и важны извѣстные намъ факты. На основаніи этихъ то фактовъ постараемся мы представить возможно полную картину отношеній, установившихся на Западѣ между Церковью и народомъ съ самаго начала среднихъ вѣковъ, потому что однимъ изъ важнѣйшихъ плодовъ именно этихъ отношеній и была христіанская драма.

Христіанство сильно измѣнило нравы и понятія народа и въ тѣхъ странахъ, которыя находились подъ долговременнымъ и сильнымъ вліяніемъ римской цивилизаціи, и въ тѣхъ, которыхъ не коснулся этотъ могущественный образовательный элементъ. Въ свою очередь, христіанство должно было и само постепенно измѣняться отъ воздѣйствія той среды, въ которой оно распространялось. Но какъ бы постепенно ни совершалось такое измѣненіе, однакоже отступленіе христіанства на западѣ отъ его первоначальнаго, восточнаго типа, должно было со временемъ сдѣлаться весьма замѣтнымъ, несмотря на то, что и соборы въ своихъ правилахъ, и Отцы церкви въ своихъ сочиненіяхъ одинаково стремились къ сохраненію не только внутренней, но и внѣшней стороны христіанства въ первоначальной чистотѣ и неприкосновенности; несмотря на то, что во главѣ духовенства постоянно являлись люди съ весьма положительнымъ, часто даже суровымъ взглядомъ на жизнь, люди, глубоко понимавшіе всю важность, всю великость значенія Церкви съ средневѣковомъ обществѣ, часто весьма просвѣщенные, даже ученые (по своему), иногда хорошо владѣвшіе перомъ. Такіе люди не могли незаботиться и дѣйствительно заботились неутомимо объ улучшеніи быта духовенства, о разъобщеніи духовныхъ и міранъ, объ искорененіи въ духовенствѣ и невѣжественныхъ предразсудковъ, и непозволительной страсти къ мірскимъ увеселеніямъ, и вообще о приуготовленіи добрыхъ

пастырей стада Христово. Дѣло въ томъ однакоже, что такія усилія, при рѣдкости книгъ, при малочисленности и малораспространенности школъ, при общемъ весьма-низкомъ уровнѣ образованія, не могли увѣнчиваться надлежащимъ успѣхомъ и христіанству всюду приходилось выдерживать неравную борьбу съ язычествомъ. Между тѣмъ какъ народъ крѣпко и сознательно держался своихъ дорогихъ исконныхъ вѣрованій и обычаевъ, ему противустав-лялось духовенство, большею частью вышедшее изъ той же языческой среды, медленно и туго проникавшееся кроткимъ духомъ новаго ученія и, наравнѣ съ массою народа, болѣе склонное сочувствовать легкому (и въ пониманіи, и въ примѣненіи) міросозерцанію языческому, чѣмъ способное вполнѣ усвоить себѣ христіанское воззрѣніе на жизнь, уже потому, что въ основаніи его являлось полное равнодушіе ко всему земному. Съ другой стороны въ числѣ духовенства и монашества находилось множество людей молодыхъ, вступавшихъ въ духовное сословіе только изъ за того, что для многихъ эта дорога была единственно-доступною, доставлявшею скорѣе и легче, чѣмъ всякая другая, спокойное положеніе въ обществѣ, а иногда и богатства, и почести и самую неограниченную власть. Такая молодежь, вступая въ духовное сословіе (clerici), постоянно болѣе заботилась о весельи, забавахъ и шалостяхъ, чѣмъ о соблюденіи чистоты и неприкосновенности обрядовой стороны христіанства, тѣмъ болѣе, что она для всего низшаго духовенства оставалась темною и непонятною до того, что едва-ли многіе изъ клериковъ, становясь въ послѣдствіи священниками, были въ состояніи пояснить своей паствѣ значеніе различныхъ частностей догматической и богослужебной стороны христіанства. Вліяніе такого духовенства на массы народа конечно не

могло быть ни глубоко, ни сильно. Массы—даже и тогда, когда предѣлы христіанства внѣшнимъ образомъ распространились на крайній Сѣверъ, Востокъ и Западъ—почти всюду относились къ духовенству совершенно безразлично и при вынужденномъ (впрочемъ чисто-внѣшнемъ) соблюденіи обрядовой стороны христіанства, продолжали держаться языческихъ вѣрованій, преданій и обычаевъ. На классической почвѣ странъ, въ которыхъ нѣкогда процвѣтала римская цивилизація, мы и въ VII, и въ VIII вѣкѣ, встрѣчаемъ остатки классическаго язычества и тѣсно связанныхъ съ нимъ обычаевъ; тамъ духовенство, въ своихъ поученіяхъ, возстаетъ противъ празднованія Діонисій [1]) Календъ (Январскихъ), Брумалій, противъ надѣванія масокъ, противъ переодѣванья мужчинъ въ женское и женщинъ — въ мужское платье [2]) Въ странахъ варварскихъ въ то же самое время видимъ мы почти сплошной слой (подпочву, если можно такъ выразиться) древней языческой цивилизаціи, котораго только слегка коснулось новое христіанское ученіе. И тамъ тоже проповѣдники, возстаютъ противъ языческихъ празднествъ (обозночая ихъ, къ сожалѣнію, названіями празднествъ классическихъ), запрещаютъ паствѣ своей пѣть бѣсовскія пѣсни (carmina diabolica), принимать участіе въ игрищахъ и хороводахъ, надѣвать на себя звѣриныя шкуры и предаваться безумному веселью въ праздники святыхъ и другіе, связанные съ извѣстнымъ временемъ года. [3]) И между тѣмъ какъ

---

[1]) Постановл. Трулльскаго собора 692 г.

[2]) Die Rusalien. Ein Beitr. z. slavisch. Myth. von Mikloschicz. стр. 6:

[3]) «Nullus in Calendis Januarii nefanda aut ridiculosa, vitulas aut cervulas, aut jotticas faciat; nullus in festivitate S. Joannis vel quibuslibet sanctorum solemnitatibus, solstitia aut vallationes vel saltationes, aut coraules aut cantica diabolica exerceat. Ludos etiam diabolicos et vallationes vel cantica gentilium fieri vetate...» Изъ поученій св. Елигія (588+659).

нѣкоторая часть населенія усиливалась слѣдовать такимъ поученіямъ избраннаго духовенства, огромное большинство въ народѣ продолжало держаться древнихъ прадѣдовскихъ обычаевъ. Точно также, какъ и до введенія Христіанства, народъ, почти во всей Европѣ, съ вѣщими пѣснями провожалъ изъ селенія Зиму, въ видѣ безобразнаго чучела, которое при громкихъ кликахъ толпы сожигалось за околицей, или, еще чаще, въ видѣ человѣка, окутаннаго въ въ солому и разную ветошь; въ иныхъ мѣстахъ этого человѣка провожала толпа, вооруженная чѣмъ попало, и за деревнею заставляла его вступать спачала въ споръ, а потомъ и въ борьбу, съ Весною,—другимъ человѣкомъ, обвитымъ цвѣтами и зеленью, и одерживала легкую побѣду надъ отжившимъ временемъ года. [1]) Точно также около конца декабря ожидали въ Германіи посѣщенія Хольды съ ея свитою, а во Франціи и въ Англіи—посѣщенія эльфовъ и фей, которымъ готовили даже особый ужинъ (въ канунъ всѣхъ Святыхъ); точно также въ большей части Европы продолжали совершать различные обряды чисто языческаго характера [2]).

Но почему же все это не препятствовало поступательному движенію христіанства? Почему же оно и при неравныхъ условіяхъ боролось съ язычествомъ успѣшно, шло впередъ медленно, но, почти не сбиваясь съ пути, вѣрно достигало своей цѣли?

---

[1]) См. J. Grimm's. Deutsche Mythologie. Sommer u. Winter.

[2]) См. въ «Karlomanni principis Capitularia,» въ самомъ началѣ: Indiculus superstitionum et paganiarum (половины VIII вѣка). Тамъ замѣчательны между прочимъ слѣд. указанія... «de sacris Mercurii, vel Jovis; de sacrificio quod alicui sanctorum; de fontibus sacrificiorum:; de igne fricato de ligno i. e. nodfyr; de sacris quae faciunt super petras;... de simulacro quod per campos portant.... и т. д. (Ap. Pertz. III Mon. Germ., 19.)

Безъ сомнѣнія потому, что христіанство, сообразуясь съ неразвитостью и грубостью народнаго большинства,— этой сплошной массы, мало подготовленной къ воспринятію новой, лучшей цивилизаціи,— по необходимости уступало ей во многомъ до поры, терпѣло совмѣстное и одновременное существованіе двухъ религій,—одной, отживающей и исчезающей, другой, развивающейся и крѣпнущей. Мало того: терпимость христіанства давала Церкви возможность постоянно изобрѣтать новыя средства для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на трудномъ поприщѣ распространенія христіанскихъ идей.

Могущественнѣйшимъ изъ такихъ средствъ къ истолкованію и уясненію самой сущности христіанства массѣ народа было конечно стремленіе къ передачѣ всего отвлеченнаго въ формѣ видимаго и осязательнаго, стремленіе, появившееся въ христіанствѣ уже очень рано. [1]) Изъ этого стремленія развилась въ послѣдствіи на Западѣ весьма важная сторона церковныхъ обрядовъ — обряды поясняющіе, способствовавшіе тому, чтобы различными примѣненіями и сопоставленіями пояснять значеніе главныхъ догматовъ религіи или давать символическое истолкованіе важнѣйшихъ событій Св. Писанія. Оттуда же произошла большая часть блестящихъ и торжественныхъ процессій, связанныхъ съ церковными празднествами и обставленныхъ всѣмъ, что могло служить къ объясненію значенія праздника; [2]) оттуда же и цѣлый рядъ отдѣльныхъ обрядовъ, исключительно принадлежавшихъ важнѣйшимъ праздникамъ. Изъ того же самаго основанія возникли въ послѣдствіи совершенно понятныя, въ высокой степени плодотворныя

---

[1]) Первыя попытки изображенія Божества въ катакомбахъ римскихъ уже были проявленіями этого стремленія.

[2]) См. далѣе, стр. 54 и 55.

попытки—ознакомись народъ съ событіями жизни Христовой въ видѣ отдѣльныхъ живыхъ картинъ, поясняемыхъ чтеніемъ соотвѣтственныхъ мѣстъ изъ Св. Писанія.

На народъ однакоже и это стремленіе къ осязательному истолкованію отвлеченнаго оказывало вліяніе только до нѣкоторой степени и при томъ вліяніе чисто-внѣшнее: народъ все понималъ и перетолковывалъ по своему, незатрудняясь никакимъ символизмомъ и принимая за простое изображеніе дѣйствительности всѣ тѣ образы, при помощи которыхъ ему старались только пояснить недоступную его пониманію отвлеченность. Такъ напримѣръ, именно это, через-чуръ матеріяльное пониманіе отвлеченнаго, съ одной стороны, ярко выражалось цѣлымъ рядомъ грубѣйшихъ вымысловъ въ легендарной литературѣ; [1]) оно же, съ другой стороны, способствовало и внесенію въ церковное богослуженіе такихъ постороннихъ элементовъ, которые часто вовсе не согласовались съ его высокимъ религіознымъ значеніемъ. Духовенство воспрещало народу его непозволительныя бѣсовскія игры и увеселенія — остатки быта языческаго,—говорило ему въ своихъ проповѣдяхъ о духовномъ веселіи, которымъ должны быть полны сердца христіанъ во дни, сопряженные съ воспоминаніями о важнѣйшихъ событіяхъ земной жизни Христа или о подвигахъ Святыхъ... Народъ, однакоже, никакъ не могъ усвоить себѣ понятія о духовномъ веселіи иначе, какъ признавъ его вполнѣ тождественнымъ съ обыкновеннымъ мірскимъ веселіемъ, проявленія котораго онъ и сталъ болѣе или менѣе пріурочивать къ праздникамъ церковнымъ. И что-же было прямымъ слѣдствіемъ такого истолкованія?

---

[1]) См. A. Maury. Essai sur les légendes pieuses du moyen-âge etc. Paris, 1843. Особенно 2-я и 3-ья гл.

Въ самое непродолжительное время, церкви—трудно и повѣрить—наполнились проявленіями мірскаго веселія: шумными оргіями, пѣснями, плясками, которыя сопровождались и музыкой, и шутовскими переодѣваніями. И все это не казалось народу страннымъ или непослѣдовательнымъ, потому что онъ былъ совершенно правъ на основаніи своей особой логики! Такъ какъ подобныя проявленія мірскаго веселья въ церквахъ несомнѣнно должны были со временемъ стать въ тѣснѣйшее отношеніе къ тѣмъ драматическимъ представленіямъ, которыя и зачались въ церквахъ, и удерживались въ нихъ до начала XIII в., то мы и должны будемъ сказать о нихъ поподробнѣе.

Свѣтскія пѣсни очень рано вторгаются въ церковь и уже въ VII в. побуждаютъ высшее духовенство къ запрещеніямъ. [1]) Но запрещенія эти оставались совершенно недѣйствительными до того времени, когда католичеству удалось наконецъ искусственно отдѣлить духовенство отъ народа и образовать изъ духовнаго сословія особый міръ, которому были дороги и близки только его собственные интересы. Но въ VII, VIII и IX вв., духовенство и народъ за-одно слагали церковные гимны, на перерывъ стараясь выказать тѣмъ свое усердіе; а такъ какъ кругъ церковныхъ пѣсенъ и самый характеръ церковнаго пѣнія установились на Западѣ только уже гораздо позже (въ концѣ XII в.,) то и понятіе о томъ, что годилось для церковнаго обихода, было самое темное и неопредѣленное. На этомъ основаніи, пѣсни, совершенно свѣтскія, и по

---

[1]) Въ 658. г., на мѣстномъ соборѣ въ Шалонѣ (Conc. Cabilonense, can. 19 Ibid. III, 208 стр. изд. 1585 г.). См. объ этомъ подробнѣе въ книгѣ Герберта «De cantu et musica sacra a prima ecclesiae aetatae.» 2 тома in 4-°. 1774. Lib. II, pars. II, X с. 76 стр. Отдѣлъ подъ заглавіемъ: «contra muliebres voces ac choras, cantionesque ludicras, profanas etc.»

содержанію, и по напѣву, пѣлись во время службы въ церквахъ и духовенствомъ, и міряками, а съ другой стороны, духовныя пѣсни, уже давно вошедшія во всеобщее употребленіе не только на Западѣ, но и на Востокѣ, подвергались въ различныхъ мѣстностяхъ различнымъ передѣлкамъ, добавленіямъ и видоизмѣненіямъ, такъ что почти въ каждой странѣ получали особенный, вполнѣ національный характеръ — дѣлались народными. Это прежде всего выражалось въ томъ, что авторы наиболѣе распространенныхъ церковныхъ гимновъ забывались, печать личнаго творчества безслѣдно стиралась съ ихъ произведеній и, спустя нѣсколько десятилѣтій, эти произведенія, — точно также, какъ и многія народныя пѣсни — уже приписывались, въ разныхъ мѣстностяхъ, разнымъ авторамъ. [1]) Какъ пѣсни, сложенныя частными людьми, [2]) можно было свободно вносить въ кругъ пѣсенъ церковныхъ, такъ и наоборотъ, пѣсни, сложенныя лицами духовными могли свободно переходить въ народъ, тѣмъ болѣе, что вѣроятно ихъ столько же слагалось на языкѣ латинскомъ, сколько и на народномъ языкѣ. [3]) Превосходное подтвержденіе такого взаимнаго обмѣна пѣсенъ находимъ мы въ житіи св. Радегонды, написанномъ Венанціемъ Фортунатомъ. [4]) «Однажды»,—такъ разсказывается въ житіи—«въ то время,

---

[1]) E. Du-Méril. Poésies populaires latines du moyen-âge. 26 стр. предисловія.

[2]) Такъ напр. Григорій Турскій разсказываетъ, что король Хильперикъ слагалъ церковные гимны (Hist. Francorum, l. VI, въ концѣ).

[3]) «Ratpertus monachus... fecit carmen barbaricum populi in laudem St. Galli canendum, quod nos.... in latinum transtulimus. (Grimm u. Schmeller, Lat. Ged. des X Jahrh.; XXXI стр. предисл.).

[4]) Acta Sanctorum ordinis St. Benedicti; T. I, p. 325. (Цитата заимствована нами изъ книги Дю-Мериля: Poésies populaires latines» и т. д.)

когда уже наступали сумерки, святая стояла на молитвѣ, между тѣмъ какъ около монастыря міряне плясали и громко распѣвали пѣсни. Вдругъ одна изъ стоявшихъ около нея монахинь, обратилась къ ней и сказала ей весело: «Госпожа (domina), я сейчасъ слышала, какъ тѣ, что пляшутъ около монастыря, пѣли одну изъ моихъ пѣсенъ.» На это отвѣчала святая: «Дивлюсь я тому, что ты, посвятивъ себя Богу, еще можешь заниматься мірскимъ.» Сестра отвѣчала ей: «право, госпожа, я слышала, какъ они пѣли двѣ или три моихъ пѣсни.» Святая сказала на это: «Богъ мнѣ свидѣтель въ томъ, что я не слышу никакихъ мірскихъ пѣсенъ.»

Такое слаганіе пѣсенъ и частными, и духовными лицами, было до такой степени общимъ и обыкновеннымъ явленіямъ, [1]) что въ половинѣ VIII вѣка на одномъ изъ мѣстныхъ соборовъ въ Германіи было обращено вниманіе на духовныхъ, слагающихъ пѣсни, [2]) (compositores cantionum). Понятно, что народъ, всегда охотно слушающій и поющій свои пѣсни, привыкнувъ сопровождать ими каждый часъ своего досуга, тѣмъ еще охотнѣе пѣлъ во время праздниковъ церковныхъ, которыя почиталъ преимущественно предназначенными на веселье, потому что,—какъ мы уже говорили выше—не отличалъ своихъ праздниковъ, по значенію, отъ праздниковъ церковныхъ. Вотъ почему, въ дни нѣкоторыхъ

---

[1])....«in hymnis, писалъ въ началѣ XIIв. Абеляръ,»magis consuetudinem teneri, quam auctoritatem sequi... »

....Hymnos canunt in Dei laudem, vel *recens a se factos*, vel pridem ab aliquo priscorum vatum etc,» (Euseb. Hist. eccles. l. II, c. 16)

Обѣ цитаты взяты изъ книги Дю-Мериля:» Poésies pop. lat.;» стр. 23 предисл.

[2]) А именно на соборѣ 744. подъ предсѣдательствомъ св. Бонифація. См. Gerbert, De cantu et musica sacra etc. II т. 88 стр.

святыхъ, женщины и заводили въ церквахъ формальные хороводы (ballando, verba turpia decantando, choras tenendo ac ducendo) [1]) съ пѣснями и плясками; даже и гораздо позже, въ XII в., во время торжественныхъ процессій, женщины,—пользуясь небольшими промежутками времени, въ теченіе которыхъ духовенство и причетъ отдыхали—также пѣли веселыя пѣсни (nugaces cantilenas). [2]) Само собою разумѣется, что если ужъ мірскія пѣсни допускались даже въ кругъ пѣсенъ церковныхъ, онѣ въ глазахъ народа тѣмъ болѣе должны были являться необходимою обрядовою принадлежностью свадебъ, похоронъ и другихъ важнѣйшихъ событій частной и семейной жизни. И дѣйствительно, уже папа Левъ IV воспрещаетъ пѣть тѣ» бѣсовскія пѣсни, которыя, по народному обычаю, ночью поются надъ мертвыми,» [3]) и то же самое запрещеніе встрѣчаемъ потомъ (хоть и въ нѣсколько болѣе подробной формѣ) въ началѣ XIV вѣка!

Пѣсня въ народѣ бываетъ обыкновенно тѣсно связана съ музыкой и плясками. И въ церквахъ также это отношеніе между пѣснями и плясками неизмѣнилось нисколько: вмѣстѣ съ пѣснями проникли въ церковь и пляски, какъ выраженіе веселья, радости, чествованья праздника. Что пляски въ церквахъ имѣли именно такое значеніе, тому положительнымъ доказательствомъ служатъ постоянныя запрещенія плясокъ именно въ дни святыхъ. [4]) Такія запрещенія встрѣчаемъ и въ началѣ

---

[1]) Synod. Roman. anni. 826, can. 35. (Conc. ed. Labbé, VIII, 112).

[2]) Hist. litt, de la France. T. VII, стр. Lj. Свидѣтельство заимствов. тамъ изъ памятника XII же вѣка.

[3]) См. Gerbert. Ibid.

[4]) Syn. Rom. anni 826 (изъ котораго выше приведенъ былъ нами отрывокъ): «Sunt quidam et maxime mulieres, qui festis ac sacris diebus

IX вѣка въ капитуляріяхъ Карла Великаго (lusa diabolica), и, нѣсколько позже, въ постановленіяхъ Толедскаго собора. [1]) Особенно поражаетъ насъ во Франціи множество такихъ запрещеній, направленныхъ въ XIII вѣкѣ, противъ плясокъ въ церквахъ и, около церквей, на кладбищахъ. Отъ конца XIII вѣка сохранилось даже такое извѣстіе, которое указываетъ, что пляски въ церквахъ были почти повсемѣстнымъ явленіемъ. [2]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось даже принимать особыя мѣры для воспрепятствованѣ пляскамъ въ церквахъ; [3]) и несмотря на все это, обычныя пляски въ церквахъ до того укоренились въ нравахъ того времени, что даже и послѣ многихъ усилій со стороны высшаго духовенства, онѣ мѣстами продолжали еще существовать и послѣ XII вѣка, но уже были пріурочены только къ немногимъ большимъ праздникамъ, какъ необходимая принадлежность ихъ частнаго празднованья. [4])

Очень бы ошибся тотъ, ктобы подумалъ, что мірскому веселью въ церквахъ, церковныхъ оградахъ и на клад-

---

atque Sanctorum natalitiis, non pro earum, quibus debent, delectantur desideriis advenire,sed ballando, verba turpia decantando,choras tenendo... similitudinem paganorum peragendo advenire procurant....debet unusquisque sacerdos diligentissimme admonere, ut pro sola oratione *his diebus* ad eclesiam recurrent ete.

[1]) «Ballimathiae et turpia cantica prohibenda sunt a sanctorum solemniis. (Can. 23.) Петръ, архіепископъ Бордосскій, запрещаетъ, въ половинѣ XIII в., пляски въ праздникъ невинныхъ младенцевъ (Gerb. De cantu et mus. s. etc. T. II, стр. 102).

[2]) Conc. Bituricense (ann. 1280) «choreas in omnibus ecclesiis fieri penitus inhibetur.» (Labb. XI, 799).

[3]) Conc. Budense, an. 1279, can. 43: «ut divino officio celebrato, et populo regresso ad propria, ecclesias suas firmare debeant diligenter. (ib. 1029),

[4]) Martenius. De antiquae ecclesiae discipl., 28.

бищахъ, предавались одни міряне: и духовенство, и причетъ церковный также сочувствовали ему, какъ и представленіямъ скомороховъ, въ которыхъ точно также строго воспрещалось духовенству участвовать, какъ и во всякомъ другомъ мірскомъ увеселеніи. Во время праздничныхъ веселій, рядомъ съ пѣснями и плясками, въ церквахъ дѣйствительно не только міряне, но часто даже и скоморохи, надѣвали на себя платье духовныхъ, а тѣ переодѣвались въ свѣтское платье и скоморошью круту. [1]) Такое переодѣванье конечно подавало и той, и другой сторонѣ поводъ къ разнымъ шутовскимъ продѣлкамъ. Стремленіе участвовать въ мірскомъ весельи до того увлекало клериковъ, что они иногда покидали церкви и монастыри и либо присоединялись къ бродячимъ труппамъ пѣвцовъ-скомороховъ, либо сами образовали такія же труппы, исключительно посвящавшія все свое время буйному разгулу, пляскамъ, пѣнію и шутовскимъ представленіямъ. Съ начала X в. высшее духовенство уже обращаетъ вниманіе на противузаконныя дѣйствія такихъ труппъ, которыя вѣроятно были всюду весьма распространеннымъ явленіемъ, потому что такіе клерики и духовные, покинувшіе свое сословіе и поступившіе въ число скомороховъ, уже въ X вѣкѣ, упоминаются подъ общимъ именемъ голіардовъ (goliardus, мн. ч.-rdi.). [2]) Такихъ голіардовъ или бѣглыхъ клериковъ (clerici ribaldi)

---

[1]) Caroli Magni Capitul.; l. V. p. 1509 (ed. Heineccii).

[2]) Conc. Senonense, can. 27 (anno 923),—Этимологія этого слова, — отъ котораго Дюканжъ производитъ и французское *gaillard*, и итальянское *gagliardo*,—до сихъ поръ еще остается темною. Встрѣчается оно не только въ формѣ *Goliardus*, но и *Galiardus*, и *Goliardensis* и въ описательной формѣ—*qui sunt (dicuntur) de familia Goliae*. Дюканжъ сводитъ разныя этимологіи и между прочимъ производитъ это слово даже отъ имени какого то шута, извѣстнаго своимъ обжорствомъ.

и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи [1]) высшее духовенство приказывало останавливать, остригать, обривать и возвращать силою въ покинутое ими сословіе, или, въ случаѣ упорства съ ихъ стороны, по истеченіи годоваго срока, навсегда исключать изъ духовнаго сословія и лишать вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ правъ, какія сопряжены были съ ихъ званіемъ. Весьма любопытно то, что судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, такіе бѣглые клерики, покидая духовное сословіе, не отказывались, при случаѣ, отъ исполненія своихъ обязанностей и церковныхъ требъ, вѣроятно потому, что это составляло ихъ единственное средство къ пропитанію и слѣдовательно они предавались скоморошеству прямо изъ любви къ искусству. [2]) Съ другой стороны, прекрасно рисуетъ намъ отношенія духовенства къ народу въ XII—XIII в. в. другая черта быта голіардовъ. Присутствуя при богослуженіи они позволяли себѣ пѣть разныя пѣсни, сложенныя на голосъ наиболѣе извѣстныхъ пѣсенъ церковныхъ, чѣмъ конечно сбивали съ толку священнослужителей, мѣшали правильному ходу службы церковной и смущали (scandalizantur) прихожанъ. [3]) Тоже самое стремленіе ознаменовать праздникъ весельемъ, достойнымъ его значенія, порождало и шумныя

---

[1]) 1227 г. Conc. Trevirense; подъ 1229 г. у Матвѣя Парижскаго; 1231 conc. Turonense; 1274 г. conc. Salisburgense; 1310—Salzburgense и т. д.

[2]) Conc. Coloniense ann. 1300, can. 12: «Sacerdotes non permittant questionarios goliardos vel quoscunque ignotas intra parochiam suam in Ecclesia vel in via.... praedicare, vel ostiatim deferre indulgentias pro questu faciendo.

[3]) Conc. Trevirense (ann. 1227), can. 13 ut omnes sacerdotes non permittant Trutannos, et alios vagos scholares, seu goliardos cantare versus super Sanctus, et Agnus Dei aut alios (versos) in missa vel in divino officio, quia ex hoc sacerdos in canone quam plurimum impenditur et scandalizantur homines audientes. (Coc. Germ. III, 532).

оргіи при освященіи новопостроенныхъ храмовъ (Kirmess),[1] и блестящія процессіи съ самою пестрою страшною, часто даже шутовскою обстановкою;[2] наконецъ, въ своемъ крайнемъ развитіи, оно доводило до удивительно безобразныхъ проявленій. Къ наиболѣе замѣчательнымъ въ числѣ ихъ конечно принадлежитъ извѣстный праздникъ дураковъ или ословъ (festum Fatuorum, Stultorum seu Asinorum), который въ другихъ мѣстахъ назывался праздникомъ подъдьяконовъ (festum Hypodiaconorum), потому что происходилъ въ день памяти св. первомученика Стефана, котораго подъдьяконы считали своимъ патрономъ, почему и присвоивали себѣ въ этотъ день самыя неогра

---

[1]) День построенія храма праздновался каждогодно съ большимъ торжествомъ. Въ Страсбургскомъ соборѣ такое празднованье продолжалось нѣсколько дней сряду и въ теченіе ихъ тысячи народа оставались въ храмѣ безвыходно: пили, ѣли и спали въ немъ. Туда же переселялись на это время торговцы винами и съѣстными припасами. Безчинства, происходившія въ эти дни, нѣсколько разъ вызывали высшее духовенство къ запрещеніямъ, но только въ 1481 г. удалось окончательно прекратить эти оргіи. (См. Flögel's Gesch. des Grotesk-Komischen T. IV, стр. 181.)

[2]) Флёгель приводитъ нѣсколько примѣровъ такихъ процессій. Припомнимъ здѣсь древнѣйшія изъ нихъ. *Черная процессія* 1-го мая въ Еврё (Evreux), когда духовенство съ толпою народа отправлялось за городъ, въ рощу, и возвращалось оттуда съ вѣтвями. *Magnum tripudium* въ Марсели, въ день Св. Лазаря, когда водили по городу лошадей, коровъ и всякій скотъ, а потомъ хороводы по всѣмъ улицамъ. *Собираніе подаянія на свѣчу Маріи*, въ Аквиланёвъ, около новаго года, которое давало поводъ молодежи къ разнымъ шутовскимъ продѣлкамъ, пляскамъ и т. д. Высшей степени своего развитія достигли разнообразіе и пестрота процессій въ половинѣ XV в., съ учрежденіемъ въ западной Церкви новаго праздниства *Тѣла Христова* (Corpus Christi). Въ процессіи этого праздниства принимали участіе лица, одѣтые въ платье и окруженные атрибутами нѣкоторыхъ наиболѣе чтимыхъ святыхъ (св. Николая, св. Христофора и св. Георгія); рядомъ съ ними шли люди, одѣтые драконами, великанами, окутанные въ шкуры животныхъ (изображавшіе Валаамову ослицу, лошадь св. Георгія, пѣтуха и т. д.)

ниченныя права. Они не только избирали изъ своей среды епископа дураковъ и облекали его всѣми знаками епископскаго достоинства, но даже служили особенную литургію, сложенную спеціально для этого дня, въ которой всѣ части обыкновенной службы были извращены, переполнены двусмысленными вставками, неприличными сравненіями, остротами и насмѣшками надъ мѣстнымъ духовенствомъ. «Во время самой службы,»—говорится въ одномъ изъ современныхъ свидѣтельствъ, [1])—«дьяконы и подъдьяконы въ маскахъ, переряженные въ женское платье и въ скоморошью круту, пляшутъ въ храмѣ, поютъ на хорахъ непристойныя пѣсни, ѣдятъ колбасы, сидя на самомъ престолѣ, рядомъ со священникомъ, отправляющимъ богослуженіе, тутъ же играютъ и въ кости, и наполняютъ церковь зловоннымъ дымомъ кадилъ, въ которыхъ сожигаютъ куски старыхъ подошвъ, всюду съ крикомъ бѣгаютъ, пляшутъ и прыгаютъ.» За литургіей слѣдовалъ обыкновенно пиръ, въ которомъ принимали участіе и духовныя лица, и міряне, и даже скоморохи; [2]) а по окончаніи пира клерики разъѣзжали по городу въ телѣгахъ съ навозамъ, которымъ осыпали прохожихъ, забѣгали и въ частные домы и производили всякаго рода безчинства, [3]) которыя уже въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка вызвали первыя

---

[1]) Ducange. Glossar. med. et inf. latinitat. Voc. *Kalendae*. См. въ самомъ концѣ окружное посланіе Парижскаго Богословскаго Факультата, отъ 12 марта 1444 г.

[2]) «Ne sacerdos, qui, ut in festo S. Ioannis more solito missam celebret, assumetur aliquam personam ecclesiasticam vel mundanam, *mimos, vigellatores*, vel *tympanatores* ad coenam, vel ad prandium invitet....» (Conc. Wormat. anno 1316.)

[3]) См. Du Tilliot. Mémoires pour servir á l'histoire de la fête des Foux. Lausanne et Genéve. 1741. Стр. 8 и слѣд.

запрещенія со стороны высшаго духовенства [1]) противъ этого повсемѣстно распространеннаго праздества, въ которомъ всѣ элементы древнихъ вакханалій соединялись съ тѣмъ, что досужая и необузданная фантазія клериковъ могла придумать самаго дикаго въ буйствѣ и разгулѣ, самаго смѣлаго въ каррикатурѣ церковныхъ обрядовъ, самаго неприличнаго и плоскаго въ шуткѣ, каламбурѣ риѳмѣ. [2])

Вышеприведенные нами факты несомнѣнно важны для изученія исторіи средневѣковой драмы. Уже самая возможность существованія ихъ значительно облегчаетъ намъ пониманіе того, какъ могли явиться въ церкви представленія чисто драматическаго характера. Съ другой стороны, страсть клериковъ къ мірскимъ увеселеніямъ вообще, и въ особенности къ скоморошьимъ играмъ, служитъ намъ

---

[1]) Послѣднія запрещенія относятся однакоже къ концу XVI и началу XVII вѣка.

[2]) Праздникъословъ отличался отъ праздника дураковъ очень немногими и незначительными различіями. Онъ справлялся также около дня св. Стефана или въ Ивановъ день и главнѣйшую часть литургіи въ этотъ день составляли пѣсни (proses farcies) въ честь *осла*, способствовавшаго бѣгству св. семейства въ Египетъ. Каждый куплетъ этихъ пѣсень заканчивался припѣвомъ: «Hé, sire âne, he! hé!» который долженъ былъ изображать крикъ осла. (См. Du Meril. Poésies popul. lat. du moyen âge. Тамъ помѣщена одна изъ такихъ *proses farcies*.)

Въ Англіи праздникъ дураковъ замѣнялся въ иныхъ мѣстахъ (напр. въ Солисбюри) другимъ праздествамъ, которое было извѣстно подъ названіемъ *Eplus puor* т. е. *Episcopatus puerorum*. Мальчики, прислуживающіе въ церкви избирали въ этотъ день изъ среды своей епископа и служили особую литургію, для совершенія которой въ церковныхъ ризницахъ хранились и особые знаки епископскаго достоинства. (Ducange. Glossar. Voc. Kalendae. Въ концѣ), приноровленные къ дѣтскому возрасту. См. Gerbert. De cantu et mus. sacra. T. II, p. 82 и слѣд. Замѣчательно, что *episcopus fatuorum* избирался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внѣ церкви, на особыхъ подмосткахъ. См. Du Tilliot Mem. pour serv. à l'hist. de la fête des foux. Тамъ-же; далѣе.

также ключемъ къ объясненію того, почему церковныя представленія, первоначально духовныя по содержанію, такъ быстро восприняли въ себя элементы народности, и, покинувъ стѣны церквей, послужили прочной основой народной европейской драмы.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

СУДЬБА ДРАМЫ ДО НАЧАЛА XII ВѢКА.

Сверхъ того, что до настоящаго времени было напечатано изъ числа образцовъ средневѣковой драмы, ихъ еще вдвое болѣе извѣстно въ рукописныхъ редакціяхъ, хранящихся по разнымъ библіотекамъ; но ни одинъ изъ доселѣ извѣстныхъ образцовъ средневѣковой драмы, по времени рукописи, не восходитъ далѣе XI вѣка, которому, по всѣмъ вѣроятіямъ и принадлежатъ древнѣйшія произведенія въ этомъ родѣ. Мы можемъ однакоже утверждать положительно, что драматическія представленія духовнаго содержанія должны были явиться въ церквахъ южной и Западной Европы и гораздо ранѣе XI в., потому что въ числѣ произведеній конца XI и начала XII вѣка мы уже встрѣчаемъ такія, которыя ясно доказываютъ намъ, что духовная драма пережила не одинъ вѣкъ. Но намъ могутъ возразить, что если существовали и до XI в. драматическія представленія въ церквахъ, то должны бы конечно сохраниться образцы драматическихъ произведеній, принадлежащихъ этой отдаленной эпохѣ. Такіе образцы небольшихъ, зачинающихся драмъ, безъ сомнѣнія существовали въ то время для церковнаго обихода; но такъ какъ самая драма еще была слишкомъ тѣсно слита съ богослуженіемъ, то эти небольшія церковныя драмы и принимались всѣми за неотъемлемую принадлежность церковныхъ службъ (officia), пріуроченныхъ къ извѣст-

нымъ праздникамъ. Только гораздо позже, когда зачатки духовной драмы развились настолько, что современникамъ въ нихъ нельзя было не видѣть чего-то отдѣльнаго отъ самой службы, эти зачатки и получили общее названіе священныхъ представленій, мистерій (ludi sacri, mysteria). До того времени, когда драма церковная достигла этой степени развитія, когда она еще являлась въ стѣнахъ церкви только однимъ изъ множества обрядовъ, совершавшихся въ тотъ или другой праздникъ, она могла вовсе не существовать въ рукописи, потому что ее, какъ часть праздничной службы, долженъ былъ знать наизусть весь тотъ церковный причетъ, который участвовалъ въ исполненіи ея. Вотъ почему древнѣйшіе образцы церковной драмы находятся чаще всего въ служебникахъ XI, XII и XIII в. в., подъ названіемъ служебъ (того или другаго праздника, напр. Officium Ressurectionis, Officium Peregrinorum,—Magorum и т. д.) и Амаларій Мецскій (жившій около 830 г.), оставившій намъ подробное описаніе современныхъ ему праздничныхъ служебъ, [1]) не говоритъ ничего о какихъ бы то ни было особыхъ обрядахъ, которые бы совершались въ тотъ или другой праздникъ, именно потому, что такіе обряды, въ его время, вѣроятно еще не достаточно рѣзко опредѣлились и выдѣлились изъ круга церковной службы. А между тѣмъ намъ достовѣрно извѣстно, что и въ его время, во всѣхъ западныхъ церквахъ празднованье очень многихъ праздниковъ сопровождалась обрядами чисто-драматическаго характера. Въ праздникъ Эпифаній, въ воспоминаніе младенцевъ избіенныхъ въ Виѳлеемѣ, зажигали надъ престоломъ большую звѣзду

---

[1]) «De ecclesiae officiis» въ *Maxima bibliotheca patrum*. Lugduniae, XIV, 361.

составленную изъ маленькихъ лампадочекъ; трое клериковъ спускались съ хора, одѣтые въ царскую порфиру и съ золочеными вѣнцами на головѣ, выходили на середину церкви, въ сопровожденіи большой свиты (также клериковъ) и при пѣніи пѣсенъ, приличныхъ этому дню, приносили въ чашахъ обычные дары младенцу Христу. Въ Вербное Воскресенье, великолѣпную процессію, которою изображалось вступленіе Христа въ Іерусалимъ, встрѣчали въ иныхъ мѣстахъ люди, одѣтые бѣсами, и не впускали процессію въ городскія ворота.[1]) Въ день Вознесенія, деревянное, раскрашенное изображеніе Христа поднимали на веревкахъ въ самый куполъ церкви, а оттуда сбрасывали горящее изображеніе Сатаны.[2]) Въ Духовъ день, въ ту минуту кагда хоръ запѣвалъ «veni, Sancte–Spiritus,» съ верху церкви спускали внизъ бѣлаго голубка и бросали клочки зажженной пакли. Особенно щедро обставлялось различными обрядами празднованье Пасхи и Рождества Христова, такъ какъ эти праздники болѣе всѣхъ другихъ привлекали вниманіе христіанъ важностью своего значенія въ исторіи Церкви. Въ Рождество устроивали въ самой церкви или на паперти ея ясли, въ которыя полагали живаго ребенка или восковое изображеніе его и старались какъ можно точнѣе передать умилительныя подробности Рожденія Спасителя; окола яслей ставили вола и осла (иногда деревянныхъ или намалеванныхъ на полотнѣ), а всю церковь устилали соломой. Къ этимъ яслямъ подходили клерики, одѣтые пастухами, а другіе клерики, въ бѣлыхъ мантіяхъ и съ

---

[1]) Origines lat. du th. mod, Предисл., стр. 50.

[2]) Schack. Gesch. der dramat. Kunst u. Liter. in. Spanien. T I, 45 стр. введенія.

подвязными крыльями, изображая Ангеловъ, пѣли «Christus natus est nobis».

Во время Страстной недѣли и Свѣтлаго Христова Воскресенья каждая малѣйшая подробность Страстей, Смерти и Воскресенья Спасителя оживотворялась въ особыхъ обрядахъ. Въ Церкви устроивали подобіе гробницы, которую окружали стражею; завѣсу церковную срывали долой при словахъ Евангелія «Velum scissum est medium etc.;» клерики, одѣтые въ женское платье, въ видѣ женъ муроносицъ (tres Mariae) отправлялись къ гробницѣ, заглядывали въ нее и, потомъ, выступая на середину храма, объявляли, что Христосъ уже воскресъ изъ мертвыхъ. [1])

Такая обрядовая обстановка праздниковъ не вездѣ бывала одинакова и едвали возможно въ точности опредѣлить время возникновенія того или другаго изъ составляющихся обрядовъ; но въ древности большей части ихъ почти нельзя сомнѣваться, не смотря на то, что свидѣтельства о многихъ изъ нихъ сохранились довольно позднія (XIII-го и XIV вѣка). На древность обряда часто указываетъ самый характеръ его. Въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи, напримѣръ, Воскресенье Христово праздновалось совсѣмъ не такъ, какъ мы описали выше; въ Пятницу на Страстной недѣлѣ, полагали распятіе какъ бы въ гробницу и потомъ, въ ночь на Воскресенье Христово, вынимали его оттуда всѣмъ соборомъ, въ обозначеніе того,

---

[1]) См. подробнѣе о вышеприведенныхъ обычаяхъ: Gerbert, De cantu et mus. sacra; t. I, p. 533.—Griesbacher, Ueber die Ostersequenz «victimae paschali» u. deren Bezug zu den religiösen Schauspielen des Mittelalters. Karlsruhe. 1854., p. 21.—Durandi, Ration. div. officior; l. VI. c. 13. fol. 96, col. 1 (изд. Ліонское, 1540 г.); и еще тамъ же: lib. 17, c. 86, fol. 129. col I.—Martenn. De antiquae eccl, disciplina, p. 87.—Leroux de Lincy, Le livre des Legendes. p. 29 (Предисловія).

что Христосъ уже воскресъ. [1]) Не смотря на то, что объ этомъ нѣмомъ, но въ высшей степени замѣчательномъ обрядѣ (который народъ истолковывалъ по своему [2]) до насъ дошло лишь свидѣтельство, относящееся къ началу XIV в., мы должны признать его на столько же несомнѣнно древнимъ, на сколько древни и вышеприведенные нами обряды различныхъ праздниковъ, и тѣ обряды празднованія Пасхи въ Германіи и Франціи, которые подробно описываютъ намъ Дурандій и Мартеній. Любопытно сличить ихъ описанія съ древнѣйшими изъ тѣхъ драматизированныхъ службъ (officia), какія сохранились намъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ XII и XIII в., отъ X и XI, потому что такое сличеніе лучше всего объяснитъ намъ главный путь развитія, какимъ шла мистерія, видоизмѣняясь изъ простаго церковнаго обряда въ драматическое представленіе.

Въ монастыряхъ германскихъ, (въ концѣ XII и началѣ XIII в.,) въ ночь на Христово Воскресенье, два священника надѣвали на себя каппы,[3]) брали въ руки кадила и покрывали себѣ голову гомораріями, потомъ всходили на хоры, и, вскорѣ послѣ того, сойдя оттуда, направлялись къ гробницѣ (versus sepulchrum), распѣвая: «кто отвалитъ намъ камень отъ гроба,» на что діаконъ, который находился позади гробницы (retro sepulchrum) также долженъ былъ пѣть имъ въ отвѣтъ: «кого ищете? Тѣ ему отвѣчали: «Іисуса Назарея.» А дьяконъ имъ: «его нѣтъ здѣсь

---

[1]) Synod. Dioces. Wormat. Ad ann 1316·

[2]) ibid......«in sacra nocte ad sustollendam Crucifixi imaginem de sepulchro, ubi in Parasceve locata fuerat, nimia virorum et mulierum numerositas certatim sese comprimendo ecclesiam simul cum Canonicis et vicariis introire nitantur, opinante erronee: *quod si viderent Crucifixi imaginem sustolli, evaderent* hoc anno inevitabilem mortis horam. .»([1]

[3]) Cappa.—vestis species qua viri laici, mulieres laicae, Monachi ac Clerici induebantur. (Ducange Gloss. med et inf lat.

(non est hic). «Послѣ этого оба священника заглядывали въ гробницу и между тѣмъ какъ дьяконъ говорилъ: «идите, возвѣстите и т. д.» они возвращались на хоры и остановившись (super gradum) пѣли: «Христосъ воскресъ» и т. д. до конца. По окончаніи этого пѣнія игуменъ запѣвалъ передъ алтаремъ «Тебе Бога хвалимъ» и музыка начинала играть (campanae sonentur in angularibus). [1]) Въ Цюрихѣ тоже самое производилось (около 1260 г.) съ небольшимъ измѣненіемъ: «Женщины, [2]) ставъ какъ бы (quasi) передъ ангеломъ, пѣли: «кто отвалитъ намъ камень и т. д.;» ангелъ отвѣчалъ: «кого ищите?» Женщины: «Іисуса Назарея.» Ангелъ: «его нѣтъ здѣсь.» Женщины, возвращаясь къ тому мѣсту, гдѣ стояли клерики, пѣли: «ad monumentum venimus, Christum non vidimus etc.» По окончаніи этого пѣнія причетъ начиналъ пѣть антифонъ: «currebant duo simul etc.» и во время этого пѣнія двое старшихъ канониковъ, которые должны были представлять собою Апостоловъ Петра и Іоанна (representaturi Petrum et Iohannem) поспѣшно направлялись къ алтарю, но такъ, что младшій шелъ скорѣе старшаго, и тамъ, получивъ изъ рукъ каноника, одѣтаго ангеломъ (angelum representante), два бѣлѣйшихъ куска полотна, возвращались къ причту, и показывая это полотно народу, пѣли: «cernitis, o socii,» а хоръ тотчасъ же громогласно запѣвалъ: «Тебе Бога хвалимъ.» [3])

Еще подробнѣе описываетъ Дурандій [4]) совершеніе того же самаго обряда въ церквахъ французскихъ въ

---

[1]) Клерики, одѣтые въ женское платье.
[2]) Gerbert. de vet. liturgiae Alleman. monumenta; II, 237.
[3]) Gerbert; ibid. p. 864.
[4]) Durandi. Rationale divin. officior. Lib. VI, rubr. *de nocturno officio sabb. sancti* (Изд. Страсбургское 1546) p. 110.

XIII в. «Когда пропоютъ «gloria patri,» говоритъ онъ, то направляются со свѣчами и торжественнымъ шествіемъ (solemni processione) къ тому мѣсту церкви, гдѣ устроена гробница (sepulchrum imaginarium), куда и вводятъ нѣсколько лицъ (personae), изображающихъ женщинъ и одѣтыхъ въ женское платье (sub forma et habitu mulierum), а также и двоихъ учениковъ, т. е. Іоанна и Петра, которые будто пришли къ гробницѣ искать Христа; а другія лица, изображающія ангеловъ и одѣтые ангелами (in personis et forma angelorum), должны объявить имъ, что Христосъ уже воскресъ.» По этому поводу между той и другой стороной происходитъ разговоръ, совершенно подобный тѣмъ, которые уже были приведены нами выше, послѣ чего женщины и ученики возвращаются на хоры» какъ бы для сообщенія братіи своей всего, что имъ пришлось видѣть и слышать, и при этомъ, одинъ (изъ учениковъ) возвращается скорѣе другаго, словно бы Іоаннъ бѣжитъ скорѣе Петра.» Заканчивается все также пѣніемъ «Тебе Бога хвалимъ.»

Точно такой же обрядъ описываетъ и Мартенній въ своей книгѣ «о древнихъ монастырскихъ обрядахъ» съ тою, впрочемъ, разницею, что въ обрядѣ, описываемомъ Мартенніемъ, замѣчается болѣе передвиженій и переходовъ, болѣе частностей, оживляющихъ дѣйствіе. [1]) Для сличенія съ вышеописанными обрядами приведемъ здѣсь два древнѣйшіе образца пасхальныхъ мистерій (одинъ XII, другой XIII вѣка), напечатанные въ сборникѣ Моне, [2]) по двумъ Эйнзидельнскимъ рукописямъ.

---

[1]) Martenn. «De antiquis monachorum ritibus» T. I, p. 446.
[2]) Schauspiele des Mittelalters ib. 10—13; и еще T. I, 15—19.

Officium Resurrectionis.

ANGELUS *dicit*:

Quem quaeritis in sepulchro, o christicolae.

MULIERES *respondent*:

Jesum Nazarenum crucifixum, o coelicola.

ANGELUS *dicit*:

Non est hic, surrexit sicut praedixerat; ite, nuntiate quia surrexit de sepulchro.

MULIER *secum cantat*:

Quis revolvet nobis ab ostio lapidem, quem tegere sanctum cernimus sepulchrum?

ANGELUS *inquirit*:

Quem quaeritis, o tremulae mulieres, in hoc tumulo plorantes?

Respondent MULIERES:

Jesum Nazarenum crucifixum quaerimus.

ANGELUS *dicit*:

Non est hic, surrexit; sed, cito euntes, dicite discipulis ejus et Petro quia surrexit Jesus.

MULIERES *redeuntes secum cantant*:

Dicant nunc Judaei: Quomodo milites custodientes sepulchrum perdiderunt regem ad lapidis positionem? Quare non servabant petram justitiae? Aut sepultum reddant, aut resurgentem adorent nobiscum, dicentes Alleluia!

Venientes autem ad Discipulos dicant:

Ad monumentum venimus plorantes. Angelum Domini sedentem vidimus ac dicentem quia surrexit Jesus.

CHORUS:

Te Deum laudamus.

Пасхальная служба (по ркп. XII в.)

АНГЕЛЫ:

Кого ищете въ гробницѣ, христолюбивыя жены

ЖЕНЩИНЫ *отвѣчаютъ:*

Iисуса Назарея распятаго, небожитель.

АНГЕЛЪ *говоритъ:*

Его нѣтъ здѣсь; онъ воскресъ, какъ и предсказывалъ; идите и возвѣстите, ибо онъ воскресъ изъ гроба.

ЖЕНЩИНА *поетъ про себя:*

Кто отвалитъ намъ отъ входа (въ гробницу) камень, который, какъ мы видимъ, заграждаетъ святую гробницу?

АНГЕЛЪ *спрашиваетъ:*

Кого ищете, о трепетныя жены, кого ищете вы со слезами въ этой могилѣ?

ЖЕНЩИНЫ *отвѣчаютъ:*

Ищемъ Iисуса Назарея распятаго.

АНГЕЛЪ *говоритъ:*

Нѣтъ его здѣсь, воскресъ; но поспѣшите и скажите ученикамъ его и Петру, что Iисусъ воскресъ.

ЖЕНЩИНЫ, *возвращаясь поютъ про себя:*

Вотъ и скажутъ Iудеи: Какъ это воины, охранявшіе гробницу, потеряли царя, послѣ того, какъ былъ наложенъ камень? Почему не устерегли они камня, наложеннаго правосудіемъ? Пусть же они или возвратятъ намъ погребеннаго, или поклонятся вмѣстѣ съ нами воскресшему, воспѣвая Аллилуя!» *Подойдя же къ ученикамъ говорятъ).* Со слезами пришли мы къ гробницѣ и увидѣли сидящаго на ней Ангела Божія; онъ и сказалъ намъ, что Iисусъ воскресъ.

ХОРЪ:

Тебе Бога хвалимъ.

Officium Resurrectionis.

Ad visitandam dominicam sepulturam, UNA DE MULIERIBUS *cantet sola*:

Heu nobis! Internas mentes quanti pulsant gemitus
pro nostro consolatore, quo privamur misere,
quem crudelis Judaeorum morti dedit populus.

ALTERA *item sola*:

Jam percusso ceu pastore oves errant miserae,
sic magistro decedente turbantur discipuli;
atque nos, eo absente, dolor tenet nimius.

MARIA MAGDALENA:

Sed eamus et ad eius properemus tumulum;
si diliximus viventem, diligamus mortuum
(et ungamus corpus ejus oleo sanctissimo).

Simul cantent;

Quis revolvet nobis lapidem ab ostio monumenti?

ANGELUS:

Quem vos quem (l. quaeritis), flentes?

MULIERES;

Nos Jesum Christum (quaerimus?).

Item ANGELUS:

Non est hic vere.

MULIERES *revertentes cantent ad chorum*:

Ad monumentum venimus gementes, Angelum Domini sedentem vidimus et dicentem quia surrexit Jesus.

MULIERES, *vertentes se ad personam Petri apostoli, omnes cantent*:

En Angeli aspectum vidimus
et responsum eius audivimus;
qui testatur Dominum vivere:
sic oportet te, Symon, credere.

Другая Пасхальная служба. (По ркп. XIII в.)

При посѣщеніи гроба Господня одна изъ женщинъ *поетъ*

О горе намъ! какъ воздыхаетъ сердце наше
по нашемъ утѣшителѣ, котораго мы несчастныя лишились,
котораго жестокій народъ Іудейскій предалъ смерти!

другая изъ женщинъ *поетъ тоже одна:*

Какъ овцы, когда убитъ пастырь, бродятъ, несчастныя, безъ него,
Такъ точно, по отшествіи учителя, смущаются его ученики;
И насъ, въ его отсутствіи, подавляетъ тяжкое горе.

марія магдалина:

Но пойдемте же и отправимся къ его могилѣ;
если мы его любили въ живыхъ, то почтемъ его и мертваго,
и умастимъ его тѣло святѣйшимъ масломъ.

вмѣстѣ *поютъ*:

Кто отвалитъ намъ камень отъ входа въ гробницу?

ангелъ:

Кого вы ищете, плачущія?

женщины:

Мы Іисуса Христа ищемъ.

опять ангелъ:

Нѣтъ его здѣсь, во истину.

женщины *возвращаясь поютъ къ хору:*

Пришли мы съ плачемъ къ гробницѣ, увидѣли тамъ Ангела Божія, сидящаго на ней; онъ и сказалъ намъ, что Іисусъ воскресъ.

женщины, *обращаясь къ Петру апостолу, поютъ*:

Мы Ангела видѣли,
И отвѣтъ его слышали.
Онъ сказалъ намъ, что живъ Господь,
Такъ и слѣдуетъ тебѣ, Симонъ, вѣрить.

марія магдалина *одна поетъ слѣдующіе три стиха*:

Когда пришла я умастить умершаго,
То гробницу нашла пустою;

MARIA MAGDALENA *sola cantet hos tres versus*:

Cum venissem ungere mortuum,
monumentum inveni vacuum;
heu! Nescio locum discernere,
ubi possim magistrum quaerere.

Dolor crescit; tremunt praecordia
de magistri pii absentia,
qui sanavit me plenam vitiis,
pulsis a me septem daemoniis.

En lapis est vere depositus,
qui fuerat in signum positus;
munierant locum militibus;
locus vacat, illis absentibur.

CHORUS:

Una sabbati etc. *)

Mulieres recurrentes iterum ad sepulturam nihil dicant; (*postea*) MARIA MAGDALENA, *quarendo circumquaque, cantet*:

Victimae paschali laudes
immolent christiani.

Agnus redemit oves;
Christus innocens patri
reconciliavit peccatores.

Mors et vita duello
conflixere mirando:
dux vitae mortuus
regnat vivus.

DOMINICA PERSONA, *subito Mariae Magdalenae apparens, dicat*:

Mulier, quid ploras? Quem quaeris?

MARIA *respondeat*:

Domine, si tu sustulisti eum, dicito mihi ubi posuisti eum, quod ego eum tollam. Alleluia! Alleluia!

---

*) Одинъ изъ весьма распространенныхъ нѣкогда въ западной церкви гимновъ, принадлежавшихъ къ пасхальной службѣ.

Горе мнѣ, незнаю я и мѣста,
Гдѣ бы могла отыскать учителя.
Возрастаетъ печаль; сердце болитъ
По разлукѣ съ благимъ учителемъ,
Который излечилъ меня, полную грѣховъ,
Изгнавъ изъ меня семь бѣсовъ. *)

Вотъ и камень въ самомъ дѣлѣ сдвинутъ,
Который былъ здѣсь наложенъ;
Охраняли это мѣсто воины;
Но мѣсто пусто,—ихъ нѣтъ здѣсь.

ХОРЪ.

Въ одну изъ субботъ и т. д. **)

Женщины *вторично подойдя къ гробницѣ ничего не говорятъ*; (*затѣмъ*) Марія Магдалина, *оглядываясь кругомъ, поетъ:*

Жертвѣ пасхальной хвалы
возносятъ христіане.
Агнецъ искупилъ овецъ,
Невинный Христосъ съ Отцемъ
Примирилъ грѣшниковъ.
Смерть и жизнь въ борьбу,
Изумительную вступили:
Умершій начальникъ жизни
Царствуетъ (уже) живой.

DOMINICA PERSONA, *внезапно явившись предъ Маріей Магдалиной говоритъ:*

---

*) Эта черта повторяется во всѣхъ пасхальныхъ мистеріяхъ до конца XV в. Вѣроятно она стоитъ въ связи съ изображеніями семи смертныхъ грѣховъ въ видѣ семи бѣсовъ.

**) Это начало одной изъ весьма обыкновенныхъ церковныхъ пѣсенъ во время пасхальной службы на западѣ: Дю Мериль приводитъ ее цѣликомъ въ своихъ Origines etc. См. стр. 105—6.

DOMINICA PERSONA *iterum ad eam:*

Maria! Maria! Maria!

ILLA *procidens dicat*:

Rabbi (quod dicitur *magister*).

DOMINUS, *ab ea paululum divertens, dicat*:

Noli me tangere; nondum enim ascendi ad patrem meum. Alleluia! Alleluia!

DOMINICA PERSONA *stans, cantet:*

Prima quidem suffragia
stola tulit carnalia,
exhibendo communia
se per naturae munia.

MARIA *adorans in terra, cantet*:

Sancte Deus!

DOMINICA PERSONA:

Haec priori dissimilis,
haec est incorruptibilis;
quae tunc fuit passibilis,
jam non erit solubilis.

MARIA *eodem modo quo prius:*

Sancte fortis!

DOMINUS *iterum ibidem stans, dicat*:

Ergo noli me tangere,
nec ultra velis plangere
quem mox, in puro sidere,
cernes ad patrem scandere.

MARIA *ut supra:*

Sancte immortalis, miserere nobis!

Item DOMINUS *ad eam*:

Nunc ignaros hujus rei
fratres certos reddes mei;
Galileam dic ut eant,
et me viventem videant.

Женщина, зачѣмъ ты плачешь?
Кого ищешь?

марія *отвѣчаетъ:*

Господинъ, если ты скрылъ его, то скажи, гдѣ его положилъ, дабы я могла его унести. Алилуя! Алилуя!

DOMINICA PERSONA *опять къ ней:*

Марія! Марія! Марія!

она, *упадаетъ передъ нимъ:*

Равви (что значитъ учитель). *)

DOMINICA PERSONA *нѣсколько отвращаясь отъ нея говоритъ:*

Не прикасайся ко мнѣ; еще не вознесся я къ отцу моему. Алилуя! Алилуя!

DOMINICA PERSONA, *стоя поетъ:*

Хотя сперва я и носилъ одежду плоти,
выказываясь обыкновеннымъ,
потому что отправлялъ всѣ обязанности природы.

марія, *кланяясь въ землю, поетъ:*

Святый Боже!

DOMINICA PERSONA:

(Но) эта (одежда) непохожа на ту,
Эта—нетлѣнна;
Та способна была переносить страданія,
а эта уже недоступна имъ.

марія, *также какъ и прежде:*

Святый крѣпкій!

DOMINUS *опять стоя на томъ же мѣстѣ говоритъ:*

А потому и не касайся меня;
Но болѣе и не плачь.
О томъ, котораго вскорѣ, среди чистаго неба.
Увидишь восходящимъ къ отцу.

марія, *какъ и прежде:*

Святый безсмертный, помилуй насъ!

---

*) Эта глосса, занесенная въ рукописи мистерій XIII в., показываетъ, какъ буквально основывалась мистерія на текстѣ Св. Писанія.
*

MARIA, *reliquis comitantibus, ad Chorum sola dicat:*

Surrexit enim sicut (dixit).

CHORUS *ad eam:*

Dic nobis, Maria,
quid vidisti in via?

MARIA *ad Chorum:*

Sepulchrum Christi viventis
et gloriam vidi resurgentis;

Angelicos testes
sudarium et vestes.

Surrexit Christus, spes mea;
praecedet vos in Galilaeam.

CHORUS:

Credendum est magis soli Marie veraci,
[plus] quam Judaeorum turbae fallaci.

Scimus Christum surrexisse
a mortuis vere:
tu nobis, victor rex, miserere!

Item CHORUS:

Currebant duo simul (et ille alius discipulus praecucurrit citius Petro, et venit prior ad monumentum: Alleluia!)
Interea cum Mulieribus PETRUS *et* JOHANNES *currant, et Johannes praecurrens expectet Petrum et, nihil invenientes, revertantur, melodiam cantantes*:

Ergo die ista exultemus
astra, solum, mare.

CHORUS *alta voce:*

Te Deum laudamus.

Опять DOMINUS, *ей же:*

Теперь, незнающихъ этого
Братьевъ моихъ, извѣсти (объ этомъ);
Скажи, чтобы шли въ Галилею,
И увидятъ меня живаго.

МАРІИ, *оставивъ сопровождавшихъ ее, обращаясь къ хору, говоритъ одна:*

Воскресъ, по предсказанію.

ХОРЪ, *къ ней:*

Скажи намъ, Марія,
Что видѣла на пути.

МАРІЯ, *къ хору:*

Гробницу Христа живаго
и славу воскресшаго;
Ангельскихъ свидѣтелей
—саванъ и одежды его.
Воскресъ Христосъ, моя надежда;
И опередитъ васъ въ Галилеѣ.

ХОРЪ:

Правдивой Маріи одной слѣдуетъ вѣрить болѣе,
Чѣмъ всей лживой толпѣ Іудеевъ.

Знаемъ, что Христосъ воскресъ
Воистину изъ мертвыхъ;
Помилуй же насъ, царь побѣдитель!

Опять ХОРЪ:

Побѣжали двое вмѣстѣ (и другой ученикъ прибѣжалъ скорѣе Петра и пришелъ прежде къ гробницѣ: Аллилуя!)

Между тѣмъ Петръ и Іоаннъ *бѣгутъ вмѣстѣ съ женщинами, и* Іоаннъ, *обогнавъ* Петра, *выжидаетъ его (у гробницы), и, ничего не найдя, всѣ возвращаются, распѣвая:*

Превознесемъ-же этотъ день
Звѣзды, солнце и море!

ХОРЪ *громко:*

Тебе Бога хвалимъ.

Кажется, нечего и говорить о томъ, что сходство вышеприведенныхъ нами обрядовъ (конца XII и начала XIII в.) празднованья Пасхи съ этими двумя пасхальными службами, прямо указываетъ на то, что такая драматическая обстановка празднованья Пасхи явилась и въ средней, и въ западной Европѣ уже весьма рано и потому именно успѣла широко распространиться. Изъ сличенія обрядовъ, описываемыхъ Дурандіемъ и Гербертомъ, мы ясно видимъ, что именно съ теченіемъ времени прибавилось къ первоначальному обряду; какъ онъ, сначала распространенный прозаическими вставками и описаніями, потомъ совершенно измѣнился, и получилъ весьма правильную стихотворную форму, въ которую самый обрядъ заключился уже только какъ составная часть, хотя въ немъ все еще нельзя не видѣть основанія, изъ котораго развилось все произведеніе.

Первую изъ этихъ службъ (XII в.), особенно по сравненію со службою XIII в., можно пожалуй признать древнѣе рукописи ея, т. е. отнести ее къ XI в.; но достовѣрно принадлежатъ XI вѣку только три драматическія произведенія: одна мистерія—«о дѣвахъ мудрыхъ и неразумныхъ» (ludus de decem virginibus), и двѣ службы «Рахиль» (Ordo Rachelis) и «Поклоненіе Волхвовъ» (Officium Magorum). Выше говорили мы уже, что не одна Пасха, но и большая часть другихъ важнѣйшихъ праздниковъ обставлялась объяснительными обрядами; обряды эти, точно также, какъ и обряды пасхальные, пріобрѣтали съ теченіемъ времени чисто-драматическій характеръ. Обѣ службы, принадлежащія XI вѣку, очень замѣчательны по обработкѣ сюжета, въ которую, между прозаическимъ изложеніемъ уже начинаютъ прокрадываться стихотворныя вставки, пополняющія основное содержаніе. Обѣ службы

относятся къ Рождественскому кругу праздничныхъ служебъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ первая изъ нихъ (Ordo Rachelis) происходила послѣ «Поклоненія Волхвовъ», на что указываетъ самое окончаніе этой службы. [1]) Несравненно болѣе обращаетъ на себя вниманіе третій памятникъ XI вѣка—«Мистерія о дѣвахъ мудрыхъ и неразумныхъ»,—въ которомъ текстъ латинскій является несплошнымъ, потому что очень многія мѣста въ немъ написаны на южно-французскомъ народномъ языкѣ. Эта мистерія, слѣдовательно, представляетъ собою первую и древнѣйшую [2]) попытку драматическаго изложенія на народномъ языкѣ. Попытка эта замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что она представляетъ собою единственный примѣръ передѣлки Евангельской притчи въ драму. Такое предпочтеніе этой притчи остальнымъ можно объяснить только тѣмъ, что она ранѣе другихъ сдѣлалась любимымъ сюжетомъ средневѣковой живописи и скульптуры; а въ такую эпоху, когда грамотность мало распространена и составляетъ исключительную принадлежность одного сословія, когда книги составляютъ не болѣе, какъ дорогую рѣдкость, доступную лишь очень немногимъ изъ частныхъ людей, тогда произведенія искусства часто служатъ живыми книгами, изъ которыхъ поэтическое творчество почерпаетъ свои образы и на основаніи которыхъ можетъ создавать иногда цѣлыя произведенія. [3]) Такъ было со средневѣковой легендой;

---

[1]) Иродъ дѣйствительно говоритъ въ концѣ ея, обращаясь къ Армигеру:

Armiger o prime, pueros fac ense perire.

(Orig. lat. du th. mod. 162.)

[3]) Ampére. Hist. litter. de la France. 2-me vol. ch. XIV.

[2]) Ученый знатокъ испанской литературы, Донъ-Хосе-Амадоръ-де-лосъ Ріосъ, приводитъ въ третьемъ томѣ своей исторіи литературы очень любопытный образецъ средневѣковой драмы— «Поклоненіе волхвовъ»—написан-

такъ могло быть и со средневѣковой драмой, которая такъ часто заимствовала изъ нея свои сюжеты, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Мы считаемъ вообще «Мистерію о дѣвахъ мудрыхъ и неразумныхъ» памятникомъ до такой степени важнымъ для изученія исторіи средневѣковой драмы, что приведемъ ее здѣсь цѣликомъ, сообщивъ предварительно по небольшому отрывку изъ двухъ вышепомянутыхъ нами служебъ XI вѣка (Officium Magorum и Ordo Rachelis.)

Officium Magorum.

Rex sedens in solio querat consilium.

ANGELUS *in primis:*

Pastores, annuntio vobis gaudium magnum.

PASTORES:

Transeamus Bethlehem ut videamus hoc verbum.

ANGELUS:

Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonae voluntatis.

MAGUS PRIMUS *procedens:*

Stella fulgore nimio rutilat,

MAGUS SECUNDUS *procedens:*

Quae regem natum monstrat,

MAGUS TERTIUS *procedens:*

Quem venturum olim prophetae signaverant.

TRES MAGI *una:*

Eamus ergo et inquiramus eum, offerentes ei munera: aurum, thus et myrrham. (*Ad Cives hierosolymitanos*). Dicite nobis, o hierosolymitani cives, ubi est expectatio gentium, (ubi?) noviter

---

ный сплошь на древне-испанскомъ языкѣ. Онъ относитъ этотъ памятникъ къ XI вѣку; есть однакоже полнѣйшая возможность предполагать, что онъ ошибается во времени опредѣленія рукописи.
(См. его Hist. critica de la litteratura espannola, Madrid. 1863. III. p.699).

Поклоненіе Волхвовъ.

Находится въ ркп. XI вѣка хранящейся въ Мюнхенской библіотеки, подъ № 6264.

Дѣйствіе начинается съ того, что царь Иродъ (rex) *сидитъ со своими вельможами на совѣтѣ. Между тѣмъ ангелъ является пастухамъ и говоритъ имъ:*

АНГЕЛЪ:

Пастухи, возвѣщаю вамъ великую радость.

ПАСТУХИ.

Пойдемъ въ Виѳлеемъ и посмотримъ на это Слово.

АНГЕЛЪ:

Слово въ вышнихъ Богу, и наземлѣ міръ и т. д.

1-ый волхвъ *выступая:*

Звѣзда горитъ необычайнымъ блескомъ.

2-й волхвъ *выступая:*

Которая предвѣщаетъ рожденіе царя,

3-й волхвъ *выступая:*

О приходѣ котораго нѣкогда возвѣщали пророки.

ВСѢ ТРОЕ ВМѢСТѢ:

И такъ пойдемъ, отъищемъ его, поднесемъ ему дары: золото, ладанъ и муро. (*Обращаясь къ іерусалимскимъ гражданамъ*). Скажите намъ, іерусалимскіе граждане, гдѣ тотъ, кого ожидаютъ народы, (гдѣ?) недавно родившійся царь Іудеевъ, которому, по возвѣщенію небесныхъ знаменій, пришли мы поклониться.

ВѢСТНИКЪ *прибѣгая (къ Ироду):*

Здравствуй, царь Іудейскій.

natus rex Judaeorum quem signis coelestibus agnitum venimus adorare.

INTERNUNTIUS *acurrens:*

Salve, rex Judaeorum.

REX:

Quid rumoris affers?

INTERNUNTIUS:

Adsunt nobis, Domine, tres viri ignoti, ab Oriente venientes, noviter natum regem quemdam quaerentes.

REX:

Quae sit causa vere, jamjam citus, impero, quaere.

NUNTIUS *ad Magos:*

Quae rerum novitas, seu quae vos causa subegit
Ignotas tentare vias? (Quo tenditis ergo?)

MAGI:

Chaldaei sumus, pacem ferimus,
regem regum quaerimus,
quem natum esse stella indicat,
quae fulgore ceteris clarior rutilat. [1])

. . . .

REX *ad primum Magum:*

Tu mihi responde, stans primus in ordine fari.

---

[1]) Затѣмъ вѣстникъ извѣщаетъ Ирода о приходѣ волхвовъ, которыхъ царь и велитъ позвать къ себѣ. Волхвы объясняютъ царю причину своего прихода и говорятъ, что звѣзда указала имъ путь къ новорожденному царю. Царь приказываетъ воинамъ позвать къ себѣ ученыхъ законниковъ (legisperitos scribas) и спрашиваетъ ихъ, не написано-ли въ ихъ книгахъ какого-нибудь

ЦАРЬ:

Какія принесъ новости!

ВѢСТНИКЪ:

Здѣсь, господинъ, три невѣдомые мужа, пришедшіе съ Востока, и ищущіе недавно родившагося царя.

ЦАРЬ:

Приказываю тобѣ поскорѣе узнать, точно ли это правда?

ВѢСТНИКЪ *Волхвамъ:*

Что за новость, и что за причина васъ заставила
Пуститься въ невѣдомый путь? (И куда вы идете?).

ВОЛХВЫ:

Мы – Халдеи, пришли съ миромъ,
ищемъ царя царей,
о рожденіи котораго возвѣщаетъ звѣзда,
которая блистаетъ бо̀льшимъ свѣтомъ, чѣмъ всѣ остальныя.

. . . .

(См. примѣч. на стр· 74)

ЦАРЬ *къ 1-му волхву:*

Ты отвѣчай мнѣ, за тобой за первымъ очередь говорить.

Отвѣчаетъ 1-й волхвъ:

Повелѣваю Халдеямъ, — я царь надъ ними всѣми.

пророчества о новорожденномъ Царѣ. Законники (Scribae) отвѣчаютъ, что есть; и потомъ излагаютъ самое пророчество. Царь прогоняетъ ихъ отъ себя и бросаетъ (пророческую) книгу, потомъ опять обращается за совѣтомъ къ вельможамъ. Одинъ изъ нихъ, Армигеръ, совѣтуетъ Ироду черезъ волхвовъ разузнать о новорожденномъ царственномъ младенцѣ и волхвовъ вторично призываютъ къ царю.

Respondet PRIMUS MAGUS:

Impero Chaldaeis, dominus rex omnibus illis.

REX *ad secundum Magum:*

Tu, ai, unde es?

Respondet SECUNDUS MAGUS:

Tharsensis regio me rege nitet Zoroastro.

REX *ad tertium Magum:*

Tu tertius, unde es?

Respondet TERTIUS MAGUS:

Me metuunt Arabes, mihi parent usque fideles.

REX, *consilio habito, dicit:*

Ite, de Puero diligenter investigate, et, invento, redeuntes mihi renuntiate, ut et ego (veniens adorem eum).

MAGI *aspicientes stellam cantant:*

Jam stella in Oriente praevisa
iterum praecedet (*l.* praecedit) nos lucida.

MAGI *ad Pastores:*

Pastores, dicite; quidnam vidistis?

PASTORES:

Infantem vidimus pannis involutum.

ANGELUS (*l.* PASTOR) AL (IUS):

Qui sunt quos stella ducit, nos adeuntes, inaudita ferentes?

MAGI:

Nos sumus quos cernitis, regis [reges] Tharsis et Arabum

ЦАРЬ *ко 2-му волхву*:

Ты, говори, откуда пришелъ

Отвѣчаетъ 2-й волхвъ:

Ѳарсійская страна мною, царемъ Зароастромъ, блистаетъ.

ЦАРЬ *къ 3-тьему волхву*:

Ты, третій, откуда пришелъ?

Отвѣчаетъ 3-ій волхвъ:

Предо мной трепещутъ Арабы, мнѣ покорны
они до самыхъ (границъ) христіанъ.

ЦАРЬ, *посовѣтовавшись, говоритъ*:

Ступайте, разъузнайте тщательно о младенцѣ, и, отъискавъ его, возвратитесь комнѣ и возвѣстите о немъ, дабы и я могъ ему поклониться.

ВОЛХВЫ, *глядя на звѣзду говорятъ:*

Вотъ, та звѣзда, что мы видѣли на Востокѣ
Опять предшествуетъ намъ, сіяющая.

ВОЛХВЫ *къ пастухамъ:*

Пастухи, скажите; что вы видѣли?

ПАСТУХИ:

Видѣли младенца пеленами обвитаго.

ОДИНЪ *изъ пастуховъ:*

Кто эти, которыхъ ведетъ звѣзда, и которые принесли къ намъ неслыханные (дары)?

ВОЛХВЫ:

Мы, которыхъ вы видите, — мы цари Ѳарсиса и Аравіи, и

et Saba, dona ferentes Christo (regi), nato (Domin) o, quem, stella duce, adorare venimus.

OBSTETRIX:

Ecce, Puer adest quem quaeritis. Jam praeparate et orate, quia ipse est redemptor mundi.

Intrantes MAGI (*dicunt*):

Salve, princeps saeculorum.

PRIMUS MAGUS:

Suscipe, rex, aurum.

SECUNDUS MAGUS:

Tolle thus, tu vere Deus.

HERTIUS MAGUS:

Myrrham, signum sepulturae.

ANGELUS *ad prostratos Magos:*

Impleta sunt omnia quae prophetice dicta sunt; ut (*l.* ite,) viam remeatis (*l.* remeantes) aliam ne delatores tanti regis puniendi sitis.

Magi redeunt ad orientem coeli.

INTERNUNTIUS:

Delusus es, Domine; Magi (per?) viam redierunt aliam.

RES *prosiliens*:

Incendium meum ruina extinguam.

ARMIGER *econtra:*

Decerne, Domine, vindicare iram tuam exstricto mucrone.

REX *gladium versans, reddit Armigero, dans:*

Armiger o prime, pueros fac ense perire.

Сабы; несемъ дары царю Христу, родившемуся Господу, которому, предводимые звѣздою, пришли поклониться.

БАБКА:

Вотъ тотъ младенецъ, котораго вы ищете. Готовьтесь же и молитесь ему, ибо онъ и есть Искупитель міра.

ВОЛХВЫ, *входя говорятъ*:

Здравствуй, князь изъ вѣковъ.

1-й ВОЛХВЪ.

Прими, царь, золото.

2-й ВОЛХВЪ:

Возьми и ладанъ, ты истинный Боже.

3-й ВОЛХВЪ:

И мvро, знакъ погребенія.

АНГЕЛЪ *къ простершимся волхвамъ*:

Исполнилось все, возвѣщенное пророками, ступайте же, возвращайтесь по другой дорогѣ, да не будете наказаны какъ предатели такого царя.

ВОЛХВЫ, *возвращаясь на востокъ:*

ВѢСТНИКЪ:

Тебя обманули, господинъ; волхвы возратились другою дорогою.

ЦАРЬ *вскакивая*:

Потушу пожаръ мой разрушеніемъ.

АРМИГЕРЪ *ему:*

Прикажи, господинъ, обнажить мечь дабы выместить твой гнѣвъ.

ЦАРЬ, *вынувъ мечь, и подавая Армигеру:*

Ступай, Армигеръ, губить мечемъ младенцевъ.

Во всей службѣ встрѣчаемъ только три стихотворныя вставки и то весьма неправильнаго размѣра, да сверхъ того въ разговорахъ замѣтно мѣстами стремленіе къ созвучіямъ, напр. въ слѣдующей фразѣ: «ad nos vocamus ut eorum sermones audiamus». Вообще же основной обрядъ поклоненія волхвовъ очень мало распространенъ въ этой службѣ, которая еще довольно тѣсно связана съ богослуженіемъ, потому что нѣсколько разъ дѣйствіе перерывается молитвами.

Ordo Rachelis. [1])

ANGELUS:

Ortum pastoris, Pastores, nuntio vobis,
qui redemit proprias, pastor et agnus, oves.
Pannis obductus, decus orbis, gloria regum,
in foeno situs est qui cibat omne quod est.
In Bethlem vitae panem quaeratis eumdem (*l.* euntes?).

ANGELI:

Gloria in excelsis Deo!

PASTORES:

Quis audivit his similia,

---

[1]) Точно также тѣсно связана съ богослуженіемъ и «Рахиль» (Ordo Rachelis), которая помѣщена въ той же самой мюнхенской рукописи XI вѣка. Въ ней не только дѣйствіе перерывается въ разныхъ мѣстахъ молитвами, но и самый хоръ церковный принимаетъ участіе, вопрошая пастуховъ о томъ, что они видѣли. По внѣшней формѣ и по самому расположенію сюжета «Рахиль» стоитъ нѣсколько выше «Поклоненія Волхвовъ;» сначала и до конца написана она стихами того размѣра, который преобладаетъ въ западной гимнологіи, очевидно служившей образцомъ поэтическаго творчества духовнымъ, при обработкѣ религіозныхъ сюжетовъ, предназначавшихся къ представленію въ церквахъ.

Рахиль.

АНГЕЛЪ:

Пастухи, возвѣщаю вамъ рожденіе пастыря,
который—самъ пастырь и агнецъ—искупилъ своихъ овецъ.
Обвернутый пеленою, украшеніе міру, славнѣйшій изъ царей
въ сѣнѣ лежитъ тотъ, который питаетъ все существующее.
Ступайте въ Виѳлеемъ, и найдете тамъ хлѣбъ жизни.

АНГЕЛЫ:

Слава въ вышнихъ Богу и т. д.!

ПАСТУХИ:

Кто слыхалъ подобныя этимъ
чудоса изъ вѣка?

О дивное мѣсто рожденія,
заключающее въ себѣ такое могущество!
Пойдемте же въ Виѳлеемъ
разъузнать все по порядку.

Подойдя къ хлѣву говорятъ:

О царь небесный, ты, которому прислуживаютъ небожители!
Въ стойлѣ пребываетъ тотъ, который все содержитъ
въ своей десницѣ;
Ничтожнѣйшимъ является на землѣ высочайшее между свѣтилами.

ab aeterno mirabilia?
O mirandum puerperium,
tantum habens ministerium!
Transeamus ergo Bethleem
explorare rei seriem.

Venientes ad praesepe, dicant:

O regem coeli, cui coelicolae famulantur!
Clauditur in stabulo concludens cuncta pugillo,
Despectissimus in terris et summus in astris.

CHORUS *dicat*:

Pastores, quidnam vidistis?

Respondeant PASTORES:

Infantem vidimus pannis involutum.

ANGELUS *ad Joseph cantet*:

Joseph, Joseph, surge;
Joseph in Aegyptum cum matre feras cito Christum,
Ne cum mactandis pueris rex mactet et ipsum.
Admonitus redeas ubi nex, fraus rexque quiescit.

JOSEPH, *surgens de strato, dicat ad Mariam*:

Quod prophetica dudum vox insonuit,
angelica tuba nunc admonuit:
Intrat Aegyptum lux mundi, Dominus,
levi carnis nube superpositus.
Idolis Aegypti corruentibus,
adest salus expectata gentibus.

Iterum JOSEPH *dicat ad Mariam*:

Angelus a patria nos praecipit ire, Maria:
Rex fugiendus erit Puerum qui perdere quaerit.

MARIA *dicat ad Joseph*:

Omnia dura pati vitando pericula nati
Mater sum praesto: jam vadam; tu comes esto.

ХОРЪ *говоритъ:*

Пастухи что вы видѣли?

ПАСТУХИ *отвѣчаютъ:*

Видѣли младенца обвитаго пеленами.

АНГЕЛЪ. *обращаясь къ Іосифу, поетъ:*

Іосифъ, Іосифъ, вставай;
Іосифъ, ты вмѣстѣ съ матерью поспѣши отвезти дитя во Эгипетъ,
Дабы и его не убилъ царь среди тѣхъ младенцевъ, которыхъ онъ велѣлъ убить.
Предупрежденный удались туда, гдѣ нѣтъ ни убійствъ, ни коварства, ни (такого) царя.

ІОСИФЪ, *поднимаясь съ постели, говоритъ Маріи:*

То, что давно уже провозглашалъ голосъ пророческій,
Теперь совѣтуетъ (сдѣлать) ангельская труба:
Да войдетъ во Эгипетъ свѣтъ міра, Господь,

Опять ІОСИФЪ *же говоритъ Маріи:*

Ангелъ приказываетъ намъ идти изъ отчизны, Марія:
Мы должны бѣжать отъ царя, который старается погубить младенца.

МАРІЯ *говоритъ Іосифу:*

Всѣ тягости сносить для избавленія новорожденнаго отъ опасности
Я готова, какъ мать: я уже иду; ты будь намъ спутникомъ.

ІОСИФЪ, *идучи по Эгипту поетъ:*

Эгипетъ, не плачь и т. д.

ВѢСТНИКЪ, *подходя къ царю, говоритъ:*

Да будетъ счастливъ и здравъ царь.

ЦАРЬ, *отвѣчаетъ вѣстнику:*

Какіе приносишь слухи? Міръ или войну?

JOSEPH, *pergens in Aegyptum, cantet:*

Aegypte, noli flere etc.

INTERNUNTIUS, *properans ad Regem, dicat:*

Felix et vivus sit rex per saecula divus!

REX *Internuntio respondeat:*

Quid rumoris habes? Est pax an bellica clades?

INTERNUNTIUS *respondeat:*

Reges illi quos misisti
explorare cunas Christi,
Jusso calle permutato,
redierunt te frustrato.
Quid facturus sis exquire:
constat eos non redire.

REX *Internuntio respondeat:*

Rex novus ut pereat, regisque furor requiescat,
Omnimodis, vi, fraude, dolis, mecum satagatis.

INTERNUNTIUS *dicat:*

In Bethlem natum probat istum pagina vatum;
In qua mactetur mas lactens quisquis habetur,
nullus ut evadat: sic Puer ipse cadat.

REX, *de solio prosiliens, cantet:*

Sic sic quando quidem delusus sentio fraudem,
incendium meum ruina extinguam.

ARMIGER, *Regi respondens, cantet:*

Ecce miles ego regius;
ecce vindex regis gladius,
Paratus ad omne facinus
quod jubebit noster dominus;
qui placabit iram principis
multa strage turbae simplicis.

вѣстникъ *отвѣчаетъ:*

Тѣ цари, которыхъ ты послалъ
Разъузнать о мѣстѣ рожденія Христа
измѣнивъ повѣленный путь
возвратились, обманувъ тебя.
Подумай, что слѣдуетъ дѣлать?
Они ужъ, повѣрь, болѣе не вернутся.

царь *отвѣчаетъ вѣстнику:*

Пусть погибнетъ новый царь, а ярость моя пусть успокоится
Всѣми средствами: насиліемъ, коварствемъ, хитростью.

вѣстникъ *говоритъ:*

По писаніямъ пророковъ должно ему родиться въ Виѳлеемѣ,
Такъ чтобы ни одинъ неизбѣгъ: тогда погибнетъ и этотъ младенецъ.

царь, *вскакивая съ своего мѣста, поетъ:*

Такъ... потушу пожаръ мой разрушеніемъ.

армигеръ, *отвѣчая царю, поетъ:*

Я воинъ царевъ;
а вотъ и мечь, царевъ мститель,
готовый на всякое злодѣйство,
какое прикажетъ (совершить) намъ господинъ;
Гнѣвъ повелителя умирится
только большимъ избіеніемъ невинной толпы.

армигеръ, *убивая младенцевъ, говоритъ:*

Учись умирать, младенецъ.

ангелъ *издали поетъ:*

Христосъ невредимъ удаляется, между тѣмъ какъ его такимъ убійствомъ отыскиваютъ.

хоръ *поетъ:*

Врагъ Иродъ нечестивый
Боясь Христова пришествія, и т. д.

ARMIGER, *interficiens pueros, dicat:*

Dtsce mori, puer.

ANGELUS *e longinquo cantet:*

Christus sospes abit, strages quem tanta requirit:
illius iu populum trux furit in vacuum.

CHORUS *cantet:*

Hostis, Herodes impie,
Christum venire qui times....

RACHEL, *plorans super pueros, dicat:*

O dolor! O patrum mutataque gaudia matrum
Ad lugubres luctus, lacrymarum fundite fluctus!
Ah! Teneri partus! Laceros quos cernimus artus!
Heu! Dulces nati sola rabie jugulati,
Quid commisistis quod talia facta subistis?
Cur vitam vobis livor subtraxit Herodis,
Quam nondum vere vos cognovistis habere?
Heu! Quem nec pietas nec vestra coercuit aetas!
Ah! Matres miserae, quae cogimur ista videre!
Cur autem natis patimur superesse necatis?
Saltim morte pari nobis licet ho omitari.

CONSOLATRIX *accedat:*

Consolotrix (утѣшительница) обращается къ Рахили: въ прозѣ и увѣщеваетъ ее не печалится, утереть слезы и восхвалить Бога за тѣ испытанія, какія ему угодно насылать на людей.

Немногія изъ произведеній средневѣковой драмы были столько разъ переизданы, какъ мистерія «о дѣвахъ мудрыхъ и неразумныхъ,» [1]) которой текстъ въ настоя–

---

[1]) Первоначально издана Рейнуаромъ въ видѣ отрывковъ въ его «Choix des poésies origin. des troubadours,» t. II, 139—143; затѣмъ въ

РАХИЛЬ, *оплакивая младенцевъ, говоритъ:*

О горе! О радости отцевъ и матерей,
Смѣнившіяся мрачной печалью; лейте токи слезъ!
О, нѣжныя дѣточки! Мы видимъ какъ разсѣкаютъ ваши
члены!
О! Милыя, обезглавленныя яростью (Ирода)
Чѣмъ виноваты вы, что подверглись такимъ поступкамъ.
Горе! Его ни благость, ни вашъ возрастъ не стѣснили!
О! несчастныя матери, которыя должны подобное видѣть!
И за чѣмъ мы рѣшаемся переживать нашихъ убитыхъ
младенцевъ?
Намъ слѣдовало бы умереть съ ними одною смертью.

щее время принадлежитъ къ числу немногихъ образцовъ средневѣковой драмы, превосходно обработанныхъ критически. Мистерія эта еще въ прошломъ вѣкѣ была отыскана въ рукописи XI в., принадлежавшей прежде аббатству св. Марціала въ Лимузенѣ, а теперь находящейся въ Императорской Парижской библіотекѣ, подъ № 1139. Въ рукописи текстъ этой мистеріи почти сливается съ другимъ церковнымъ представленіемъ, которое Маньенъ первый предложилъ отдѣлить отъ мистеріи «о дѣвахъ мудрыхъ и неразумныхъ.» [1]) Это церковное представленіе, вовсе неозаглавленное въ рукописи XI в., обыкновенно озаглавливается въ позднѣйшихъ рукописяхъ «Processio Prophetarum.» Въ немъ выводятся на сцену, одинъ за другимъ, многіе пророки, и нѣкоторыя лица изъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, а такъ

книгѣ Monmerqué et Fr. Michel. Théatre francais pendant le moyen-âge, p. 3: перепечатано изъ Рейнуаровой книги Т. Райтомъ въ его сборникѣ мистерій (Th. Wright. Early mysteries etc., p. 60); потомъ съ дополненіями и поправками въ книгѣ Дю Мериля «Orig. lat. du th. mod., p. 233. Наконецъ, три года тому назадъ превосходно переиздана съ рукописи Куссемакеромъ съ приложеніемъ факсимиля и нотъ (Drames lithurgiques du moyen-âge (Texte et Musique.) Paris. 1861, p. 1).

[1]) Journal des Savants, 1846 г., p. 78 и 83.

же и лица, являющіяся въ средневѣковыхъ апокрифическихъ сказаніяхъ. (Israel (sic), Moyses, Isaias, Ieremias, Daniel, Habacuc, David, Simeon, Elisabeth, Johannes Baptista, Virgilius, Nabuchodonosor, Sibylla). Каждое изъ этихъ лицъ, выходя поочередно на сцену, въ двухъ или трехъ стихахъ, предсказываетъ близкое рожденіе Спасителя и то, что ему предстоитъ совершить на землѣ. Но такъ какъ это представленіе, во всѣхъ своихъ спискахъ, является обыкновенно или передъ началомъ, или въ самомъ концѣ мистерій пасхальныхъ и рождественскихъ, такъ какъ оно и само по себѣ не имѣетъ отдѣльно никакого значенія, то мы и можемъ смѣло предположить, что оно никогда отдѣльно отъ другихъ представленій въ церкви не появлялось и не станемъ приводить его здѣсь ни въ переводѣ, ни въ извлеченіи.

Ludus de decem virginibus. [1])

SPONSUS (*l.* CHORUS):

Adest sponsus qui est Christus: vigilate, virgines;
pro adventu ejus gaudent et gaudebunt homines.
Venit enim liberare gentium origines,
quas per primam sibi matrem subjugarunt daemones.
Hic est Adam, qui secundus per propheta(m) dicitur;
per quem scelus primi Adae a nobis diluitur.
Hic pependit, ut coelesti patriae nos redderet
ac de parte Inimici liberos nos traheret.
Venit sponsus qui nostrorum scelerum piacula
morte lavit, atque crucis sustulit patibula.

PRUDENTES (*l.* GABRIEL):

Oiet, virgines, aiso que vos dirum,
aise(e)t presen, que vos comandarum:

---

[1]) Этого заглавія въ рукописи XI в. нѣтъ; но за то во всѣхъ остальныхъ (особенно германскихъ) редакціяхъ, она является постоянно подъ этимъ заглавіемъ. *См.* *Stephonus* Neue Stofflieferunden. Mühlhausc a

Мистерія о десяти дѣвахъ:

Хоръ:

Вотъ женихъ, который и есть Христосъ: не спите дѣвы; къ приходу его люди веселятся и возвеселятся еще болѣе; ибо онъ пришелъ избавить народы, которые еще въ колыбели были подчинены власти бѣсовъ черезъ первую мать. Его то и называетъ пророкъ *вторымъ Адамомъ*; черезъ него то и грѣхъ перваго Адама былъ въ насъ уничтоженъ. Онъ былъ распятъ на крестѣ, чтобы возвратить насъ нашему небесному отечеству и избавить отъ власти дьявола. Вотъ приходитъ онъ, тотъ женихъ, который своею смертью искупилъ и омылъ наши грѣхи, который потернѣлъ за насъ крестное мученіе.

ГАВРІИЛЪ.

Дѣвы! послущайте того, что вамъ скажутъ здѣсь, (того), что прикажутъ; ждите жениха, по имени Іисуса Спасителя. Некогда было спать этому жениху, котораго вы ожидаете.

Пришелъ онъ на землю изъ за вашихъ грчховъ: родился въ

1847. 2-tes Heft, p. 160 (ludus de desem virgiuibus). И еще: «Das grosse Thüringiche Mysterium von den 10 Jungfrauen. Vou S. Bechstein. Halle. 1855. Лучше всего въ распространенности этого названія убѣждаетъ насъ слѣдующій отрывокъ нѣмецкой хроники:

«Anno Domini 1322 feria II post Misericord. Domini, dum in eadem die Dominica dedicatio fuisset, Praedicatorum *ludus* est factus apud Isenach in horto ferarum a clericis et scholaribus *de decem Virginibus*, cui ludo Marchio tum intererat etc. (Chron. Sampetrin. Erfurtense помѣщ. въ *Mencken's Rerum germanicarum scriptores*, III, col. 326.)

atendet un espos; Jhesu Salvaire a nom:
Gaire no i dormet
aisel espos que vos hor' atendet.
Venit en terra per los vostres pechet:
de la Virgine en Betleem fo net;
E(n l')flum Jorda lavet et (*l.* e) luteet:
Gaire no i dormet
aisel espos que vos hor' atendet.
Eu fo batut, gablet e lai deniet,
sus e(n) la crot batut e claufiget,
deu monumen deso entrepauset:
Gaire no i dormet
aisel espos que vos hor' atendet.
E resors es, la scriptura o dii;
Gabriels soi, en (*l.* eu) trames aici:
atendet lo, que ja venra praici:
Gaire no i dormet
aisel espos que vos hor' atendet.

FATUAE:

Hos (*l.* Nos) virgines, quae ad vos venimus.
negligenter oleum fundimus (*l.* fudimus);
(ad) vos orare, sorores, cupimus
ut et (*l.* ad) illas quibus nos credimus:
Dolentas! Chaitivas! Trop i avem dormit.
Nos comites hujus itineris
et sorores ejusdem generis,
quamvis male contigit miseris,
potestis nos reddere superis:
Dolentas! Chaitivas! Trop i avem dormit.
Partimini lumen lampadibus;
piae sitis insipientibus,
pulsae ne nos simus a foribus,
cum vos sponsus vocet in sedibus:
Dolentas! Chaitivas! Trop i avem dormit.

PRUDENTES:

Hos (*l.* Nos) precari, precamur, amplius

Виѳлеемѣ отъ Дѣвы; въ рѣкѣ Іорданѣ омылся и крестился. Некогда было спать этому жениху, котораго вы ожидаете.

Онъ терпѣлъ и побои, и насмѣшки, былъ тамъ непризнанъ, распятъ на крестѣ, пригвожденъ и потомъ снятъ съ него. Некогда было спать этому жениху, котораго вы ожидаете.

И воскресъ онъ, по словамъ Писанія.......... [1]) Ждите же его, ибо скоро онъ сюда прійдетъ. Некогда было и т. д.

НЕРАЗУМНЫЯ.

Мы, дѣвы, пришедшія васъ навѣстить здѣсь, мы пролили масло отъ небреженія, мы хотимъ просить васъ, какъ сестеръ, на которыхъ мы вполнѣ надѣемся.

Лѣнивыя! Малодушныя! мы слишкомъ долго спали.

Насъ, спутницъ вашихъ по общему пути и сестеръ по роду, вы можете возвратить небу, хоть съ нами и случилось несчастіе.
Лѣнивыя! Малодушныя! мы слишкомъ долго спали.

Дайте свѣта нашимъ лампадамъ, сжальтесь надъ нашею неопытностью; пусть не будемъ мы изгнаны за двери, когда женихъ позоветъ васъ въ свои покои.

Лѣнивыя! Малодушныя и т. д.

МУДРЫЯ.

Перестаньте, пожалуйста, сестры; непросите насъ болѣе; напрасно будете вы просить насъ объ этомъ.
Лѣнивыя! Малодушныя! Вы слишкомъ долго спали.

---

[1]) Слѣдуетъ строка, которой мы не понимаемъ.

desinite, sorores, ocyus:
vobis enim nil erit melius
dare preces pro hoc ulterius:
Dolentas! Chaitivas! Trop i avet dormit.
Ac ite nunc, ite celeriter
ac (*l.* et) vendentes rogate dulciter,
ut oleum vestris lampadibus
dent equidem vobis inertibus:
Dolentas! Chaitivas! Trop i avet dormit.

FATUAE:

A(h) miserae! Nos hic quid facimus (*l.* fecimus)?
Vigilare nnmquid potuimus?
Hunc laborem que(m) nunc perferimus,
nobis (eheu!) nosmet contulimus:
Dolentas! Chaitivas! Trop i avem dormit.
Et de nobis mercator ocyus
quas habeat merces quas sotius,
oleum nunc quaerire venimus,
negligenter quod nosme(t) fundimus (*l.* fudimus):
Dolentas! Chaitivas! Trop i avem dormit.

PRUDENTES:

De nostr'oli queret nos (*l.* no) a doner;
no'n auret pont, alet en achapter
deus marchaans pue lai veet ester:
Dolentas! Chaitivas! Trop i avet dormit.

MERCATORES:

Domnas gentils, no vos covent ester
ni lojamen aici ademorer;
cosel queret, nou (*l.* no'n) vos poem doner;
queret lo deu chi vos pot coseler.
Alet areir a vostras saic soros
e preiat las per Deu lo glorios,

Ступайте же, ступайте скорѣе, попросите хорошенько купцовъ, чтобы они вамъ, лѣнивымъ, дали масла въ ваши лампады. (*Припѣвъ.*)

НЕРАЗУМНЫЯ.

Ахъ, мы несчастныя! что мы здѣсь дѣлаемъ? И какъ это не могли мы воздержаться отъ сна. Мы сами навлекли на себя кару, которой подвергнемся. (*Припѣвъ.*)

И какъ можно скорѣе долженъ намъ купецъ или его товарищъ дать то, что у него есть.—Мы пришли отъ васъ требовать масла, потому что свое по небреженію пролили (*Припѣвъ.*)

МУДРЫЯ.

Вы требуете, чтобы мы удѣлили вамъ отъ нашего масла; не получите вы его; ступайте и купите сами у тѣхъ купцовъ, что вонъ тамъ стоятъ.

КУПЦЫ.

Миленькія госпожи, не прилично вамъ здѣсь быть, а тѣмъ болѣе долго здѣсь оставаться. Вы ищете совѣта—мы не можемъ вамъ его дать; ищите его у тѣхъ, которыя могутъ вамъ посовѣтовать. Вернитесь къ вашимъ сестрамъ, попросите ихъ во имя Бога прославленнаго, чтобы онѣ ссудили васъ масломъ; сдѣлайте это скорѣе, потому что немного ужъ осталось времени до прихода жениха.

НЕРАЗУМНЫЯ.

Ахъ, мы несчастныя! къ кому приходимъ! Нѣтъ здѣсь того,

de oleo fasen socors a vos:
faites o tost, pue ja venra l'espos.

FATUAE:

A(h), miserae! Nos ad quid venimus?
Nil est enim illud quod quaerimus;
fatatum est, et nos videbimus,
ad nuptias nunquam intrabimus:
Dolentas! Chaitivas! Trop i avem dormit.
Audi, sponse, voces plangentium;
aperire fac nobis ostium,
cum sociis praebe remedium.
Modo veniat Sponsus.

CHRISTUS:

Amen dico, vos ignosco; nam caretis lumine:
quod qui pergunt (*l.* mergunt), procul pergunt hujus aulae limine.
Alet, chaitivas! Alet, malaureas!
A tot jors mais vos so penas livreas:
en efern (h)ora seret meneias.
Modo accipiant eas Daemones, et praecipitentur in infernum.

Ознакомивъ читателя со всѣми извѣстными до настоящаго времени образцами средневѣковой драмы, принадлежащими къ отдаленному періоду ея существованія до XII вѣка, мы считаемъ необходимымъ вкратцѣ указать отличительныя черты ея въ этомъ періодѣ.

Драма до XII вѣка, успѣла достигнуть еще весьма незначительной степени самостоятельнаго развитія. Не отдѣляемая отъ церковной службы, она еще стояла въ тѣснѣйшей зависимости отъ тѣхъ условій, среди которыхъ зародилась. Зависимость эта выражалась прежде всего въ томъ, что представленія церковныхъ драмъ происходили на языкѣ латинскомъ, какъ и вся церковная служба;

что мы ищемъ! Такъ суждено ужъ намъ никогда не бывать на свадьбѣ. (*Припѣвъ.*)

Услышь-же, женихъ, голоса умоляющихъ тебя; прикажи отпереть намъ двери вмѣстѣ съ нашими подругами; помоги намъ...

Вотъ выходитъ женихъ.

ХРИСТОСЪ.

Истинно говорю вамъ—незнаю васъ, потому что нѣтъ съ вами свѣта; тѣ же, которыя съ нимъ приходятъ, далеко идутъ отъ порога этого покоя.

Ступайте же, малодушныя и несчастныя! Вы обречены на вѣчныя муки и будете низвержены въ адъ.

Бѣсы хватаютъ ихъ и низвергаютъ въ адъ.

эти драмы начинались, кончались, а во многихъ мѣстахъ перерывались на срединѣ молитвами или возгласами «amen», «alleluja», составляющими неотъемлемую принадлежность церковнаго служенія. Кромѣ того, достовѣрно извѣстно, что всѣ подобныя драмы не говорились, а пѣлись, почему всѣ рукописи служебъ и мистерій снабжены нотами, въ которыхъ уже и въ XII в. довольно ясно отдѣляются партіи отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ. [1]) Пѣлись не только стихотворные отрывки драмъ, но и прозаическія части, точно также, какъ и до того, и послѣ того пѣлось, (а не читалось)

[1]) См. Coussmaker. Drames lithurgiques du Moyen-âge. Texte et musique. Paris. 1861. Préface. Xj и слѣд.

во многихъ мѣстахъ во время службы Евангеліе. [1]) Что же касается содержанія драматическихъ представленій, то оно еще не представляетъ ничего замѣчательнаго въ литературномъ отношеніи: авторы ихъ основываются на разсказѣ Св. Писанія, котораго стараются держаться какъ можно ближе, и въ который они вносятъ очень мало своего, руководясь при этомъ болѣе необходимостью связи между отдѣльными событіями, чѣмъ потребностями поэтическаго творчества. Ничего положительнаго относительно постановки драматическихъ представленій въ этомъ періодѣ сказать нельзя, кромѣ того, что всѣ роли въ нихъ выполнялись только духовенствомъ и причтомъ той церкви, въ которой происходило дѣйствіе.

Вотъ все, что можно сказать достовѣрнаго о драмѣ до XII в. Многое изъ сказаннаго нами не касается, впрочемъ, мистеріи «о дѣвахъ мудрыхъ и неразумныхъ», которая составляетъ переходъ къ новому характеру духовной драмы, преобладающему въ образцахъ ея въ XII в., почему намъ еще и прійдется говорить о ней въ слѣдующемъ очеркѣ.

---

[1]) Сохранились и такія рукописи Библіи, гдѣ всѣ діалоги снабжены нотами и приписками: Iesus cantando, Petrus cantando и т. д. См. L. de Lincy. Le livre des Légendes, p. 29.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

ДРАМА ВЪ XII ВѢКѢ.

Недалѣе, какъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія не было еще достовѣрно извѣстно ни одного драматическаго произведенія, которое бы можно было съ полною увѣренностью отнести не только къ XI, но даже и къ XII в. Большая часть того, что теперь уже напечатано во Франціи, Германіи и Англіи по средневѣковой драмѣ была еще неоткрыта и вовсе неизвѣстна самимъ ученымъ спеціалистамъ. Даже и то, что было извѣстно, знали болѣе по слухамъ, почему даже въ такомъ ученомъ и подробномъ обзорѣ, какъ «Литературная Исторія Франціи», издатели сочли нужнымъ ограничиться нѣсколькими общими словами о существовавшихъ въ XIII в. представленіяхъ и прибавили къ этому отъ себя, что «во Франціи и Италіи незамѣтно никакого успѣха въ драматическомъ искусствѣ до 1300 года.[1]) Такой приговоръ былъ возможенъ въ

[1]) Hist. litter. de la France; т. XVI. См. отдѣлъ подъ заглавіемъ *Spectacles*. Впрочемъ, въ послѣдующихъ томахъ, разсматривая памятники XIII в., они воспользовались новыми трудами и изданіями по средневѣковой драмѣ и восполнили недостатки XVI тома.

1824 г., но въ настоящее время онъ давно отжилъ свой вѣкъ, потому что намъ уже извѣстно довольно значительное количество образцовъ драмы XI, XII и XIII вв., чтобы мы могли по нимъ составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о состояніи драмы въ этомъ періодѣ. Мало того: мы можемъ даже подмѣтить въ ней нѣкоторые признаки поступательнаго движенія—задатки будущаго развитія—явно носящія на себѣ отпечатокъ конца XII и начала XIII в., потому что они, по своему внутреннему значенію стоятъ въ тѣсной связи съ движеніемъ умовъ и общимъ ходомъ литературы на западѣ около того же самаго времени.

Отъ XII в. сохранилось 15 образцовъ самыхъ разнообразныхъ драматическихъ произведеній; изъ числа ихъ 13—принадлежатъ Франціи и 2 — Германіи. Въ числѣ этихъ образцовъ есть мистеріи, относящіяся и къ пасхальному, и къ рождественскому кругу, есть и чудеса (miracles). Но почему именно сохранились намъ отъ XII вѣка образцы драмы только германскіе или французскіе? Потому ли, что въ Италіи, Испаніи и Англіи такихъ же драмъ не существовало въ это время?—Что такія же представленія производились и въ Англіи, ивъ Испаніи, въ этомъ убѣждаютъ насъ, даже и при отсутствіи образцовъ, положительныя свидѣтельства. Такъ напримѣръ, Матвѣй Парижскій, подъ 1110 г. [1]) разсказываетъ, что нѣкто Готофредъ, школьный учитель въ Дунстаплѣ, устроилъ представленіе чуда Св. Екатерины. Другое свидѣтель-

---

[1]) Vitae Abbatum St. Albani. Въ концѣ его *Historia major* (стр. 56. изд. 1639). Матв. Парижскій писалъ въ половинѣ XIII в., а между тѣмъ употребляетъ слѣдующее выраженіе:.... «ludum de st. Katerina (*quem Miracula vulgariter appelamus*) fecit;....» Эта приписка его служитъ важнымъ матерьяломъ для исторіи драмы въ XIII вѣкѣ.

ство о существованіи драматическихъ представленій въ Англіи относится къ концу XII и началу XIII в. Одинъ Кэнтрборійскій Бенедиктинецъ, оставившій намъ «Описаніе знатнаго города (nobilissimae civitatis) Лондона», говоритъ въ немъ между прочимъ: «въ городѣ Лондонѣ, вмѣсто театральныхъ зрѣлищъ, вмѣсто представленій сценическихъ, существуютъ гораздо болѣе благочестивыя представленія чудесъ (miraculorum), совершенныхъ святыми мужами (confessores) или представленія страданій (passionum), въ которыхъ выказывается постоянство мучениковъ [1])». Оба свидѣтельства несомнѣнно важны для исторіи европейской драмы, какъ доказательства того, что она и въ Англіи была въ XII вѣкѣ точно также распространена, какъ и въ другихъ странахъ Европы; но въ послѣднемъ изъ этихъ свидѣтельствъ остается довольно темнымъ то различіе, какое Кэнтрборійскій Бенедиктинецъ полагаетъ между понятіями miraculum и passio, которыя, по его истолкованію, являются совершенно тождественными (въ чудесахъ, miracle-plays, часто представлялись на сценѣ мученія, которыми испытывалась твердость святаго въ вѣрѣ), тогда какъ между этими двумя словами, какъ терминами, существуетъ въ послѣдующемъ періодѣ исторіи драмы огромное различіе: — miraculum служитъ общимъ названіемъ всѣхъ пьесъ, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является какой бы то ни было святой и его чудеса; passio — примѣняется только къ тѣмъ пасхальнымъ мистеріямъ, въ которыхъ основное содержаніе вращается около Страстей Господнихъ. И такъ, несомнѣнно, что во Франціи, Германіи и Англіи духовная драма

[1]) Цитата заимствована нами изъ книги Флёгеля Gesch. der Komisch. Literat.: IV, 195

*

была въ XII в. распространена одинаково и вѣроятно въ каждой изъ этихъ странъ жила совершенно самостоятельною жизнью. Что-же касается Испаніи и Италіи, то и здѣсь, по всѣмъ вѣроятіямъ, духовная драма развивалась совершенно равномѣрно со всею среднею и западною Европою. Въ этомъ, относительно Испаніи убѣждаетъ насъ весьма важное свидѣтельство XIII вѣка, которое мы и приведемъ въ своемъ мѣстѣ; относительно же Италіи такое предположеніе оправдывается тѣмъ, что въ половинѣ XIII вѣка мы застаемъ уже итальянскую мистерію во второмъ періодѣ ея развитія, т. е. внѣ церкви.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разбору памятниковъ, сохранившихся отъ XII в., считаемъ необходимымъ указать на ходъ развитія духовной драмы въ этомъ вѣкѣ, на сколько возможно подмѣтить его по нѣкоторымъ совершенно новымъ и свѣжимъ чертамъ, которыя кладутъ особую печать на извѣстные намъ памятники XII вѣка.

Въ XII в. мы не только во Франціи, но и въ Германіи уже встрѣчаемъ образцы духовной драмы не сплошь написанные по латини, а съ болѣе или менѣе значительными вставками на народномъ языкѣ. Мы уже видѣли и въ XI в. такія отрывочныя вставки на южно-французскомъ нарѣчіи въ мистеріи о дѣвахъ мудрыхъ и неразумныхъ; въ концѣ XII вѣка видимъ во Франціи цѣлую драму на народномъ языкѣ (Ordo represenlacionis Ade.) Но такого явленія очевидно еще нельзя считать обыкновеннымъ и частымъ: оно выходитъ изъ общаго ряда современныхъ драматическихъ произведеній, какъ явленіе передовое, тѣмъ болѣе, что эта драма, написанная на народномъ языкѣ, представляется намъ такою развитою со стороны обстановки, что стѣны церкви уже для нея тѣсны

и она, судя по сопровождающимъ ея припискамъ и указаніямъ—происходитъ въ церковной оградѣ и отчасти на паперти церкви. Въ тоже самое время и во Франціи, и особенно въ Германіи, продолжаетъ, по прежнему, существовать и преобладать мистерія, писанная на церковномъ языкѣ. Несмотря на это, въ мистеріи XII в., видимъ мы чисто-драматическій интересъ: она является уже вполнѣ сценическимъ представленіемъ, въ которомъ замѣтны довольно ясно опредѣлившіяся отношенія дѣйствующихъ лицъ къ публикѣ, въ которомъ видимъ и болѣе сложную обстановку, чѣмъ въ мистеріи VI в., въ которомъ и самый персоналъ не стѣсненъ болѣе узкою рамкою только того, что было потребно для совершенія всѣмъ извѣстнаго обряда. Въ мистеріи XII в., мы дѣйствительно впервые встрѣчаемъ, кромѣ необходимыхъ дѣйствующихъ лицъ, лица второстепенныя, очевидно введенныя авторомъ въ дѣйствіе только для того, чтобы оживить, наполнить сцену, сблизить ея обстановку съ обстановкою обыденной жизни; такъ въ нѣмецкой пасхальной мистеріи (Christi Leiden) выводится на сцену любовникъ Маріи Магдалины; продавецъ мазей [1]) въ пасхальной мистеріи и французской (la Resurrection), и нѣмецкой; и въ большей части остальныхъ—ученики, пастухи, народъ, придворные, воины бѣсы, женщины, являющіеся на сценѣ въ видѣ толпы, изъ средины который выдѣляются два-три лица (primus, secundus), принимающія участіе въ дѣйствіи за всѣхъ

---

[1]) Не тотъ шутовской и чисто народный типъ продавца мазей, который потомъ въ XIV и XV вв. играетъ такую важную роль въ мистеріи нѣмецкой и чешской (Salbenkrämer, Mastickar), а просто очень скромный Mercator, которому позволяется сказать всего нѣсколько словъ.

остальныхъ, такъ сказать, олицетворяющія массу. И при всемъ этомъ, условія обрядности, среди которыхъ мистерія первоначально произошла и существовала до того времени, стѣсняли и мистерію и въ XII вѣкѣ, даже послѣ того какъ она оставила стѣны церкви и переселилась въ церковную ограду; ее еще стараются связать съ церковной службой; начинаютъ представленіе мистеріи молитвами или чтеніемъ того мѣста Св. Писанія, которое послужило основаніемъ драматическаго сюжета; заключаютъ его пѣніемъ обычнаго «Amen», «Тебе Бога хвалимъ», а также и другими молитвами, сопряженными съ тѣмъ днемъ, въ который происходитъ мистеріи (и особенно чудо, всегда тѣсно связанное съ памятью Святаго). Но эта связь съ церковной службой въ XII вѣкѣ уже видимо слабѣетъ и становится чисто внѣшнею, основанною болѣе на воспоминаніи о происхожденіи мистеріи чѣмъ на необходимой обрядовой потребности. Въ мистеріяхъ XII в. мы встрѣчаемъ и еще одну обще-распространенную и весьма любопытную черту:—явленіе пророковъ въ концѣ пасхальныхъ мистерій (которое мы уже видѣли въ мистеріи XI в.). Отмѣчая эту черту, считаемъ ее несомнѣнно важною въ томъ отношеніи, что присоединеніе ея къ драмамъ, по нашему мнѣнію болѣе всего способствовало въ послѣдствіи развитію такъ называемыхъ сводныхъ мистерій (Collective Mysterien [1]), въ которыхъ къ одному сюжету, избранному изъ Св. Писанія, присоединялись, какъ

---

[1]) Этотъ весьма удачный терминъ былъ впервые изобрѣтенъ однимъ изъ лучшихъ въ настоящее время знатоковъ средневѣковой драмы, Ад. Эбертомъ (См. его статью: Die englischen Mysterien mit besonder. Berücksichtig. d. Towneleysammlung. Помѣщена въ Jahrb. f. engl. u roman. Liter. 1859. 44—82; 131—170 стр).

къ общему центру, всѣ тѣ событія и Ветхаго, и Новаго Завѣта, которыя могли имѣть хоть какое нибудь, даже косвенное или только символическое отношеніе къ главному сюжету.

Выше уже говорили мы, что намъ сохранилось отъ XII в. пятнадцать образцовъ средневѣковой драмы. Большая часть этихъ образцовъ заключается въ ркп. XII вѣка, № 178, принадлежащей въ настоящее время Орлеанской библіотекѣ; въ ней находятся слѣдующія десять образцовъ: четыре чуда Св. Николая, Поклоненіе волхвовъ, Избіеніе Невинныхъ младенцевъ, Обращеніе Савла, Воскресеніе Лазаря, Два отрывка пасхальныхъ мистерій [1]). Остальные образцы драмы XII в. распредѣлены слѣдующимъ образомъ: три драмы, написанныя Гиларіемъ (чудо Св. Николая, Даніилъ и Воскресеніе Лазаря), находятся въ Парижской Императорской библіотекѣ [2]); одинъ очень важный отрывокъ Рождественской мистеріи [3]) (Ordo Repre sentacionis Ade) отъисканъ недавно въ библіотекѣ города Тура, куда онъ, въ началѣ прошлаго вѣка, купленъ былъ изъ Тулузы; и наконецъ, довольно полный экземпляръ на-

---

[1]) Пьесы, содержащіяся въ Орлеанской ркп., были напечатаны уже два раза. Текстъ мистерій съ примѣчаніями помѣщенъ былъ въ книгѣ Дю-Мериля «Origines latines du théatre moderne, 1849.» Текстъ съ нотами напечатанъ былъ въ книгѣ Куссмакера «Drames liturgiques du moyen-âge.» Paris. 1861. 83—221 стр.

[2]) Напечатаны были дважды: сначала Шамполіономъ-Фижакомъ, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, подъ заглавіемъ «Hilarii versus et ludi», 1834; перепечатаны вторично Дю-Мерилемъ, въ его «Origines latines etc», стр. 225, 241, 272.

[3]) Напечатанъ только одинъ разъ, подъ заглавіемъ: «Adam, drame anglo normand du XII siecle. Publié par. V. Luzarche. Tours.» 1854. Въ числѣ 211 экз. Критическая сторона изданія очень плоха. (См. въ «Göttinger Gelehrte Anzeige», разборъ этой книги, написанный А. Эбергомъ.)

схальной мистеріи XII в. находится въ Мюнхенской библіотекѣ, въ ркп. XIII в. [1]).

Miraculum St. Nicolai.

Въ Орлеанской ркп. XII в. этому чуду предпослана слѣдующая приписка: Чудо о святомъ Николаѣ и нѣкоемъ Іудеѣ, который, скрывъ у себя изображеніе Св. Николая, ежедневно ему покланялся; а такъ какъ онъ былъ богатъ, то, отправляясь однажды за городъ, предоставилъ Николаю и его изображенію (Nicolaum et imaginem ejus) охраненіе своего дома. Между тѣмъ воры выкрали все, что въ немъ находилось; а Николай ему все вскорѣ возвратилъ, такъ какъ воры, по приказанію святаго, все украденное принесли Іудею обратно». Въ этой припискѣ обьяснено все внутреннее содержаніе чуда, которое начинается съ того, что Іудей, обращаясь къ изображенію Св. Николая, восхваляетъ чудеса этого святаго, о которыхъ онъ много наслышался отъ христіанъ; онъ, между прочимъ указываетъ на эти чудеса, какъ на главную причину своего уваженія къ Св. Николаю, которому и рѣшается довѣрить охраненіе всего своего дома и всѣхъ своихъ сокровищъ на время отсутствія за городъ.

Interim veniant FURES, *et post recessum ejus dicant* OMNES *insimul*:
Quid agemus? Quo tendemus? Quae captamus consilia?

Ad hoc dicat UNUS *ex eis*:

Oporteret ut impleret nostra quisquam marsupia.
Audite, socii, mea consilia:
vir hic est Judaeus; cujus pecunia,
si vultis, jam erit nostra penuria
relevata.

---

[1]) Напечатанъ два раза: Шмеллеромъ, въ его «Carmina burana», стр. 95, съ дополненіями по варьянтамъ; и Гоффманомъ, въ его «Fundgruben» часть II, стр. 245 (только текстъ Мюнхенской ркп.).

Чудо св. Николая.

Между тѣмъ приходятъ воры, *и, послѣ отхода Іудея, говорятъ всѣ вмѣстѣ:*

Что намъ дѣлать? Куда идти? Что предпринять?

На это отвѣчаетъ одинъ *изъ нихъ:*

Недурно бы намъ понабить мошну.
Послушайте, товарищи, моихъ совѣтовъ:
этотъ человѣкъ — Іудей; его то деньгами,
еслибъ вы захотѣли, наша бѣдность
была бы уже поправлена.

ALIUS:

Eamus propere; pellantur otia;
tollantur januae; frangantur ostia:
Judaei forsitan hujus incuria,
jam esse poterit nostra pecunia
agmentata.

Et cum citius inceperunt ire, dicat TERTIUS:

O mei comites, ite suavius,
vosque prospicite nunc diligentius;
vir talis cautius servat quam alius
rem de qua metuit, et vigilantius
est servata.

Cum venerint ad locum ubi furari debent, sit ibi arca patrata quam curreant: PRIMUS *dicat:*

Arcam istam hinc tollite,
si potestis, quam concite;
quod si nequitis, frangite:
quae sunt in ea capite.

Quo dicto, fingant se non posse levare arcam, et dicat SECUNDUS:

Nos oportet hanc arcam frangere;
quam nequimus integram tollere.

Tunc veniat TERTIUS *et, inveniens seram non firmam, dicat:*

O (h)! quanta exultatio!
Haec arca, magno gaudio,
se reserari voluit
et se nobis aperuit!

Hoc dicto, capto quod fuerit in arca, abeant; et tunc veniens JUDAEUS *et comperiens furata, dicat:*

Vah! perii! Nihil est reliqui mihi: cur esse (*l.* fore) coepi?
Cur, mater, cur, saeve pater, fore me tribuisti?
Heu! quid proferri mihi profuit aut generari?
Cur, Natura parens, consistere me statuebas,
quae luctus mihi, quae gemitus hos prospiciebas?
Qnod querar in tantam mihi crimen obesse ruinam?
Qui mode dives eram, vix aut nullius egebam,
Pollens argento, pretiosis vestibus, auro,
Sum mtser, idque mei moles est pauperiei:

другой:

Пойдемъ скорѣе; за дѣло!
Вышибай двери; ломай крышки:
(Благодаря) беззаботности этого Іудеа,
Наши деньги уже могли бы прибавиться.

И когда они пускаются идти скорѣе, то третій *говоритъ:*

О товарищи, ступайте тише,
и осматривайтесь потщательнѣе;
такой человѣкъ осторожнѣе другаго
прячетъ вещь, за которую боится, и бдительнѣе
ее сохраняетъ.

Когда приходятъ на то мѣсто, гдѣ имъ слѣдуетъ воровать, тамъ стоитъ сундукъ: первый *говоритъ:*

Уносите отсюда этотъ сундукъ,
если можете, который двигаете;
если не можете,— ломайте:
Что въ немъ есть, берите.

Сказавъ это, показываютъ видъ будто не могутъ поднять сундука, и говоритъ второй:

Нужно намъ этотъ сундукъ сломать;
мы не можемъ унести его цѣлымъ.

Тутъ приходитъ третій, *находитъ, что замокъ некрѣпокъ и говоритъ:*

О! какой восторгъ!
Сундукъ этотъ,— о радость!—
И хотѣлъ (отъ насъ) укрыться,
и все же намъ открылся.

Сказавъ это, и захвативъ *все, что было въ сундукѣ, уходятъ: тогда приходитъ Іудей,* и, *замѣтивъ покражу, говоритъ:*

О! погибъ! Ничего не осталось мнѣ: зачѣмъ я произошелъ
на свѣтъ?
Зачѣмъ мать, зачѣмъ отецъ, меня произвели вы?
И что мнѣ въ томъ, что я родился?
Зачѣмъ ты, производящая природа, повелѣла мнѣ произойти,
если эту печаль мою, эту скорбь мою предвидѣла?
Какое преступленіе привело меня къ этой невзгодѣ?
Какъ случилось, что я, будучи богатъ, не нуждаясь почти вовсе,

Nam latet ex habitu me post modo quo fruar usu;
Quod levius ferrem, si ferre prius didicissem.
Sed, ni decipior, ego sane desipiebam.
sic ego quod nomen Nicolai mane colebam.
Quidni noxa? Fides nocuit mihi christicolarum,
Quae probat, et sine te, sic te, Nicolae, vigere?
Id mihi tristandi causam dedit et lacrymandi:
Nec solus flebo, nec inultus, credo, dolebo:
Tu meritis subdare probris, tondere flagellis;
Sed fessus cedam, noctis tibi tempora credam;
Quod nisi mane mea repares tibi credita causa,
Primo flagellabo te, postque flagella cremabo.

NICOLAUS *ad Fures furtum dividentes*:

Quid, prophani? Nota reconditis;
dementes, ut vestra divIditis :
tnter istis.
Quae perdlti geritis hcminum,
haec vobis fraus adduxit daemonum;
occubuistis.
An transeunt vos, o miserrimi,
his abductis, fines teterrimi,
quos meruistis?
Non me late(n)t, impudentissimi,
quae sunt mihi commissae (*l.* commissa) domui,
quae rapuistis.
Has argenti marchas, his vestibus
(et) hanc auri massam insignibus
continuistis.
Mihi autem sunt probra, turpium
mihi quidem et causa verberum,
quae perpetrastis.
Quod si noctis hujus praesentia
festin(at)e refertis omnia,
id devitatis,
Ne deprensi mane a populo,
me testante, digni patibulo
poenas solvaris (*l.* solvatis).

имѣя въ изобиліи серебра, дорогихъ одеждъ, золота,
сталъ бѣденъ, и вотъ мнѣ приходится сносить тягость нищеты:
и вотъ остается мнѣ изъ одежды только та, которую обык-
новенно ношу;
ее бы легче было носить мнѣ, если бы я прежде носить
научился.
Но, если не ошибаюсь, я очень глупо поступилъ
именно въ томъ, что почиталъ имя Николая.
Не въ томъ ли и весь мой убытокъ? Мнѣ повредила вѣра
христіанъ;
Это и доказываетъ, что все и безъ тебя, какъ и при тебѣ,
Николай, можетъ процвѣтать.
Это и подало мнѣ поводъ къ печали и къ слезамъ:
но не одинъ я буду плакать; не безъ отмщенья, думаю, со-
крушаться:
тебя подвергну я заслуженному наказанію, проучу бичами;
но такъ какъ я утомленъ, то даю тебѣ сроку на одну ночь;
и если ты не вознаградишь меня за довѣренное тебѣ,
то я тебя сначала высѣку, а послѣ и плеть сожгу.

НИКОЛАЙ *къ ворамъ, раздѣляющимъ краденое:*
Что, безбожники? Возвратите все,
что вы, безумные, между собой
раздѣлили.
Къ тому, что вы, погибшіе, сдѣлали,
Васъ побудило каварство бѣсовъ.
(И вы имъ) поддались.
Развѣ не ожидаетъ васъ, несчастные,
похитившихъ это, постыднѣйшій конецъ,
Котораго вы заслужили?
Нѣтъ у меня, безсовѣстные,
того, что мнѣ было поручено въ домѣ,
и что вы похитили.
Тѣ марки серебра, тѣ одежды
(и) ту груду золота,
вы захватили.
А я изъ за этого подвергнусь наказанію
и также постыднымъ ударомъ,
Которые вы заслужили.

Recedente Sancto, dicat UNUS *ex eis:*

Quanta mors est has gazas reddere!
Si laudatis, volo dividere.

ALIUS:

In isto negotio,
egemus consilio;
Nunquam laetus fuero,
si haec sic reddidero.

TERTIUS:

Est melius hoc vobis reddere,
quam sic vitam pendendo perdere.

OMNES *simul:*

Redeamus
et reddamus!

JUDAEUS, *rebus inventis suis, dicat alta voce:*

Congaudete mihi, carissimi;
restitutis cunctis quae perdidi,
Gaudeamus!
Quae mea dispersit incuria,
Nicolai resumpsi gratia;
Gaudeamus!
Conlaudemus hunc Dei famulum;
abjuremus obcoecans idolum;
Gaudeamus!
Ut, errore sublato mentium,
Nicolai (*l.* ejus) mereamur consortium;
Gaudeamus!

OMNIS CHORUS *dicat:*

Statuit ei Dominus.

Если вы въ эту же ночь
Поспѣшно возвратите все,
то избѣгнете,
(того), что схваченные народомъ,
по моему свидѣтельству, достойной казни,
будете подвергнуты.

По уходѣ Святаго, говоритъ одинъ *изъ воровъ:*

Экое горе, что приходится это отдавать!
Коли хотите, такъ подѣлимъ.

ДРУГОЙ:

Въ этомъ дѣлѣ
нуженъ намъ совѣтъ;
не бывать мнѣ больше веселымъ,
если это такъ отдать.

ТРЕТІЙ:

Лучше ужь это отдать,
чѣмъ жизнь на висѣлицѣ потерять.

ВСѢ *вмѣстѣ:*

Возвратимся
и возвратимъ.

ІУДЕЙ, *найдя свои вещи, говоритъ громко:*

Порадуйтесь сомною, любезные;
возвращено мнѣ все, что было потеряно,
Возвеселимся!
Что расточила моя беззаботность
то собрано милостью Николая;
возвеселимся!
Восхвалимъ этого служителя Божія;
отречемся, прозрѣвъ, отъ идоловъ;
возвеселимся!
Дабы, отказавшись отъ своихъ заблужденій,
удостоиться общенія съ Николаемъ.
Возвеселимся!

Весь ХОРЪ *отвѣчаетъ:*

Повелѣлъ ему Господь.

Тоже самое чудо Св. Николая избралъ и Гиларій въ основаніе одной изъ трехъ написанныхъ имъ драмъ, но,— надо отдать ему полную справедливость,—обработалъ этотъ сюжетъ несравненно слабѣе и короче, чѣмъ авторъ только что приведеннаго нами чуда. Въ Гиларіевой обработкѣ замѣчателенъ только тотъ пріемъ его, что онъ постоянно заканчиваетъ каждый отдѣльный куплетъ [1]) своего латинскаго текста французскою фразою, которая тѣсно связана по смыслу съ остальнымъ латинскимъ текстомъ; напримѣръ:

Rediere perdita,
Jo en ai;
Nec per mea merita:
De si grant mervegle en ai.

. . . .

Или:

Suplex ad te venio,
Nicholax,
Nam per te recipio
Tut icei que tu gardas.

Или:

Hic reliqui mea
Sed hic non sunt a:
Est imago reo:
Des! quel domage!
Qui pert la sue chose, purque n'enrage?

---

[1]) Du Mèril. Origines etc. стр. 128.

Пасхальная мистерія.

(По Мюнхенской ркп. XIII в.)

Дѣйствіе открывается торжественнымъ шествіемъ. «Сначала выводится Пилатъ со своею женою», — сказано въ ркп. — «окруженный воинами и идетъ на приготовленное ему мѣсто; за тѣмъ Иродъ, со своими воинами; за тѣмъ первосвященники (pontifices); купецъ и его жена; за тѣмъ Марія Магдалина.»

Dominica persona (т. е. актеръ, взявшій на себя роль Спасителя) идетъ къ берегу моря и, встрѣтивъ тамъ Петра и Андрея, предлагаетъ имъ идти за собою, говоря: «Venite post me, faciam vos piscatores hominum». Послѣ этого слѣдуетъ исцѣленіе слѣпаго и Dominica persona зоветъ Закхея съ дерева, предъупреждая его о томъ, что посѣтитъ его домъ. За тѣмъ слѣдуетъ извѣстный разговоръ съ Закхеемъ, по окончаніи котораго хоръ поетъ церковный гимнъ (Quum appropinquaret jam ad descensum Montis Oliveti etc.), представляющій собою не болѣе, какъ развитіе одного мѣста изъ Еванг. Св. Луки (XIX, 37). Вслѣдъ за тѣмъ приходятъ дѣти и разстилаютъ свои одежды, а хоръ поетъ гимнъ, нѣкогда составлявшій на Западѣ необходимую принадлежность празднованья Вербнаго Воскресенья: Pueri Hebraeorum tollentes ramos olivarum etc [1]). Послѣ этого дѣти и хоръ поютъ: «Gloria, laus et honor tibi etc», — одну изъ церковныхъ пѣсенъ и теперь еще входящихъ въ составъ католической литургіи Вербнаго Воскресенья.

---

[1]) Du Méril Ibid, далѣе.

Tunc veniat PHARISAEUS *et vocet Jesum ad coenam*:

Rab(b)i(quod interpretatur *Magister*), peto, ut mecum hodie velis manducare.

JESUS :

Fiat ut petisti.

PHARISAEUS *dicat ad Servum* :

Ite citius, praeparate sedilia ad mensae convivia, ut sint placentia.

MARIA MAGDALENA *cantet* :

Mundi delectatio dulcis est et grata;
cujus conversatio suavis et ornata;
mundi sunt deliciae quibus aestuare
volo, nec lasciviam ejus evitare.
Pro mundano gaudio vitam terminabo;
bonis temporalibus ego militabo :
nil curans de ceteris, corpus procurabo;
variis coloribus illud perornabo.

Modo vadat MARIA *cum Puellis ad Mercatorem cantando* :

Mihi confer, venditor, species emendas,
pro multa pecunia tibi jam reddenda(s),
si quid habes insuper odoramentorum :
nam volo perungere corpus hoc decorum.

MERCATOR :

Ecce merces optimae; prospice nitorem!
haec tibi conveniunt ad vultus decorem;
haec sunt odoriferae; quas si comparabis,
corporis flagrantiam omnem superabis.

Приходитъ фарисей *и зоветъ Іисуса на обѣдъ*:

Равви (что значитъ учитель), прошу тебя сегодня ко мнѣ откушать.

ІИСУСЪ:

Да будетъ по просьбѣ твоей.

ФАРИСЕЙ *говоритъ рабу*:

Ступайте скорѣе, приготовьте спокойныя мѣста для пиршества.

МАРІЯ МАГДАЛИНА *поетъ*:

Веселье мірское сладко и пріятно;
Связи съ міромъ усладительны и прекрасны.
Хочу постоянно стремиться къ мірскимъ наслажденіямъ,
Не избѣгать веселій міра.
Жизнь готова положить за мірскую радость;
Буду служить однимъ временнымъ благамъ,
Незаботясь ни о чемъ другомъ, позабочусь только о своемъ тѣлѣ;
и разными цвѣтами его украшу.

МАРІЯ *съ дѣвицами идетъ къ купцу и поетъ*:

Подай мнѣ, продавецъ, покупныхъ снадобій,
За тѣ деньги, которыхъ я тебѣ много дамъ;
Нѣтъ ли у тебя, кромѣ того, духовъ:
Я хочу ими умастить мое тѣло.

КУПЕЦЪ:

Вотъ прекрасные товары; посмотри что за блескъ!
Вотъ что идетъ тебѣ для украшенія лица;
вотъ и духи; если ты еще ихъ присоединишь,
то всякаго прельстишь своими прелестями.

*

MARIA MAGDALENA :

Chramer, gip die varwe mir diu min wengel roete,
da mit ich die jungen man an ir danch der minnenliebe noete.
Seht mich an, jungen man,
lat mich eu gevallen.
Minnet tugendliche man minnekliche vrauwen;
minne tuet eu hochgemuet, unde lat euch in hohen eren schauwen:
Seht mich an, jungen man,
lat mich eu gewallen (*l.* gevallen).
Wol dir werlt, daz du bist also vreudenriche!
ich wil dir sin undertan durch din liebe immer sicherliche.
Seht mich an, jungen man,
lat mich gewallen (*l.* gevallen).

Tunc accedat Amator quem MARIA *salutet; et, cum parum loquuntur (*l. *locuti erunt)*, *cantet* MARIA *ad Puellas*:

Wol dan, minneklichen chint, schauwe wir chrame:
chauf wir die varwe da, die uns machen schoene unde wolgetane
Er muez sin sorgenvri,
der da minnet mir denvlip.

Ad Mercatorem:

Chramer, gip die varwe mir diu min wengel roete,
da mit ich die jungen man an ir danch der minnenliebe noete
Seht mich an, jungen man,
lat mich eu gevallen.

MERCATOR :

Ich gib eu varwe, deu ist guot, dar zuo lobeliche,
deu juch machet reht schoene unt dar zuo (vil) reht wunnechliche :
nempt si hin, hab(t) ir si ;
ir ist niht geliche.

МАРІЯ МАГДАЛИНА:

Купецъ, дай мнѣ краски, отъ которой бы щека моя покраснѣла,
Чтобы заставить молодыхъ людей благодарить меня за ласки.
Смотрите на меня, молодой человѣкъ,
Пусть я вамъ понравлюсь.
Твердый мужчина любитъ нѣжныхъ женщинъ;
. . . . [1])

Смотрите на меня и т. д.
Слава тебѣ свѣтъ, что въ тебѣ такъ много радостей!
Я всегда буду тебѣ покорна изъ любви.
Смотрите на меня и т. д.

Тутъ подходитъ къ ней Любовникъ, которому Марія кланяется; поговоривъ съ нимъ немного, Марія поетъ, обращаясь къ дѣвушкамъ:

Ну, милыя дѣвушки, посмотримъ (у него) товары.
Купимъ тамъ краску, которая насъ украшаетъ и дѣлаетъ пріятными.
Тотъ не раскается,
Кому я понравлюсь.

Обращаясь къ купцу:

Купецъ, дай мнѣ краски, отъ которой бы щека моя и т. д.
Смотрите на меня и т. д.

КУПЕЦЪ:

Я даю вамъ краски, которая безукоризненно хороша,
Она васъ очень украситъ, и сдѣлаетъ привлекательной.

---

[1]) Фраза не совсѣмъ ясна для насъ. Дю Мериль переводитъ: c'est l'amour qui lui donne les nobles sentiments et l'elève haut dans l'estime. Мы съ этимъ переводомъ несогласны.

Accepto unguento, vadat dormitum (et) ANGELUS *veniat cantando*:

O Maria Magdalena,
nova tibi nuntio:
Simonis hospitio
hic sedens convivatur
Jesus ille Nazarenus,
gratia(e) virtute plenus,
qui relaxat peccata populi:
hunc turbae confitentur
salvatorem saeculi.

Recedat Angelus et surgat MARIA *cantando*:

Mundi delectatio dulcis est et grata,
cujus conversatio suavis et ornata:
mundi sunt deliciae quibus aestuare
volo, nec lasciviam ejus evitare.

Et iterum postea obdormiat, et Angelus veniat cantando ut supra (O Maria Magdalena, etc.), *et iterum evanescat. Tunc surgat* MARIA *et cantet* :

Heu! Vita praeterita, vita plena malis,
fluxus turpitudinis, fons exitialis!
Heu! Quid agam, misera, plena peccatorum,
quae polluta polleo sorde vitiorum?

Angelus dicat Sibi :

Dico tibi, gaudium est angelis Dei super una peccatrice poenitentiam agente.

MARIA (MAGDALENA):

Hinc, ornatus saeculi, vestium candores!

Берите ее, уносите съ собой:
Ей нѣтъ подобной.

Взявъ притиранье (*Марія Магдалина*) *идетъ спать;* ангелъ *приходитъ къ ней (во снѣ) и поетъ:*

О Марія Магдалина,
Сообщу тебѣ новость:
У Симона въ домѣ,
Сидитъ за столомъ
Тотъ Іисусъ Назарей,
исполненный милости и добродѣтели,
который отпускаетъ народу грѣхи:
Его то признаетъ толпа
за Спасителя.

Ангелъ уходитъ, а Марія встаетъ и поетъ:

Веселье мірское сладко и пріятно и т. д.

(См. стр. 115)

И опять потомъ засыпаетъ, и ангелъ *приходитъ, какъ и прежде, поетъ тоже самое, и опять исчезаетъ. Тогда* марія (*вторично*) *встаетъ и поетъ:*

Увы! Прошедшая жизнь, жизнь полная золъ,
Потокъ постыдный, источникъ гибельный;
Увы, что мнѣ дѣлать, несчастной, исполненной грѣховъ,
Мнѣ, оскверненной нечистымъ скверномъ пороковъ?

Ангелъ говоритъ про себя:

Говорю тебѣ, велика радость ангеламъ Божьимъ о грѣшницѣ кающейся!

Protinus a me fugite, turpes a atores!
Utquid nasci volui, quae sum defoedanda,
et ab omni genere criminum notanda?

Tunc deponat vestimenta saecularia et induat nigrum pallium, et Amator *recedat, et* Diabolus; *veniat ad* Marcatorem (*et dicat*):

Dic tu nobis, mercator juvenis,
hoc unguentum si tu vendideris,
dic pretium: pro quanto dederis?

MERCATOR :

Hoc unguentum si multum cupitis,
unum auri talentum dabitis;
(nam) aliter nusquam portabitis.
Optimum est!

CHORUS *cantet*:

Accessit ad pedes....

Accepto unguento, vadat (MARIA) *ad dominicam Personam, cantans flendo*:

Ibo nunc ad medicum, turpiter aegrota,
medicinam postulans! lacrymarum vota
huic restat ut offeram et cordis plangores,
qui cunctos, ut audio, sanat peccatores.

(*Ad Jesum*):

Jesus, trost der sele min,
la mich dir enpholhen (*l.* enpfolhen) sin;
unde loese mich von der missetat,
da mich deu werlt zuo hat braht!
Ich chume niht von den fuezzen din,
du orloesest mich von den sunden min

МАРІЯ МАГДАЛИНА:

Прочь, мірская одежда, блескъ нарядовъ!
Прочь отъ меня, постыдные любовники!
Зачѣмъ родилась я, оскверненная
и полная всякаго рода проступковъ?

Тутъ снимаетъ съ себя мірскую одежду и надѣваетъ черное платье, и отходятъ отъ нея Любовникъ *и* Дьяволъ. *Приходитъ къ купцу* (*и говоритъ*):

Скажи намъ, молодой купецъ,
Если бы ты продалъ этотъ ароматъ,
То скажи цѣну, за которую бы его отдалъ?

КУПЕЦЪ:

Если вамъ такъ хочется (купить) этотъ ароматъ,
То вы дадите одинъ талантъ золота;
Иначе вамъ его неполучить.
Очень онъ хорошъ!

ХОРЪ *поетъ*:

Припадаетъ къ ногамъ и т. д.

Взявъ ароматъ, МАРІЯ *идетъ* ad dominicam personam,, *и съ плачемъ поетъ*:

Пойду-ка я къ врачу, я, позорно больна,
Требовать врачебнаго пособія!
Ему принесу слезные обѣты
И сердечныя сокрушенія,
Что, все вмѣстѣ, какъ я слышу, изцѣляетъ грѣшниковъ.
(*къ Іисусу*):

Іисусъ, утѣшеніе души моей,
Предаюсь на твою волю;
Избавь меня отъ всего дурнаго,
Въ которое ввелъ меня этотъ міръ!

unde von der grozzen missetat,
da mich deu werlt zuo hat braht.

PHARISAEUS *intra se:*

Si hic esset propheta, sciret utique quae et qualis illa esset quae tangit eum, quia peccatrix est.

JUDAS:

Utquid perditio haec? Potuit enim hoc venundari multo et dari pauperibus.

JESUS CANTET:

Quid molesti estis huic mulieri? Opus bonum operata est in me. (*Petro*) Simon, habeo tibi aliquid dicere.

SIMON PETRUS:

Magister, dic.

JESUS:

Debitores habuit quidam creditorum
duos, quibus credidit spe denariorum;
hic quingentos debuit, alter quinquagenos;
. . . .
cum nequirent reddere, totum relaxavit.
Quis eorum igitur ipsum plus amavit?

PETRUS:

Aestimo quod ille plus cui plus donavit.

JESUS:

Tua sic sententia recte judicavit.

Я не оставлю ногъ твоихъ,
Избавь меня отъ грѣховъ моихъ.

ФАРИСЕЙ *про себя*:

Будь онъ пророкъ, онъ бы зналъ кто и какова та, которая прикасается къ нему; вѣдь она грѣшница.

ІУДА:

Къ чему эта напрасная трата? [1] Вѣдь это бы можно было продать, и (вырученное) раздать бѣднымъ.

ІИСУСЪ *поетъ*:

Зачѣмъ осуждаете вы эту женщину? Она мнѣ доброе дѣло сдѣлала. (*Петру*) Симонъ, надо мнѣ сказать тебѣ нѣчто.

СИМОНЪ ПЕТРЪ:
Учитель, говори.

ІИСУСЪ:

У одного кредитора было должниковъ
Двое, которымъ онъ ссудилъ деннаріи;
Одинъ долженъ былъ 15, другой—50;
Когда они не могли отдать, то онъ и простилъ имъ долги.
Который же изъ двоихъ полюбилъ его болѣе?

ПЕТРЪ:

Полагаю, что тотъ, кому онъ болѣе далъ.

---

[1]) Эта фраза свидѣтельствуетъ о пропускѣ въ текстѣ мистеріи.

Item cantans ad Mariam (Magdalenam):

Mulier, remittuntur tibi peccata: fides tua salvam te fecit; vade in pace.

Tunc MARIA (MAGDALENA) *surgat et vadat lamentando, cantans*:

Awe, awe, daz ich je wart geborn!
Han ich verdienet gotes zorn,
der mich hat geben sele unde lip;
awe, ich vil unselich wip!
Awe, awe, daz ich je wart geborn,
swenne mich erwechet gotes zorn!
Wol uf, ir guoten man unde wip,
got wil rihten sele undē lip. [1])

Tunc veniat MATER DOMINI *lamentando cum Johanne evangelista, et Ipsa accedens crucem respiciat crucifixum*:

Awe, awe mich, hiut unde immer we!
awe! wie sihe ich nu an
daz liebiste chint, daz je gewan
ze dirre werlde je dehain wip!
awe mines schoene chindes lip!
Den sihe ich jemerlichen an:
lat juch erbarmen, wip unde man!
lat i(u)wer ougen sehen dar,
unde nemt der marter rehte war!

---

[1]) Затѣмъ дѣйствіе продолжается въ слѣдующемъ порядкѣ: Воскресеніе Лазаря.—Іуда предаетъ Спасителя.—Тайная вечерь.—Моленіе о чашѣ.—Іуда съ толпою Іудеевъ является брать Спасителя подъ стражу.—Отреченіе Петра.—Каіафа и Пилатъ судятъ Христа; судъ заканчивается омовеніемъ рукъ Пилата.—Іуда возвращаетъ сребренники первосвященникамъ и объявляетъ, что онъ наложитъ на себя руки. Тотчасъ же является на сцену дьяволъ, ведетъ Іуду къ висѣлицѣ и помогаетъ ему повѣситься. Между тѣмъ Іисуса (въ другой части сцены) распинаютъ на крестѣ и прибиваютъ надъ нимъ извѣстную надпись.

ІИСУСЪ:

Ты разсудилъ правильно.

Обращаясь къ Маріи (Магдалинѣ) поетъ:

Женщина, отпускаются тебѣ грѣхи: тебя спасла вѣра твоя; ступай съ миромъ.

Тогда МАРІЯ (МАГДАЛИНА) *поднимается, идетъ и поетъ съ плачемъ:*

Горе мнѣ, горе! что я на свѣтъ родилась!
Я вполнѣ заслужила гнѣвъ Бога,
который далъ мнѣ душу и тѣло;
Горе мнѣ, несчастной женщинѣ!
Горе мнѣ, горе, что я народилась,
что я навлекла на себя гнѣвъ Божій!
Мужайтесь, вы добрые мужчины и женщины,
Богъ будетъ судить и душу, и тѣло.

Матерь Божья съ евангелистомъ Іоанномъ приходитъ плача ко кресту и смотритъ на распятаго.

Горе мнѣ, горе мнѣ, теперь и навсегда—горе!
Горе! какъ посмотрю я теперь
На прекраснѣйшее дитя, какое когда либо случилось
имѣть
Въ этомъ свѣтѣ женщинѣ!
О прекрасное дитятко!
На тебя смотрю я съ сокрушеніемъ.
Сжальтесь, женщины и мужчины!
Поглядите сюда,
Взгляните на эти мученія!

Wart marter je so jemerlich
unde also rehte angestlich?
Nu merchet marter, not unde tot,
unde al den lip von bluote rot.
Lat leben mir daz chindel min,
unde toetet mich, die muter sin
Mariam, mich vil armez wip!

Item MATER DOMINI *omni ploratu exhibeat multos planctus, et clamet ad Mulieres flentes et conquerentes valde*:

Flete, fideles animae;
flete, sorores optimae,
    ut sint multiplices
    doloris indices,
    planctus et lacrymae,
Fleant materna viscera
Mariae matris vulnera!
    Materne doleo,
    quae dici soleo
    felix puerpera.
    Triste spectaculum
    crucis et lanceae
    clausum signaculum
    mentis virgineae
    profunde vulnerat.
    Hoc est quod dixerat,
    quod prophetaverat
    felix praenuntius:
    hic, ille gladius
    qui me transverberat.

Tunc MARIA *amplexetur Johannem et cantet, eum habens inter brachia*:

Mi Johannes, planctum move;
plange mecum, fili nove,
    fili novo foedere

Были ли когда страданія такъ достойны сожалѣнія
И такъ дѣйствительно ужасны?
Каковы его страданія и смерть
Каково все тѣло его обогрено кровью!
О! возвратите жизнь моему ребенку,
И убейте меня, его мать,
Бѣдную Марію!

Матерь Божья, при всеобщемъ плачѣ, продолжаетъ жаловаться, и восклицаетъ, обращаясь къ плачущимъ женщинамъ:

Плачьте. вѣрныя:
Плачьте, милыя сестры,
Пусть умножатся
Признаки печали,
Жалобы и слезы,
Пусть оплакиваютъ утробы матерей
Раны Матери Маріи.
Сокрушаюсь какъ мать,
Привыкнувъ себя называть
Сщастливой родительницей.
Грустный видъ
креста и копья
и прибитой надписи
глубоко ранилъ
меня Дѣву.
Вотъ то, что онъ говорилъ,
Что предсказывалъ,
Чего былъ предвѣстникомъ:
Вотъ тотъ мечь,
Который меня пронзилъ.

Затѣмъ Марія обнимаетъ Іоанна и поетъ, обнявъ его.

О Іоаннъ, плачь,

matris et et materterae.
Tempus est lamenti:
immolemus intimas
lacrymarum victimas
Christo morienti.

Et per horam quisecat sedendo, et iterum surgat cantando:

Planctus ante nescia,

Tunc iterum amplexetur Johannem, et cantet:

Mi Johannes, planctum move;
plange mecum, fili nove,
fili novo foedere
matris et materterae. [1])

Этотъ отрывокъ замѣчателенъ потому, что представляетъ собою одинъ изъ полнѣйшихъ образцовъ цѣлаго особаго рода произведеній, извѣстнаго въ средневѣковой драматической поэзіи подъ названіемъ Плачей и Жалобъ Св. Дѣвы Маріи (Planctus St. Mariae Virginis, Marien Clage). Эти плачи или жалобы очевидно составляли въ началѣ только часть (какъ и въ вышеприведенной мистеріи) пасхальныхъ мистерій; но въ послѣдствіи,—вѣроятно на основаніи того же значенія, ко–

---

[1]) За этимъ слѣдуютъ коротко представляемыя послѣднія минуты Спасителя.—Лонгинъ приходитъ съ копьемъ въ рукахъ и собирается пронзить бедро Спасителя; но, когда Спаситель испускаетъ духъ, Лонгинъ кается. Дѣйствіе заключается обращеніемъ Іосифа Аримаѳейскаго къ Пилату, у котораго онъ проситъ позволенія похоронить Іисуса. Пилатъ соглашается. (Послѣднія рѣчи также на народномъ языкѣ.)

плачь со мною, новый сынъ,
сынъ новаго союза,

. . . .

теперь время сокрушеній:
прінесемъ же искреннія
жертвы слезъ
умирающему Христу.

И немного погодя, опять встаетъ и поетъ:

Прежде незнала я жалобъ,

(*Вторично обнимаетъ Іоанна и поетъ:*)

О Іоаннъ, плачь,
плачь со мною, новый сынъ и т. д. (тоже что и выше).

торое культъ Дѣвы Маріи пріобрѣлъ въ средніе вѣка, — жалобы образовали особый родъ драматическихъ представленій, сильно распространившійся повсюду. Но съ теченіемъ времени эти «Жалобы» болѣе и болѣе утрачивали свою драматическую обстановку и обработка ихъ основнаго сюжета становилась чисто-лирическою; вотъ почему онѣ счастливо пережили время гоненій на церковныя представленія и долѣе всѣхъ остальныхъ родовъ средневѣковой драмы удержались въ стѣнахъ церкви.

ORDO REPRESENTACIONIS ADE.

Constituatur paradisus loco eminenciori; circumponantur cortine et panni serici, ea altitudine ut persone que in paradiso fuerint possint videri sursum ad humeris. Sernantur odoriferi flores et frondes; sint in eo diverse arbores et fructus in eis dependentes, ut amenissimus locus videratur. Tunc veniat Salvator indutus dalmatica, et statuantur choram eo Adam (et) Eva. Adam indutus sit tunica rubea, Eva vero muliebri vestimento albo, peplo serico albo, et stent ambo coram figura; Adam tamen propius, vultu composito, Eva vero parum demissiori; et sit ipse Adam bene instructus quando respondere debeat, ne ad respondendum nimis sit velox aud nimis tardus. Nec solum ipse, sed omnes persone sint instruantur ut composite loquantur, et gestum faciant convenientem rei de qua loquuntur, et in rithmis nec sillabam addant nec demant, sed omnes firmiter pronuncient, dicantur seriatim que dicenda sunt. Quicuqniue nominarunt paradisum, respicia[nt] eum et manu demonstre[nt]. Tunc incipiat lectio: In principio creavit deus celum et terram... Qua fiinita, corus cantet *Formavit igitur Dominus....* Quo fiinito, dicat figura «Adam.» Qui respondeat «Sire.»

FIGURA.

Adam.

ADAM.

Sire.

FIGURA.

Fourmé te ai
De limo terre.

Отр. Рожд. Мистеріи.

(По ркп. XII).

Рай устроенъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ; онъ окруженъ изгородью и (обвѣшанъ) шелковыми матеріями на столько, чтобы снизу можно было видѣть людей, находящихся въ раю. Онъ весь уставленъ душистыми цвѣтами и кустарниками; въ немъ должны быть видны и разныя деревья, съ висящими на нихъ плодами, чтобы это мѣсто казалось какъ можно болѣе пріятнымъ За тѣмъ долженъ прійти Вседержитель одѣтый въ далматику, и около него станутъ Адамъ (и) Ева. Адамъ долженъ быть одѣтъ въ красную тунику, а Ева въ бѣлое (нижнее?) женское платье, въ верхнюю бѣлую же шелковую одежду, и оба пусть стоятъ около *Figurae* (т. е. актера, исполняющаго роль Творца); Адамъ однако же ближе, и долженъ смотрѣть прямо, а Ева (стоять) нѣсколько наклонивъ голову; и самъ Адамъ долженъ быть хорошо приготовленъ, (чтобы зналъ), когда ему слѣдуетъ отвѣчать, чтобы онъ при отвѣтахъ и не спѣшилъ, и не опаздывалъ. И не только онъ, но и всѣ дѣйствующія лица должны быть приготовлены такъ, чтобы говорили складно, и дѣлали бы движенія приличныя тому, о чемъ они говорятъ; и, въ стихахъ, не прибавляли бы и не убавляли бы ни одного слога, но всѣ бы произносили твердо, высказывая поочередно, что имъ слѣдуетъ сказать. Когда же будутъ упоминать о раѣ, то должны смотрѣть на него и руками на него указывать.

За тѣмъ начинается чтеніе: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю...» По окончаніи чтенія, хоръ поетъ: «создалъ Господь Богъ...» По окончаніи пѣнія, говоритъ *Figura*: *«Адамъ!»* А тотъ отвѣчаетъ: «Господинъ!»

FIGURA.

Адамъ!

АДАМЪ.

Господинъ.

FIGURA.

Я тебя создалъ
Изъ ила земли.

ADAM.

Ben le sai.

FIGURA.

Je te ai fourmé à mun semblant.
A ma image ne t'ai feit de terre,
Ne moi devez jà mais mover guere.

ADAM.

N'en frai-ge, mais te crerrai;
Mun creatur obe[i]rai.

FIGURA.

Je t'ai duné bon cumpainun
Ce est ta femme, Eva a noun;
Ce est ta femme e tun pareil;
Tu le devez estre ben fiel.
Tu aime lui, e ele ame tei.
Si serez ben ambedui de moi,
Ele soit à tun comandement,
E vus ambedeus à mun talent.
De ta coste l'ai fourmée,
N'est pas estrange, de tei est née.
Jo la plasmai de ton cors;
De tei eissit, non pas de fors.
Tu, la governe par raison;
N'ait entre vus ja tencon,
Mais grant amor, grant conservage:
Tel soit la lei de manage.

FIGURA, *ad Evam.*

A tei parlerai, Evain.

АДАМЪ.

Я это знаю.

FIGURA.

Я создалъ тебя по моему подобію.
По подобію моему создалъ тебя изъ земли.
Ты не долженъ никогда быть дуренъ (въ отношеніи)
ко мнѣ.

АДАМЪ.

И не буду; но буду вѣровать въ тебя;
И повиноваться моему Творцу.

FIGURA.

Я далъ тебѣ хорошаго товарища,
Это—жену твою, по имени Еву,
Это—жена твоя и подобная тебѣ,
Ты ей долженъ быть очень вѣренъ.
Ты ее люби, а она тебя,
И такъ вамъ обоимъ будетъ хорошо черезъ меня.
Она пусть будетъ тебѣ покорна,
А вы оба мнѣ.
Я ее создалъ отъ твоего ребра,
Она тебѣ не чужая, отъ тебя и родилась,
Я ее породилъ изъ твоего же тѣла,
Изъ тебя произошла она, не откуда либо извнѣ.
Ты, управляй ею разумно;
Пусть между вами никогда не будетъ ссоръ,
Но любовь и (взаимныя) заботы;
Пусть это будетъ закономъ въ вашемъ хозяйствѣ.

FIGURA же, *обращаясь къ Евѣ*:

Къ тебѣ теперь обращаюсь Ева съ рѣчью,
Помни (то, что скажу), не по пустому я тебѣ буду
говорить.
Если хочешь исполнить мою волю,
То въ сердцѣ сохранишь доброту.
Меня люби, почитай (какъ) твоего Творца,

Co garde tu, ne l'tenez en vain.
Si vos faire ma volenté,
En ton cors garderas bonté.
Moi aim, e honor ton creator,
E moi reconuis à seignor;
A moi servir met ton porpens,
Tut ta force e tot tun sens,
Adam aime, e lui tien chier:
Il est marid e tu sa mullier;
A lui soies tot tens encline,
Ne n'issir de sa discipline;
Lui serf e aim par bon corage,
Car co est droiz de manage.
Se tu le fais bon adjutoire,
Jo te mettrai od lui en gloire.

EVA.

Jo l' frai, sire, á ton plaisir,
Já n'en voldrai de rien issir;
Toi conustrai à seignor,
Lui á paraille e à forzor;
Jo lui serrai tot tens feel,
De moi aura bon conseil;
Le ton pleisir, le ton servise
Frai, sire, en tote guise [1]).

---

[1]) Затѣмъ Figura продолжаетъ наставлять Адама, потомъ ведетъ его въ рай и, указавъ на запретное дерево, удаляется. Адамъ и Ева остаются въ раю. Между тѣмъ бѣсы подбѣгаютъ къ самому раю и знаками указывая имъ на дерево съ запретными плодами, побуждаютъ преступить заповѣдь Божью. Является и самъ дьяволъ и начинаетъ соблазнять Адама, но—напрасно. Дьяволъ разбранивъ Адама за его глупость, уходитъ отъ него и возвращается снова соблазнять его; но опять тщет-

И признавай за господина;
На служеніе мнѣ направляй всѣ твои мысли,
Всѣ твои силы и всѣ твои чувства.
Адама люби и пусть онъ будетъ тебѣ дорогъ:
Онъ твой мужъ, а ты—его жена;
Ему будь всегда покорна,
Не выходи изъ подъ его воли;
Ему служи и люби его,
Ибо на этомъ основывается всякое супружество.
Если ты ему будешь хорошей помощницей,
То я тебя вмѣстѣ съ нимъ и прославлю.

ЕВА.

Я все сдѣлаю, господинъ, какъ тебѣ угодно,
И никогда не нарушу (твоихъ приказаній);
Тебя буду признавать за Господа,
А его за подобнаго себѣ, но старшаго;
Ему буду постоянно вѣрной,
Буду и хорошей совѣтницей;
Твою же волю, и тебѣ служеніе
Буду исполнять, Господинъ, очень охотно.

За тѣмъ Figura изгоняетъ ихъ изъ рая, и говоритъ:

Выходите же изъ рая;
Вы промѣняли его не на лучшее.

но. Тогда уже, опечаленный, уходитъ онъ отъ Адама, обращается къ другимъ бѣсамъ за совѣтомъ и, зайдя съ другой стороны, начинаетъ соблазнять Еву. Ему удается склонить ее на свою сторону и заставить взять плодъ, послѣ чего онъ возвращается въ адъ, а Ева соблазняетъ Адама къ преступленію заповѣди Божіей. Вкусивъ яблока, Адамъ начинаетъ сокрушаться. Является Figura, Адамъ и Ева каются въ своемъ грѣхѣ. Figura проклинаетъ змѣя.

Tunc Figura expellet eos de paradiso, dicens:

Ore isse hors de paradis;
Mal change avez fet de païs.
En terre vus frez maison,
En paradis n'avez raison;
N'i avez rien que chalengier,
Fors isterez sen recoverer;
N'i avez rien par jugement:
Or pernez aillors chasement.
Fors en issez de bon avité;
Ne vus falt mais faim ne lasseté,
Ne vus falt mais dolor ne paine,
A toz les jors de la semaine.
En terre avrez malvais sojor,
Aprés morrez, al chief de tor,
Dés pois qn'averez gusté mort.
En emfer irrez sanz deport.
Ici avront les cors eissil,
Les almes en emfern peril.
Satan vus avra en baillie.
N'est hom que vus en face aïe,
Par cui soiez-vus ja rescos,
Se moi n'en prenge pitié de vus.

Chorus cantet: In sudore vultus tui.

Interim veniet angelus albis indutus, ferens radientem gladium in manu, quem statuet Figura ad. portam paradisi, et dicet ei:

Gardez-moi bien le paradis,
Que mais n'i entre icist faudis;
Qu'il n'ait mais poeir ne baillie,
Ne de tocher li fruit de vie;
O cele spée qui flambloie,
Si li defendez trés-bien la voie.

На землѣ вы должны будете строить себѣ домъ,
А въ раю этого было вамъ не нужно,
Вамъ возразить нечего,
А потому вы и выйдете отсюда безвозвратно;
Здѣсь ничто вамъ не принадлежитъ по праву:
Такъ ищите же себѣ другихъ владѣній.
И такъ выходите же по доброй волѣ;
У васъ не будетъ недостатка ни въ голодѣ, ни въ трудѣ,
Ни въ тягостяхъ, ни въ печали,
Во всѣ дни недѣли.
На землѣ будетъ вамъ плохое житье,
И вы, подъ конецъ, должны будете умереть;
А когда вкусите смерти,
То немедленно отправитесь въ адъ.
Тутъ ваши тѣла будутъ въ изгнаніи,
А въ аду погибнутъ ваши души;
Тамъ будете вы находиться во власти сатаны.
Никто васъ не пожалѣетъ,
Никто вамъ не поможетъ,
Если я надъ вами не сжалюсь.

хоръ *поетъ*: «Въ потѣ лица своего» и т. д.

Между тѣмъ приходитъ ангелъ одѣтый въ бѣлое, съ сіяющимъ мечемъ въ рукахъ; и Figura, поставивъ его у дверей рая, говоритъ ему:

Хорошенько стереги мнѣ рай,
Чтобы не входилъ сюда никто [1]);
Чтобы никто не могъ
Даже и прикасаться къ плоду жизни;

---

[1]) faudis собственно значитъ сволочь.

Cum fuerint extra paradisum, quasi tristes et confusi, incurvati erunt solo tenus super talos suos, et Figura manu eos demonstrans, versa facie contra paradisem; et chorus incipiet: *Ecce Adam quasi unus...* Quo finito, et Figura regredietur ad ecclesiam.

Tunc Adam fossonum et Eva rostrum, et incipient colere terram, et seminabunt in ea triticum. Postquam seminaverint, ibunt sessum in loco aliquantulum, tanquam fatigati labore, et flebiliter respicient sepius paradisum, percucientes pectora sua. Interim veniet Diabolus, et plantabit in cultura eorum spinas et tribulos, et abscedet. Cum venient Adam et Eva ad culturam suam, et viderint ortas spinas et tribulos, vehementi dolore percussi, prosternent se in terra, et residentes percucient pectora sua et femora sua,dolorem gestum facientes; et incipiet lamentacionem suam [1]).

Deinde veniet Chaym, Abel. Chaym sit indutus rubeis vestibus, Abel vero albis, et colent terram preparatam; et, cum aliquantulum a labore requieverit, alloquatur Abel Chaym fratrem suum blande et amicabiliter, dicens ei:

ABEL.

Frere Chaym, nus sumes dous germain,
E sumes filz del home premerain:

---

[1]) За этимъ слѣдуютъ сокрушенія Адама, совершенно подобныя всѣмъ средневѣковымъ «*Плачамъ Адамовымъ*». Ева отвѣчаетъ ему такими же сокрушеніями. Затѣмъ приходитъ дьяволъ съ другими бѣсами и наложивъ на прародителей оковы, увлекаютъ ихъ въ адъ. Всѣ бѣсы выходятъ изъ ада, пляшутъ и радуются тому, что восторжествовали надъ людскою слабостью.

И этимъ пламеннымъ мечемъ,
Защищай хорошенько входъ сюда.

Когда они выйдутъ изъ рая, какъ бы печальные и смущенные, то (пойдутъ) наклонившись къ землѣ и Figura, отворотившись въ сторону рая, укажетъ на нихъ рукою, а хоръ запоетъ: «Вотъ Адамъ, какъ бы и т. д.» *По окончаніи этого пѣнія, Figura возвращается въ церковь.*

Послѣ того Адамъ возьметъ заступъ, а Ева кирку, и начнутъ воздѣлывать землю и высѣютъ въ нее пшеницу. Посѣявъ, пойдутъ они и сядутъ въ сторонѣ, какъ бы утомленные работою, и часто будутъ умоляющіе взоры обращать въ сторону рая, ударяя себя въ грудь. Между тѣмъ прійдетъ дьяволъ, и посѣетъ въ ихъ пашню терновникъ и сорныя травы, и уйдетъ. Когда прійдутъ Адамъ и Ева на свою пашню и увидятъ, что у нихъ взошли (на пашнѣ терновникъ и сорныя травы, то пораженные глубокою печалью, бросятся на землю и станутъ ударять себя въ грудь и по ляшкамъ, выказывая этимъ тѣлодвиженіемъ печаль; и начнетъ (Адамъ) свои жалобы.

За тѣмъ прійдетъ Каинъ, Авель. Каинъ одѣтъ въ ярко-красныя одежды, а Авель — въ бѣлыя; и станутъ они воздѣлывать землю; и, не много отдохнувъ отъ работы, обратится Авель къ Каину, брату своему ласково и дружелюбно, и скажетъ:

АВЕЛЬ.

Братъ Каинъ, мы—двое братьевъ,
Мы—сыновья перваго человѣка;
То былъ Адамъ, а матери имя было Ева.
Будемъ служить Богу какъ можно лучше.
Постоянно будемъ повиноваться Творцу,

Ce fu Adam, la mere ot non Evain;
De Deu servir ne seom pas vilain.
Seum tot tens subject al Criator,
Ensi servum que conquerroms s'amor,
Que nos parenz perdirent par folor.
Entre nos si soit bien ferm amor,
Si servum Deu, que li vienge á plaisir;
Rendom ses droiz, n'en soit riens del tenir.
Se de bon cuer le voloms obéir,
N'averont nos almes pour de perir.
Donum sa disme e tute sa justise,
Primices, offrendes, dons, sacrifice;
Si de l'. tenir nos prent acoveitise,
Perdu sèrroms en emfer sen devise.
Entre nos deus ait grant dilection;
N'i soit envie, n'i soit detraction,
Por quei avra entre nus dous tençon:
Tote la terre nos est mis abandon.

Tunc respiciet Chaym fratrem suum Abel quasi subsans, et dicet ei:

CHAIM.

Beal frere Abel, bien savez sermoner,
Vostre raison asaer e mustrer;
Vostre doctrine qui est qui l'voille escoter,
En poi de jorz avra poi que doner.
Disme doner ne me vint onches á gré.
Del toen aver poez faire ta bonté,
E jo del mien frai ma volenté;
Par mon mesfait ne serras-tu dampné.
De nus amer nature nus enseigne,
Entre nus dous n'ait nul qui se feigne.
Qui entre nus comencera la guerre,
Très-bien l'achat, ke droiz est qui'il s'en pleingne.

Такъ будемъ служить ему, чтобъ заслужить его
любовь,
Которую наши родители утратели по своей винѣ.
Будемъ крѣпко любить другъ друга,
Такъ будемъ служить Богу, чтобы ему было это
пріятно.
Исполнимъ (въ отношенін) къ нему все, что слѣдуетъ,
И если добровольно ему будемъ повиноваться,
То наши души не погибнутъ.
Отдадимъ ему десятину и все, что слѣдуетъ:
Первенцевъ, дары, жертвы, приношенія.
Если мы не захотимъ всего этого исполнить,
То несомнѣнно погибнемъ въ аду.
Пусть между нами будетъ согласіе,
И не будетъ ни зависти, ни раздоровъ,
И къ чему намъ ссорится?
Развѣ не намъ принадлежитъ вся земля?

Послѣ того Каинъ посмотритъ на своего брата Авеля, какъ бы передразнивая, и скажетъ ему:

Любезный братъ Авель, ты славно умѣешь читать
наставленія,
Выказывать и выставлять на показъ свой разумъ;
Кто захочетъ послушаться твоихъ наставленій,
Тому меньше чѣмъ черезъ день нечего будетъ и дать.
Десятины давать я не намѣренъ.
Ты можешь какъ хочешь расточать твое добро,
А я своимъ хочу самъ распоряжаться;
Изъ за моей вины ты не погибнешь.
Взаимной любви научаетъ насъ сама природа,
Ни одинъ изъ насъ другаго не обманетъ.
Кто изъ насъ первый начнетъ раздоръ,
Тотъ очень хорошо знаетъ, что ему прійдется раскаяться.

Затѣмъ остальное дѣйствіе продолжается точно также, какъ расказывается въ Библіи, но парафразъ библейскаго текста вездѣ чрезвычайно замѣчателенъ, потому здравому и чисто народному характеру, которымъ отзывается каждое слово всей драмы. Такъ напримѣръ, на вопросъ Figurae:

Chaim, ù est ton frere Abel?

Каинъ отвѣчаетъ:

Que sai–jo, sire, oú est alez,
S'est à maison ou à ses blez.
Jo porquoi le dei trover?
Jà ne l'devoie jo pas garder.

Figura проклинаетъ Каина, и осуждаетъ его на горькое существованье. Послѣ этого бѣсы и Каина, и Авеля уводятъ въ адъ, и Авеля ведутъ потихоньку (micius), а Каина провожаютъ на всемъ пути толчками (sepius pulsantes).

По окончаніи этого дѣйствія, несообразно краткаго по подробности и обработкѣ сюжета, на сцену, какъ и въ другой французской мистеріи (Дѣвахъ мудрыхъ и неразумныхъ) выводятся одинъ за другимъ пророки, въ числѣ которыхъ является и Навуходоносоръ, и каждый изъ нихъ предсказываетъ близкое пришествіе Спасителя.

А. Эбертъ, въ своемъ превосходномъ разборѣ [1]) этого въ высшей степени замѣчательнаго памятника, совершенно справедливо предполагаетъ, что издатель ошибочно озаглавилъ изданную имъ драму «Adam», и что не около Адама, не около Адамовыхъ дѣтей вращается главное со-

---

[1]) Göttinger Gelehrte Anzeige. 1856, № 24.

держаніе ея. Ordo representacionis Adae представляетъ, по его мнѣнію, только древнѣйшій образецъ тѣхъ громадныхъ сводныхъ мистерій, которыя начинались съ появленія на землѣ первыхъ людей, съ грѣхопаденія, и—послѣ того какъ на сцену были выведены важнѣйшія событія Ветхаго Завѣта—заканчивались представленіемъ Рождества Спасителя, который является на землѣ искупить грѣхъ Адамовъ. Это предположеніе Эберта совершенно оправдывается послѣдующимъ періодомъ существованія средневѣковой драмы, въ которомъ подобныя сводныя мистеріи Рождественскаго круга составляетъ очень обыкновенное явленіе [1]).

Окончивъ обзоръ тѣхъ произведеній, которыя достовѣрно могутъ быть отнесены къ XII вѣку [2]), мы можемъ обратиться къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ вопросовъ, которыя сами собою истекаютъ изъ сравненія вышеприведенныхъ памятниковъ XII и XIII в. в.

Что способствовало отрѣшенію мистеріи отъ ея первоначальной, обрядовой формы и послѣдующему постепенному переходу ея въ чисто-драматическое представленіе?—Что было причиною быстраго развитія внѣшней сценической обстановки церковныхъ представленій? — Кто были первые сочинители мистерій и актеры, принимавшіе на себя исполненіе ролей въ этихъ представленіяхъ?

На всѣ эти вопросы постараемся дать возможно поло-

---

[1]) См. напримѣръ «Mystère de la Nativité du Christ» въ книгѣ А Жюбиналя «Mystères inédits du XV siècle. Paris, 1833.» II, стр. 1 и слѣд.

[2]) Мы говоримъ *достовѣрно*, потому что въ особомъ приложеніи собираемся поговорить о тѣхъ драматическихъ произведеніяхъ, которыя хотя и относимы были досихъ поръ къ XII в., но, по нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не могутъ принадлежать этому раннему періоду.

жительный и точный отвѣтъ, но лишь на столько, на сколько подобный отвѣтъ возможенъ на основаніи знакомства со всѣмъ кругомъ драматическихъ образцовъ XI и XII вѣка. Въ послѣдующемъ періодѣ исторіи средневѣковой драмы мы не будемъ—по примѣру другихъ изслѣдователей — искать объясненія тому, что въ начальномъ періодѣ существованія средневѣковой драмы можетъ показаться темнымъ и непонятнымъ, потому что такой ученый пріемъ считаемъ не вполнѣ законнымъ, хоть и значительно облегчающимъ дѣло изслѣдованья. [1])

Не всѣ извѣстные намъ роды средневѣковой драмы, почти одновременно зародившіеся на христіанской почвѣ Запада, въ своемъ первоначальномъ видѣ были одинаково способны къ развитію въ будущемъ. Уже и съ перваго взгляда становится ясно, что мистеріямъ Пасхальнаго и Рождественскаго круга было гораздо труднѣе перейти отъ ихъ первоначально-обрядовой формы къ позднѣйшей формѣ чисто-драматическаго представленія, чѣмъ чудесамъ (miraculum), уже потому, что послѣдніе не были тѣсно связаны ни съ какимъ торжественно-символическимъ обрядомъ. Кромѣ того, главными дѣйствующими лицами являлись въ нихъ святые, а не самъ Спаситель, а это уже значительно сближало чудеса съ обстановкой обыденной жизни. Но сильнѣе всего должно было способствовать развитію чудесъ въ драматическомъ отношеніи именно то, что въ основу ихъ содержанія не полагалось никакого опредѣленнаго текста, между тѣмъ какъ весь кругъ Рожде-

---

[1]) Этотъ пріемъ особенно любитъ употреблять въ дѣло Хазе (Hase. D. geistliche Schauspiel) и Он. Леруа (Etudes sur les mistères), и благодаря пристрастію къ нему, значительно запутываютъ дѣло, перемѣшивая факты различныхъ эпохъ.

ственскихъ и пасхальныхъ мистерій постоянно основывался на текстѣ Священнаго Писанія, отъ котораго долго (почти до конца XIII в.) не рѣшались отступать авторы мистерій; и этотъ постоянно-избираемый, постоянно одинаково-излагаемый матерьялъ, очевидно сковывалъ фантазію скромныхъ авторовъ и заключалъ ее въ тѣсную и однообразную рамку обычности. Авторамъ чудесъ, напротивъ того, представлялось обширное поле дѣйствій и фантазіи ихъ— полный просторъ. Чѣмъ шире авторъ чуда понималъ свою задачу, чѣмъ болѣе пополнялъ свою пьесу новыми образами, почерпнутыми нерѣдко изъ устныхъ преданій, чѣмъ болѣе онъ усложнялъ чудеса, совершаемыя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, тѣмъ болѣе должно было произведеніе его нравиться толпѣ, горячо преданной мѣстнымъ культамъ святыхъ, и всегда готовой поставить между ними своего патрона выше всѣхъ остальныхъ. Авторы чудесъ могли произвольно выбирать мѣсто дѣйствія для своихъ произведеній, между тѣмъ какъ авторы Пасхальныхъ и Рождественскихъ мистерій должны были всегда ограничиваться извѣстною мѣстностью. Кромѣ того, и самый персоналъ этихъ мистерій былъ ограниченъ извѣстнымъ, весьма тѣснымъ кругомъ лицъ, между тѣмъ какъ авторы чудесъ могли окружить главное дѣйствующее лице второстепенными ролями, руководясь вкусомъ публики, сообразуясь съ мѣстными условіями, а нерѣдко и съ личными видами духовенства. Произвольно выбирая и мѣсто, и обстановку дѣйствія, авторы чудесъ ранѣе другихъ должны были прійти къ тому убѣжденію, что только внѣшнею стороною дѣйствія и можно было подѣйствовать на толпу, которая постоянно оставалась равнодушной къ внутреннему значенію всего, что говорилось на чуждомъ ей церковномъ языкѣ. Но музыка, пѣніе, костюмы лицъ, жесты,

которыми дѣйствующія лица сопровождали свою игру— вотъ что занимало и привлекало толпу, которая. наблюдае только внѣшнею сторону дѣйствія, часто должна была все жя истолковывать его значеніе совершенно превратно, что впрочемъ не мѣшало ей находить большое удовольствіе въ этихъ представленіяхъ. Эту внѣшнюю сторону дѣйствія— сценическую обстановку средневѣковой драмы—находимъ мы въ XII вѣкѣ уже значительно развитою. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ тѣ приписки къ рукописямъ мистерій XI и XII вѣка, въ которыхъ заключаются наставленія актерамъ и указанія, знакомящія насъ съ устройствомъ сцены и общимъ ходомъ дѣйствія. Изъ этихъ приписокъ узнаемъ мы, что вся внутренность церкви, отъ хора и паперти до алтаря, служила мѣстомъ дѣйствія для мистеріи, которая не имѣла еще никакой особой сцены, и происходила слѣдовательно не передъ народомъ, а среди народа. Небольшое пространство часто должно было представлять зрителямъ два и три города, иногда даже два государства, [1]) обозначавшіеся впрочемъ только двумя возвышенными сѣдалищами, на которыхъ помѣщались цари этихъ государствъ или первосвященники и управители этихъ городовъ (Herodes, Pilatus, pontifex urbis Damasce, rex Marmorinus и т. д.). Тоже самое пространство должно было въ другое время представлять и залу Валтасарова пиршества, и Даніиловъ, ровъ львиный [2]). Но такая простота и несложность расположенія сцены не исключали однакоже стремленія къ лучшей по-

---

[1]) См. «1-ое чудо Св. Николая» въ книгѣ Куссмакера, стр. 123 «Обращеніе Савла», стр. 210 (тамъ же).

[2]) «Даніилъ тамъ же стр. 49.

становкѣ пьесъ и даже къ нѣкоторой эффектности. Ангелы сходили сверху внизъ, и являясь для возвѣщенія воли Божьей говорили, стоя гдѣ нибудь наверху церкви [1]). Представляя явленіе Спасителя ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ, для того, чтобы изобразить Вознесеніе его на небо, возводили актера, исполнявшаго роль Спасителя, на хоры, и оттуда показывали его народу (discipul accedentes ducant eum super chorum ut videatur ab omni populo) [2]). Савлъ, спасаясь изъ Дамаска [3]), спускается ab aliquo alto loco, quasi a muro, дабы этимъ изобразить бѣгство его изъ города, въ которомъ ворота заперты и всѣ выходы заняты стражей; звѣзда идетъ передъ Волхвами, когда они отправляются на поклоненіе родившемуся Спасителю; [4]) на Валтасаровомъ пирѣ является громадная рука и чертитъ таинственныя слова на стѣнѣ; ангелъ мечетъ молній на воиновъ [5]). Изъ нѣкоторыхъ указаній можно даже заключить, что дѣйствію становится неловко и тѣсно въ церкви, гдѣ слишкомъ многое приходилось предпологать и только quasi исполнять [6]); вотъ почему дѣйствіе мистерій начинаетъ также исподволь выдѣлятся изъ тѣснаго помѣщенія внутри храма, какъ исподволь освобождалась она отъ тѣсной связи съ узкой формой религіознаго обряда. Въ одной изъ мистерій XII

---

[1]) Напр. «Angelus de supernia dicat...» См. «Избіен. нев. младенцевъ». Тамъ же; стр. 177. Vox ex alto dicat... См. «Обращеніе Савла». Тамъ же, стр. 211.

[2]) Тамъ же, 203.

[3]) См. «Обращеніе Савла», тамъ же, стр. 215.

[4]) Тамъ же, стр. 152.

[5]) Тамъ же, стр. 22.

[6]) Напр. См. тамъ же «Явленіе въ Еммаусѣ», стр. 198....» ipse (Dominus) latenter discedat, quasi illis (discipulis) nescientibus.

вѣка (въ Поклоненіи Волхвовъ), сказано между прочимъ, что «(pastores procedant usque ad présepe, quod od januas monasterii — слѣдовательно уже внѣ церкви — paratum erit», [1]) изъ чего можно заключить, что дѣйствіе этой мистеріи происходило и внутри, и внѣ церкви. Вообще былъ вѣроятно такой переходный періодъ въ исторіи средневѣковой драмы, въ продолженіе котораго драмѣ, вслѣдствіе быстраго развитія обстановки, уже становилось тѣсно въ церкви, но ее все еще не рѣшались окончательно вынести изъ стѣнъ ея и потому она происходила, подобно вышепомянутой мистеріи, внутри и внѣ церкви. Весьма любопытнымъ доказательствомъ того, что такой переходный періодъ дѣйствительно существовалъ, служатъ драгоцѣнныя указанія, которыми снабженъ въ Турской ркп. XII в. отрывокъ Рождественской мистеріи, извѣстной подъ названіемъ Ordo representacionis Adae. Тамъ подробно описано въ началѣ расположеніе сцены [2]), устроенной отчасти на паперти церкви, отчасти въ церковной оградѣ; и не смотря на очень сложное и роскошное устройство этой сцены внѣ церкви, дѣйствіе все же остается до нѣкоторой степени связаннымъ съ внутренностью храма, потому что актеръ, играющій роль Бога (Figura), удаляется со сцены въ церковь и выходитъ на сцену изъ ея дверей, между тѣмъ, какъ остальные актеры постоянно остаются на сценѣ и сходя съ нея удаляются въ небольшое, тщательно скрытое отъ зрителей отдѣленіе (in loco secreto singuli) [3]).

Впрочемъ такое удаленіе актеровъ со сцены не было

---

[1]) Тамъ же, стр. 144.
[2]) См. выше стр. 129 и слѣд.
[3]) Adam, drame auglo-normand etc. p. 36.

постояннымъ обычаемъ; но сколько можно судить по большей части рукописей мистерій и чудесъ, актеры выходили на сцену всѣ вмѣстѣ, иногда даже процессіей [1]), и каждый оставался на предназначенномъ ему мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не приходила его очередь принять участіе въ дѣйствіи, послѣ чего онъ опять возвращался на свое мѣсто [2]). Такой обычай былъ тѣсно связанъ съ вышепомянутымъ распредѣленіемъ сцены на отдѣльныя мѣстности. Временно являлись на сцену (не пребывая на ней постоянно) только тѣ, которымъ слѣдовало явиться внезапно, что всегда очень ясно обозначается въ примѣчаніяхъ къ ролямъ [3]). О самой игрѣ актеровъ примѣчанія къ ихъ ролямъ сообщаютъ очень много любопытнаго и важнаго для исторіи сценическаго искусства въ этомъ періодѣ. Не говоря уже о томъ, что они умѣли выражать оттѣнки чувства и служить потребностямъ своей роли измѣняя голосъ [4]) речитатива (въ пѣніи это было заботою того, кто слагалъ для мистеріи музыку), нетолько они постоянно сопровождали игру свою жестами [5]), но понимали даже значеніе нѣмой игры, одновременной и

[1]) См. напр. Пасхальную мистерію (Christi Leiden) у Гофмана (Fundgr II, 245); въ сборникѣ Дюмериля стр. 162.

[2]) Magi prodeuntes, quisque de angulo suo, quasi de regione sua... (См. у Кусмакера, стр. 145).

[3]) Напр. «Dominica persona subito apparens... (Дю-Мериль, Origines etc., стр. 104)... «subito stet inter illas...» (ibid 118)... subito veniat (Coussmaker, стр. 191) и т. д.

[4]) Приписки въ родѣ напр. alta voce, altissima voce, gravi voce, moderata et admodum gravi voce и т. д., до того часты и обыкновенны, что мы даже не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать.

[5]) Нѣкоторые жесты вѣроятно были условно принятыми для выраженія извѣстныхъ положеній; напр. Tunc ambo (Адамъ и Ева) surgent stantes contra figuram, non tamen omnino erecti, sed ob verecondiam sui peccati aliquantulum curvati и т. д. (Adam, стр. 32).

совмѣстной для двухъ или нѣсколькихъ лицъ. Такъ напр. въ то время, когда Волхвы отправляются, послѣ свиданія съ Иродомъ, на поклоненіе новорожденному Спасителю, и Иродъ видитъ, что имъ предшествуетъ звѣзда, то и онъ, и сынъ его угрожаютъ во слѣдъ Волхвамъ мечами (minentur gladiis) [1]); въ то время, какъ св. семейство удаляется съ одной стороны сцены въ Эгипетъ, съ другой стороны происходитъ избіеніе младенцовъ, ангелъ издали поетъ (e longinquo cantet) [2]). Особенно богатъ нѣмою игрою много разъ упомянутый нами Турскій отрывокъ рождественской мистеріи (Ordo representacionis Adae). Тамъ цѣлыя сцены играются безъ рѣчей; между тѣмъ какъ хоръ поетъ или чтецъ читаетъ отрывокъ изъ св. писанія, актеры на сценѣ,. не говоря ни слова, продолжаютъ вести дѣйствіе впередъ при помощи однихъ жестовъ и нѣмой игры. Стоитъ напр. припомнить то мѣсто, которое слѣдуетъ въ ркп. послѣ того, какъ Figura изгоняетъ Адама и Еву изъ рая и ставитъ ангела съ мечемъ у входа въ него [3]). Точно также происходитъ и жертвоприношеніе Авеля и Каина [4]); такою нѣмою игрою почти непрерывно сопровождается и все дѣйствіе «Адама» со стороны бѣсовъ, которые на пространствѣ всей пьесы не говорятъ ни слова, хотя и многое выражаютъ своими движеніями, плясками и мимикой; между бѣсами и дьяволомъ происходятъ часто даже цѣлые разговоры безъ словъ, при помощи однихъ жестовъ: «tunc trsitis et vultu demisso», говорится въ ркп., «recedat ab Adam et ibit usque ad portas inferni,

---

[1]) Coussmaker, стр. 152.
[2]) Duméril, Origines стр. 176.
[3]) См. выше стр. 134.
[4]) См. Adam, стр. 49.

et colloquia habebit cum aliis demoniis. Postea vero discursum faciet per populum; dehinc ex parte Eva accedat ad paradisum, et Evam, letu vultu blandiens, sic alloquitur» и т. д. Великолѣпію и разнообразію представленій много способствовало богатство и красота костюмовъ, которыя въ XII в. носили уже на себѣ довольно опредѣленный характеръ, особенно въ отношеніи къ нѣкоторымъ ролямъ; такъ напр. ангелы, въ большей части мистерій, являются одѣтыми въ бѣлое длинное платье съ золотыми украшеніями; въ рукахъ держатъ они иногда кадила, иногда многосвѣчные подсвѣчники, иногда пальмовыя вѣтви [1]); такъ и для исполненія женскихъ ролей клерики постоянно накидываютъ каппы сверхъ своего обычнаго платья. Яркія цвѣта преобладали въ костюмахъ мужскихъ; бѣлый и вообще блѣдные цвѣта въ костюмахъ святыхъ и женщинъ. (Припомнимъ напр. различіе между костюмомъ Адама и Евы, Каина и Авеля). Старцы являлись въ широкихъ и длинныхъ одеждахъ, большею частью темнаго цвѣта [2]). У каждаго лица были неотъемлемо принадлежавшіе ему атрибуты; Валаамъ являлся на ослицѣ, Іеремія—со сверткомъ въ рукахъ, Исаия—съ большою книгою, Моисей—съ доскою въ одной рукѣ и съ тростью въ другой, Давидъ и Соломонъ являлись на сценѣ въ царской одеждѣ, съ діадемой на головѣ, но первый всегда преставлялся старше втораго [3]). Очень обыкновенны были переодѣванья одного и того же лица въ два-три различные костюма впродолженіе одного и того же представленія. Адамъ и Ева снимаютъ, послѣ вкушенія запретнаго плода, свои

---

[1]) См Coussemaker. стр. 180.
[2]) Adam, стр 56, 58
[3]) Ibid 57—63 стр.

прежнія платья (solempnes vestes), и надѣваютъ на себя «vestes pauperes, consutas foliis» [1]). Марія Магдалина, покаявшись, скидаетъ свое мірское платье и надѣваетъ другое черное. [2]) Dominica persona въ очень многихъ пасхальныхъ мистеріяхъ является сначала въ видѣ садовника (in similitudine Hortulani), а потомъ въ священнослужительской одеждѣ (indutus vestimentis sacerdotalibus) [3]); въ другихъ мистеріяхъ Dominus выходитъ сначала на сцену въ видѣ странника (peregrinus), а потомъ въ великолѣпной священнослужительской одеждѣ, съ золотымъ крестомъ въ правой рукѣ и съ воздухомъ или съ Евангеліемъ въ лѣвой [4]). Замѣтно, что умѣли соблюдать оттѣнки даже и между двумя одинаковыми костюмами; такъ «Явленіе І. Х. ученикамъ, шедшимъ въ Елимоусъ», начинается съ описанія костюма двухъ учениковъ—странниковъ; къ этому описанію прибавлено: accedat Quidam... ad modum peregrini bene paratus: слѣдовательно разница между одинаковыми костюмами первыхъ двухъ странниковъ и этого третьяго заключалась въ томъ, что онъ былъ bene paratus.

Итакъ, обстановка представленій, какъ видно изъ вышеприведенныхъ нами фактовъ, находилась уже на весьма значительной степени развитія; она часто и до того усложнялась, что вытѣсняла дѣйствіе изъ стѣнъ церкви на паперть ея и даже въ ограду.

Выше уже говорили мы (на стр. 143) о причинахъ, способствовавшихъ развитію и усложненію сценической обстановки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и успѣхамъ дра-

---

[1]) Ibid. стр. 28.
[2]) См. выше, стр. 65.
[3]) См. Coussmaker. стр. 35, 183, 186.
[4]) Ibid. 186 и 201 стр.

матическаго искусства; говорили мы и о томъ, почему масса должна была отдавать постоянное преимущество чудесамъ передъ прочими церковными представленіями. Успѣхъ чудесъ немогъ, конечно, остаться безъ всякаго вліянія на остальныя роды средневѣковой драмы и долженъ быть всего сильнѣе способствовать отдѣленію мистеріи отъ обряда. Стали мало по малу и въ пасхальныхъ мистеріяхъ усложнять ихъ незамысловатую обстановку, вносить въ дѣйствіе новые хоры, вводить новыя лица; но, не рѣшаясь еще измѣнять основнаго содержанія рождественскихъ и пасхальныхъ мистерій, къ нимъ стали мало по-малу присоединять отдѣльныя сцены, заимствованныя изъ Ветхаго Завѣта, и такимъ, чисто-внѣшнимъ образомъ расширяя кругъ дѣйствія, достигали цѣли:—вносили въ представленія сколько возможно болѣе разнообразія и наглядности. Весьма положительное доказательство того, что такія распространенія и усложненія дѣйствія и обстановки въ мистеріяхъ пасхальныхъ и рождественскихъ произошли подъ вліяніемъ чудесъ, видимъ мы въ томъ, что новыя лица, вводимыя въ мистерію, были гораздо ниже того круга дѣйствій, въ которомъ вообще вращалось дѣйствіе мистерій: эти лица брались изъ той ежедневной дѣйствительности,—весьма естественнаго поля дѣйствій для чудесъ—изъ которой, казалось бы, нельзя было заимствовать даже и второстепенныя роли для пьесъ, основанныхъ на строгомъ лаконическомъ и возвышенномъ текстѣ Св. Писанія.

Пока мистерія была только обрядомъ, составлявшимъ существенную часть той или другой праздничной службы, въ мистеріи, конечно, дѣйствующими лицами могло быть только духовенство и причетъ. Но когда въ послѣдствіи мистерія стала пріобрѣтать болѣе и болѣе драматическій характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя представленія стали

ребовать большаго количества актеровъ, то персоналъ мистеріи не могъ уже быть замѣщенъ только духовенствомъ и причтомъ, которыхъ уже было недостаточно для выполненія множества ролей. Тогда стали вербовать актеровъ изъ мірянъ и вѣроятно болѣе для второстепенныхъ, чѣмъ для главныхъ ролей. [1]) Мы увидимъ, что въ послѣдствіи, когда мистерія окончательно покинула стѣны церквей, мірянамъ предоставлено было исполненіе всѣхъ ролей. [2])

Вмѣстѣ съ появленіемъ мірянъ на церковной сценѣ долженъ былъ впервые явиться на ней и народный языкъ, и дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что въ мистеріяхъ XII в. на народномъ языкѣ написаны именно тѣ роли, которыхъ исполненіе, вѣроятно, прежде всего предоставлено было мірянамъ, не только непосвященнымъ въ искусство писать, но даже и говорить по латини.

Но далеко не вездѣ въ одно и тоже время, а тѣмъ болѣе неравномѣрно сталъ языкъ народный вводиться въ мистеріи. Должно предположить, что духовенство не скоро могло примириться съ этимъ нововведеніемъ, потому что языку народному пришлось очень долго бороться съ латинью, прежде чѣмъ онъ окончательно одержалъ надъ ней верхъ. Народный языкъ прокрадывался въ мистерію исподволь, почти незамѣтно (въ видѣ небольшихъ отдѣльныхъ вставокъ, можетъ быть, даже въ видѣ отдѣльныхъ фразъ) и большая или меньшая успѣшность борьбы языка народнаго съ церковнымъ зависѣла у разныхъ народовъ отъ

---

[1]) Есть даже нѣкоторое основаніе думать, что приглашали къ участію въ представленіяхъ и пѣвцовъ-скомороховъ, какъ людей по преимуществу умѣлыхъ (См. стр. 50 прим. 2).

[2]) См. далѣе стр. 159.

особыхъ историческихъ условій ихъ развитія. Такъ, напримѣръ, во Франціи, въ XIII вѣкѣ, являются пьесы чисто-народныя, написанныя сплошь на народномъ языкѣ, людьми, непосредственно принадлежащими къ народу; а между тѣмъ, въ Германіи, даже и въ XIV вѣкѣ, еще нельзя указать ни на одну пьесу, въ изложеніи которой народный языкъ не мѣшался бы съ языкомъ церковнымъ. Вообще борьба народнаго языка съ латинью въ изложеніи духовной драмы нигдѣ не была такъ упорна, какъ въ Германіи, гдѣ народный языкъ одержалъ верхъ надъ латинью только уже въ XV в. Англія и Испанія въ этомъ отношеніи занимаютъ середину между Франціей и Италіей съ одной стороны, и Германіей—съ другой: въ XIV вѣкѣ англійская и испанская драма уже носятъ на себѣ отпечатокъ народнаго характера.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

ДРАМА ВЪ XIII ВѢКѢ.

Знакомство съ драматическими образцами XI и XII вв. должно значительно облегчить читателю обзоръ всего круга подобныхъ же памятниковъ въ XIII вѣкѣ; оно даетъ намъ возможность лишь мимоходомъ упоминать обо всемъ болѣе или менѣе близко подходящемъ къ разряду уже извѣстнаго намъ, отмѣчая изъ него только то, что въ XIII вѣка успѣло болѣе выяснится и опредѣлится. Преимущественно же сосредоточимъ мы свое вниманіе на томъ, что въ исторіи средневѣковой драмы, составляетъ существенную принадлежность XIII вѣка - порожденіе его, если можно такъ выразиться. Образцы, достовѣрно принадлежащіе XIII вѣку, не превышаютъ, по числу, образцовъ XII вѣка, но за то по разнообразію въ выборѣ сюжетовъ, по качеству обработки ихъ, образцы XIII вѣка стоятъ несравенно выше и свидѣтельствуютъ о безостановочномъ движеніи драмы къ самому органическому развитію. Если однакоже отъ XIII вѣка не сохранилось намъ большаго количества образцовъ, затѣ сохранилось гораздо большее, чѣмъ отъ XII в., количество извѣ-

стій о драмѣ, весьма важныхъ для ея исторіи въ средніе вѣка.

Папа Иннокентій III, въ 1210 г., первый высказался противъ представленій въ церквахъ, которые уже до того успѣли отступить отъ своего первоначальнаго, обрядоваго типа, что стали обращать на себя вниманіе высшаго духовенства [1]); послѣ 1210 г. запрещеніе Иннокентія почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ повторялись на двухъ мѣстныхъ соборахъ — въ Трирѣ (1227 г.) и въ Утрехтѣ (1293 г.) На послѣднемъ соборѣ запрещаются представленія не только въ церквахъ, но и около церквей (in ecclesiis et cimeteriis), куда, какъ мы видѣли выше (стр. 148), драма церковная переселилась во многихъ мѣстахъ уже въ концѣ XII в. Несмотря однакоже на эти запрещенія духовная драма и въ Италіи, и во Франціи продолжала мѣстами происходить въ стѣнахъ церкви даже и въ то время, когда во многихъ другихъ мѣстахъ драма уже успѣла переселиться на площадь. Такъ, напр., отъ 1244 года дошло извѣстіе о томъ, что въ Падуѣ, на лугу, извѣстнымъ подъ названіемъ «Prà della valle», происходило въ Пасху представленіе (repraesentatio) страданій, смерти и воскресенія Христова [2]). Альфонсъ X, король кастильскій, около того же времени, очень подробно говоритъ о

---

[1]) Decretal. Gregorii, lib. III, tit. 1 De vita et honestate clericorum, c. 12.

Interdum ludi fiunt in ecclesiis theatrales, et non solum ad ludibriorum spectacula introducuntur in eis monstra larvarum, verum etiam in aliquibus festivitatibus diaconi, presbiteri ac subdiaconi insaniae suae ludibriae exercere praesumant: mandamus, quatenus, ne per hujusmodi turpitudinem ecclesiae inquinetur honestas, praelibatam ludibriorum consuetudinem, vel potius corruptelam, caretis a vestris ecclesiis exstirpare. (Böhmeri corpus juris canon. T. II, col. 418).

[2]) Ap. Muratori, Rer. italic. scriptores T VIII, p. 275.

церковныхъ представленіяхъ въ своихъ знаменитыхъ «Семи частяхъ (Sietas Partidas)», преимущественно обращая вниманіе на то, что можетъ годится для церковнаго обихода, и заботясь объ исключеніи всего, что, по его мнѣнію нарушаетъ благолѣпіе церковнаго богослуженія. Онъ старается напомнить, что «церковь божія предназначена только для молитвы (la eglesia de Sivs es fecha poro arar e no poro facer escornias en ella)», а потому духовные могутъ допускать въ ней только такія представленія, въ которыхъ «изображается Рождество Господа нашего Іисуса Христа и ангелъ приходитъ разсказать, какъ Господь родился. И другія (представленія), въ которыхъ три Волхва (los tres reyes magos) приходятъ ему поклониться. Можно представлять и его воскресеніе, показывая при этомъ, какъ онъ былъ распятъ и какъ воскресъ на третій день: и подобныя этимъ представленія, которыя побуждаютъ человѣка дѣлать добро и утверждаютъ его въ вѣрѣ (é á haber devacion en la fe), можно допускать (въ церквахъ)». Изъ этого любопытнаго свидѣтельства видно, что представленія духовныхъ драмъ въ Испаніи происходили въ церквахъ и притомъ были исключительною принадлежностью духовенства; по крайней мѣрѣ, судя по вышеприведенному отрывку изъ «Семи частей» никакъ нельзя предположить, чтобы въ это время и міряне уже принимали въ нихъ участіе. А между тѣмъ, нетолько во Франціи, но и въ Италіи, и даже въ Германіи [1]) духовная драма успѣла

---

[1]) Item quadam nocte Dominicae resurrectionis, cum in Monastirio ludus pachalis tam a clero quam a populo ageretur, quia eidem non potuit corporaliter interesse (virgo Wilburgis), coepit desiderare, ut ei Dominus aliquam specialis consolationis gratiam per ressurrectionis suae gaudia largiretur. (Pez. Script. rer. Austriac. T. II, col. 268).

отжить свой первый чисто-церковный періодъ и вступала уже въ другой, внѣ-церковный. Въ Италіи, духовная драма около половины XIII в. окончательно переходитъ въ руки мірянъ. Въ 1261 г. образуется въ Тревизо братство—«Compagnia de' Battuti» (Бичующихся),—которое поставляетъ себѣ между прочимъ въ обязанность представленіе мистерій [1]). Въ 1264 году такое же точно братство «Compagnia del Gonfalone» (знамени) [2]) образовалось въ Римѣ и обязалось давать каждогодно «представленія страстей господнихъ», т. е. посвятило себя исключительно пасхальнымъ мистеріямъ, и избрало мѣстомъ своихъ представленій Колизей. Къ сожалѣнію, никакихъ дальнѣйшихъ и болѣе подробныхъ свѣдѣній по исторіи итальянской мистеріи въ XIII вѣкѣ мы не имѣемъ, и можемъ только предполагать, что она развивалась въ Италіи быстрѣе, чѣмъ въ Испаніи, Германіи и даже въ Англіи, потому что уже въ концѣ XIII вѣка встрѣчаетъ въ Италіи тѣ сводныя мистеріи, которыя являются въ Англіи и Германіи не ранѣе половины XIV вѣка [3]).

Но Франція положительно опередила всю остальную Европу тѣмъ быстрымъ развитіемъ драмы, которая такъ прекрасно разцвѣла въ XIII вѣкѣ, что если-бы даже всѣ позднѣйшіе образцы ея пропали безслѣдно, то по однимъ

---

[1]) Такія корпораціи обыкновенно группировались около какой нибудь церкви. Любопытно то, что въ статутахъ этого братства упоминается объ условіи, заключенномъ корпораціею съ ея церковью, по которому церковь должна была каждый годъ давать братству, при представленіи мистерій двухъ, хорошо поющихъ клериковъ для исполненія роли дѣвы Маріи и ангела.

[2]) Такъ называлось это братство отъ знамени, на которомъ изображена была Матерь Божья; самое братство состояло также изъ бичующихся (См. статью Эберта. Die ältesten italienisch. Mysterien. Въ Jahrb. f. engl. u. rom. Litter. V, I; 53, въ примѣчаніи).

[3]) Ap. Muratori, Rer. italic. scriptores, T. XXIV, col. 1205 и 1209.

образцамъ XIII вѣка можно было бы уже многаго ожидать отъ французской драмы въ послѣдующіе вѣка. Это быстрое развитіе французской драмы несомнѣнно стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ значеніемъ, которое Франція пріобрѣла въ Европѣ XIII вѣка. Съ другой стороны развитіе драмы во французской литературѣ было вовсе не одинокимъ явленіемъ: оно являлось только отголоскомъ того сильнаго литературнаго движенія, какое съ конца XII вѣка началось на сѣверѣ Франціи и шло рука объ руку съ развитіемъ сѣверно-французскаго нарѣчія, которому предстояла завидная доля въ далекомъ будущемъ, а въ близкомъ настоящемъ—первое мѣсто между всѣми романскими нарѣчіями. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ южно-французское (провансальское) нарѣчіе окончательно отживало свой короткій и славный вѣкъ, способное болѣе къ выраженію внушеній поэтическаго творчества, чѣмъ къ удовлетворенію всѣхъ потребностей народной жизни, сѣверно-французское болѣе и болѣе развивалось, расширяло свой кругъ дѣйствій, стремилось выйти изъ той узкой рамки, которая обыкновенно ограничиваетъ всякій нелитературный языкъ. Задатки будущей силы и жизненнаго начала ясно выражались уже въ той легкости, съ какою сѣверно французское нарѣчіе поддавалось всевозможнымъ литературнымъ формамъ и прозаическимъ, и стихотворнымъ, а также и переводамъ съ древнихъ языковъ. Несмотря на то, что страсть къ стихотворству овладѣла на нѣкоторое время сѣверными и трувэрами, что оно вошло въ большую моду и даже способствовало появленію весьма значительнаго количества произведеній, (Fabliaux), иногда даже очень пространныхъ (Roman de la Rose); однакоже сѣверное нарѣчіе уже очень рано стала гораздо болѣе выказывать наклонности къ прозаическо-

му изложенію, чѣмъ къ поэтической обработкѣ. И вотъ въ началѣ XIII вѣка сѣверно-французское нарѣчіе начинаетъ уже преобладать надъ латинью и въ наукѣ, и въ въ жизни [1]). Не только въ самой Франціи такіе талантливые писатели, какъ Виллегардуинъ и Жуенвилль рѣшались уже не писать своихъ хроникъ по латини, а выпускали ихъ въ свѣтъ на народномъ языкѣ, но, вслѣдствіе особенно счастливыхъ обстоятельствъ, нарѣчіе сѣверно-французское сдѣлалось въ XIII вѣкѣ моднымъ разговорнымъ и литературнымъ языкомъ во всей западной и южной Европѣ, отъ Англіи до Италіи и Византіи. Въ Италіи, такіе серьезные дѣятели, какъ Брунетто-Латини и Мартино-да-Канале, предпочитали французскій языкъ своему родному языку и излагали имъ свои сочиненія, открыто утверждая, что «lengue françoise cort parmi le monde et est la plus delitable à lire et à oïr que nulle autre [2]);» самъ Дантъ восхвалялъ благозвучіе и другія прекрасныя свойства новаго языка, который французы уже начинали считать общечеловѣческимъ [3]). При такомъ быстромъ и громадномъ распространеніи сѣверно-французскаго языка въ южной и западной Европѣ, при томъ сильномъ литературномъ движеніи, какое мы наблюдаемъ въ

---

[1]) Уже въ 1189 г. король англійскій Генрихъ II пишетъ завѣщаніе свое на народномъ языкѣ; съ 1215 Іоаннъ Безземельный также выдаетъ свои указы на томъ же народномъ французскомъ языкѣ; въ 1215 мирный договоръ Луд. IX и Генриха III, а равно и многія хартіи послѣдняго, также являются на народномъ сѣверно-французскомъ нарѣчіи. Наконецъ, съ царствованія Филиппа Смѣлаго народный языкъ окончательно вытѣсняетъ во Франціи языкъ латинскій изо всѣхъ юридическихъ и дипломатическихъ актовъ.

[2]) См. Hist. litt. de la France, T. XVI, въ отдѣлѣ «langue romanes»

[3]) См. тамъ же, далѣе, легенду о нѣмомъ чужеземцѣ, внезапно заговорившемъ по французски.

XIII в. во Франціи, а главное—при томъ сильнѣйшемъ упадкѣ знанія и охоты къ изученію латинскаго языка [1]), какое мы замѣчаемъ около этого же времени во Франціи—нельзя ни въ какомъ случаѣ удивляться тому, что духовныя драмы болѣе и болѣе начинаютъ писаться по французски; что и латинскія мистеріи болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, потому что уже не привлекаютъ вниманія толпы. Это всего легче доказывается тѣмъ, что латинская мистерія во Франціи въ концѣ XIII и началѣ XIV вв. уже не развивается больше, остается на той же степени развитія, какой достигла она въ XII вѣкѣ, и между тѣмъ какъ мистерія, написанная на народномъ языкѣ, представляемая на площади, пользуется громаднымъ успѣхомъ въ народѣ, мистерія латинская удерживается только въ стѣнахъ монастырей [2]). Въ Германіи драма не такъ быстро идетъ впередъ: образцы, сплошь написанные на народномъ языкѣ (съ немногими латинскими вставками), являются тамъ не ранѣе XIV в.; рядомъ съ нею однакоже, до конца XIV в.; продол-

[1]) Въ 1234 г. на мѣстномъ соборѣ въ Безьерѣ, приказано заниматься въ монастыряхъ латинью болѣе, чѣмъ прежде; въ 1236, въ Маконѣ, запрещается пріорамъ и аббатамъ выпускать монаховъ изъ монастырей; изъ числа ихъ дозволяется исключать только тѣхъ, которымъ нужно, внѣ монастырей, брать уроки грамматики (т. е. латини). Въ Тулузѣ папскій легатъ и графъ Раймундъ требуютъ, чтобы въ каждомъ монастырѣ былъ свой учитель латини, «quia coecitas ignorantiae in partibus stis nimium praevaluit». Въ Руанѣ, архіепископъ Маврикій приказываетъ истолковывать священникамъ свои «lettres d'interdit» на французскомъ языкѣ до 2-хъ и 3-хъ разъ, для того, чтобы они были имъ понятны. Матвѣй Парижскій, подъ 1250 г., разсказываетъ, что всѣ покидаютъ грамматическія школы и переходятъ въ школы юридическія толпами, такъ что и самая профессія преподавателей грамматики становится уже невыносимою.

[2]) Всѣ рукописи латинскихъ мистерій XIII и XIV вѣковъ, отыскиваемыя во Франціи, принадлежатъ монастырямъ и преимущественно женскимъ.

жаетъ существовать и мистерія сплошь написанная по латини; но замѣтно, что и латинская мистерія еще пользуется значительнымъ успѣхомъ въ обществѣ, потому что она и въ XIII, и въ XIV в., продолжаетъ еще развиваться, что особенно замѣтно при сравненіи такихъ образцовъ, какъ Рождественская мистерія XIII в., напечатанная Шмеллеромъ (Carmina Burana, p. 80), съ мистеріями предъидущаго періода (напр. съ тою, которую мы перепечатали на стр. 61 и слѣд.).

Всѣхъ образцовъ отъ XIII вѣка сохранилось намъ 12. Три латинскія мистеріи (двѣ рождественскихъ и одна пасхальная) находятся въ ркп. XIII в., № 904, принадлежащей въ настоящее время императорской парижской библіотекѣ; [1]) четвертая латинская мистерія (также пасхальная), заключается въ ркп. конца XIII и начала XIV вв., хранящейся въ настоящее время, подъ № 75 въ городской библіотекѣ Сенъ-Кантена, а прежде принадлежавшей подгородному женскому монастырю Ориньи-Сентъ-Бенуатъ (Origny-St.-Benoîte); [2]) латинскій текстъ этой мистеріи перерывается довольно часто французскими вставками, и, кромѣ того, всѣ указанія сценическія, противъ обыкновенія, написаны по французски, а не по латини, какъ во

---

[1]) См. Coussmaker. Drames lithurgiques, стр. 235—253, гдѣ эти мистеріи напечатаны съ рукописи (текстъ и ноты). До этого были онѣ уже разъ напечатаны Дю-Мерилемъ, въ его Origines etc. стр. 94, 96 и 153, но не съ ркп. XIII в., а съ печатнаго извода XVII в., изд. въ Руанѣ.

[2]) Напечатанъ только одинъ разъ въ книгѣ Куссмакера, Drames lithurgiques etc, стр. 256—70. Ученый издатель не удовольствовался тѣмъ, что перепечаталъ текстъ и ноты, онъ сообщилъ и всѣ тѣ сценическія указанія, которыя служатъ драгоцѣннѣйшимъ источникомъ исторіи драматической постановки въ этомъ періодѣ.

всѣхъ остальныхъ рукописяхъ. Пятая, также латинская мистерія (рождественская) находится въ ркп. XIII в. въ мюнхенской библіотекѣ [1]); наконецъ небольшой латинскій отрывокъ довольно любопытной пасхальной мистеріи, заключается въ ркп. безъ № въ Лихтенталѣ. [2]) Затѣмъ слѣдуютъ пьесы, писанныя во Франціи на народномъ языкѣ и принадлежащія также XIII вѣку. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отрывокъ пасхальной мистеріи (La Résurrection du Sauveur), находящійся въ парижской императорской библіотеки, подъ № 7268. [3]) Тамъ же находятся и ркп. двухъ чудесъ написанныхъ на народномъ языкѣ (№ 7218. Li Miracle de Theophile и № 81 Li jus de St. Nicholai). [4]) Въ той же библіотекѣ, подъ № 7218 и 7604 находятся двѣ драмы знаменитаго поэта XIII в. Адама-де-ла-Халль (Li jus Adam; li gieux de Robin et de Marion) [5]), которыя намъ однакоже не прійдется разбирать въ настоящемъ трудѣ нашемъ, потому что ихъ чисто свѣтское содержаніе, обработка котораго притомъ относится къ послѣднимъ годамъ XIII столѣтія, гораздо болѣе сближаетъ ихъ съ драматическими образцами XIV вѣка, средя которыхъ прекрасныя пьесы Адама-де-ла-Халль уже не являются болѣе такими одинокими, какъ среди произведеній XIII в.

---

[1]) Была напечатана дважды: Шмеллеромъ въ «Carmina Burana,» стр, 80; и Дю-Мерилемъ въ его «Origines latines» перепечатана съ добавленіями съ того же Шмеллерова текста. Стр. 187—213.

[2]) Только разъ была напечатана, См. въ книгѣ Mone, Schauspiele des Mittelalt. I. 19—21. Шестымъ латинскимъ образцомъ мистеріи XIII в. считаемъ мы перепечатанный нами на стр. 61 съ книги Mone.

[3]) Былъ напечатанъ впервые въ 1834 г. А. Жюбиналемъ, въ числѣ 30 экземпляровъ; перепечатанъ въ 1839 г. гг. Monmerqué et Fr. Michel, въ ихъ книгѣ Théatre français au Moyen-âge. Стр. 10.

[4]) Ibid., стр. 139 и 162.

[5]) Ibid., стр. 55 и слѣд.

И такъ, изъ числа 12 образцовъ, сохранившихся намъ отъ XIII в., 6— написаны на народномъ языкѣ, 5— по латини, и 1— по латини съ французскими вставками и добавленіями. Уже эти простыя цифры указываютъ намъ довольно ясно и самый путь развитія драмы, и ея успѣхи на этомъ пути въ XII — XIII вв. Но болѣе подробное разсмотрѣніе образцовъ тринадцатаго вѣка, а главное— сличеніе ихъ съ образцами предъидущаго періода, приводитъ насъ къ весьма любопытнымъ результатамъ, чрезвычайно важнымъ для изученія исторіи средневѣковой драмы. Изъ 6 пьесъ XIII вѣка, которыя написаны на народномъ языкѣ, особенно важны для насъ тѣ два чуда и тотъ отрывокъ пасхальной мистеріи, о которыхъ мы упомянули выше. Сличая послѣдній отрывокъ съ тѣми отрывками пасхальныхъ мистерій, какія были приведены нами выше, видимъ несравненно болѣе изящества въ обработкѣ сюжетовъ, болѣе свободы въ обращеніи съ текстомъ Св. Писанія, болѣе искусства въ расположеніи сценъ, наконецъ и въ самыхъ характерахъ болѣе опредѣленности, болѣе истины. Но еще гораздо важнѣе для исторіи средневѣковой драмы то, что этотъ отрывокъ ужь очевидно несвязанъ ни съ какою церковною службою; нигдѣ, не смотря на довольно значительный объемъ его, въ немъ не упоминается объ участіи хора, не приводится ни одной молитвы [1]), ни одного Евангельскаго изрѣченія, и самое дѣйствіе, хотя и вращается около того, что расказывается и въ Священномъ Писаніи, но представляетъ намъ совершенно свободный и хорошо обдуманный пере-

[1]) Кромѣ «Тебе Бога хвалимъ», которая была такимъ обычнымъ закончаніемъ мистеріи, что могла съ мистеріей перейти и на площадь.

сказъ его. Стоитъ напр. сравнить хотя бы эпизодъ съ Лонгиномъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ нѣмецкой пасхальной мистеріи XII в. (см. стр. 114), съ тѣмъ же самымъ эпизодомъ во французской мистеріи XIII вѣка, и невольно изумишься быстрому поступательному движенію драмы. Въ нѣмецкой мистеріи, послѣ того какъ на сценѣ были уже представлены страданія Спасителя и онъ сказалъ свое: «Consummatum est, является у креста Лонгинъ съ копьемъ, которымъ онъ прободаетъ бедро Спасителю и говоритъ при этомъ по нѣмецки:

Ich wil im stechen ab daz herze sin,
daz sich ende siner marter pin.

Іисусъ въ это время восклицаетъ на крестѣ: «Eli, Eli, lamma sabacthani,» наклоняетъ голову и испускаетъ духъ. Лонгинъ (видя это) говоритъ по латини: «Воистину былъ онъ Сынъ Божій,» и потомъ прибавляетъ по нѣмецки:

Dirre ist des waren gotes sun.

(*обращаясь къ Іудеямъ*:)

Er hat zaichen an mir getan,
Wan ich men sehen wider han.

Какъ ни важно для исторіи развитія духовной драмы, это апокрифическое дополненіе сюжета, заимствованнаго изъ Св. Писанія, однакоже нельзя не согласиться съ тѣмъ, что это дополненіе сдѣлано очень неловко и само по себѣ неимѣетъ никакого значенія. Совсѣмъ не то видимъ мы во французской мистеріи XIII в.

» (Два сержанта (sic) съ копьями въ рукахъ идутъ ко кресту; повстрѣчавъ Лонгина — слѣпаго, они говорятъ ему:)

Одинъ *изъ солдатъ*:

Что, братъ Лонгинъ, не хочешь ли заработать деньги (guainner)?

Лонгинъ:

Еще бы, сударь, конечно хочу.

Одинъ *изъ солдатъ*:

Ну, такъ пойдемъ, я дамъ тебѣ 12 деннаріевъ, а ты пробей (копьемъ) вонъ этого распятаго.

Лонгинъ:

Охотно пойду съ вами; мнѣ деньги нужны; я такъ бѣденъ, что у меня нехватаетъ денегъ даже и на мои расходы; хоть и довольно, кажется, прошу, а все толку мало.

(*Приходятъ ко кресту и даютъ ему въ руки копье*).

Солдатъ:

Вотъ тебѣ копье въ руки; смотри же, бей сильнѣе, и не коли понапрасну. Пронзи его копьемъ до самыхъ легкихъ; тогда и увидимъ, живъ ли онъ или нѣтъ.

(чудо. [1])

Лонгинъ:

Ахъ! Інсусъ! о Господь мой! Право, не знаю какъ и

---

[1]) Т. е. Лонгинъ прозрѣваетъ отъ того, что кровь Спасителя попала ему на глаза.

выразиться? Но ты бываешь отличнымъ врачемъ, когда мѣняешь гнѣвъ свой на милость. Я заслужилъ отъ тебя смерти, а ты благодѣтельствуешь мнѣ, возвращая мнѣ зрѣніе, котораго я до сихъ поръ былъ лишенъ. Отдаюсь на твою волю, молю тебя о пощадѣ.»

(Онъ становится на колѣни и молится. Солдаты уходятъ къ Пилату.)

Точно также краснорѣчиво свидѣтельствуетъ въ пользу успѣха французской драмы въ XIII вѣка сравненіе вышеприведеннаго нами чуда Св. Николая съ чудомъ Св. Николая, которое въ XIII в. сочинилъ Жанъ Бодель или Бодьо. Въ первомъ изъ этихъ двухъ образцовъ мы видѣли передъ собою дѣйствіе, не пріуроченное ни къ какому мѣсту; отсюда уже проистекала и полная безцвѣтность всей пьесы, не смотря на то, что въ ней ярко выступаютъ нѣсколько чертъ, выказывающихъ въ авторѣ несомнѣнный талантъ. Жанъ Бодель, избравъ тоже самое чудо, (весьма популярное въ XII и XIII в. во Франціи) въ основаніе своей пьесы, тотчасъ измѣнилъ основное содержаніе его; онъ отвергъ важнѣйшее лицо драмы,—того Іудея, который покланялся изображенію Св. Николая, наслышавшись отъ христіанъ о его чудесахъ, и весьма удачно замѣнилъ его христіаниномъ, который поподается въ плѣнъ къ невѣрнымъ и тамъ, выказавъ свою вѣру въ чудеса его, побуждаетъ невѣрныхъ къ испытанію могущества Св. Николая. Изъ этого-то испытанія Св. Николай выходитъ конечно побѣдителемъ. Кромѣ того, Ж. Бодель умѣлъ привязать дѣйствіе къ мѣсту, и, что всего замѣчательнѣе въ произведеніи XIII в., съумѣлъ придать всему произведенію своему чисто-народный характеръ. Не только онъ перенесъ на сцену тѣ же феодальныя отношенія, выставилъ на ней тѣ же сословія, какія

видѣлъ около себя въ обыденной жизни, но даже вставилъ въ дѣйствіе цѣлыя сцены, заимствованныя очевидно изъ дѣйствительной жизни тѣхъ низшихъ классовъ народа, къ которымъ онъ относитъ своихъ воровъ. Каждое лицо, выведенное имъ на сцену, недаромъ носитъ отдѣльное имя: съ этимъ именемъ соединяются постоянно живыя черты, хорошо опредѣляющія значеніе отдѣльныхъ характеровъ. Авторъ, какъ можно видѣть изъ его чуда, до того стремится къ оживленію сценической обстановки, что соблюдаетъ въ разговорахъ оттѣнки говора для каждаго изъ своихъ лицъ. Точно такое же направленіе въ обработкѣ и постановкѣ сюжета замѣчаемъ и въ чудѣ Рютебефа, другаго поэта XIII в.; это чудо (miracle de Theophile) въ высшей степени замѣчательно по той законченности двухъ важнѣйшихъ характеровъ (дьявола и Ѳеофила) которые совершенно восполняютъ собою бѣдность содержанія въ этомъ послѣднемъ драматическомъ произведеніи, которое, наравнѣ съ предъидущимъ не носитъ на себѣ ни малѣйшаго признака принадлежности церковному богослуженію или даже того, чтобы оно представлялось когда либо въ стѣнахъ церкви.

Les trois Maries [1]).

Chascune des trois Maries doit avoir en se main un cierge alumeit, et Marie Magdelainne doit avoir une boiste en se main et les outre deus nient, dusques adont qu'elles aient acaté au marchant. Et li prestre doit aler devant iceles et doit avoir en sa main un encensier à tout l'encens; et li cuers ensuit iceles et chascune d'iceles a I cierge en se main alumeit.

? Maria Magdalena et alia Maria ferebant diliculo aromatà: Dominum querentes in monumento.

Li cuers *reprent*: Maria Magdalena etc. *Toutes les* trois Maries *dient*:

Jam percusso, heu! pastore, oves errant misere etc. (какъ на стр. 62 до словъ: Quis revolvet nobis etc).

Ci doit estre apparilliés li marchans et les trois Maries avoucques leur oingnement:

Peres trestout puissans, haustismes rois des Angles, gouverneres tres pitous, nostre cuer que feront malleucurous. Heulas! nostre dolour con grans il est!

LES TROIS MARIES:

. Nous avons perdu nostre confort, Ihesum Christum, trestout plain de douceur. Il estoit biaux et plain de bonne amour.

Mair ore allons longuement acater du quel oindre puissons le

---

[1]) Въ этой же рукописи находится чрезвычайно любопытное описаніе того, какъ именно совершался обрядъ, сопровождавшій дѣйствіе:

Le Maries se lievent et prent chascune sen sanctuaire parmi une touaille benite et s'en vont parmi le cuer (choeur) et parmi le ves (voies) deu mouties (monastère), et vont droit à l'uis (huis) dou sepucre et sarestent la et doit estre li huis deu sepucre clos, et doit on porter devant les Maries deu candelabres et derriere elles deus. Ft li prestres se doivent revestir en aubes por coi il soient aparilliet ou sepucre aucors que les Maries maingnent (restent) et doiveut aler quant on chante le derrain respons. Et doit estre li chantre avocques yaus (elles) qui leur doit ensaingnier ce que il doivent dire. (Послѣднее указаніе относится вѣроятно только къ латинскимъ мѣстамъ подлин-

Три Маріи.

Каждая изъ трехъ Марій должна имѣть въ рукѣ по зажженной свѣчѣ, а Марія Магдалина должна имѣть ящикъ въ рукѣ, а двѣ остальныя—ароматы, которые ими только что куплены у купца. А священникъ долженъ идти впереди ихъ и въ рукахъ у него должно быть кодило съ куреньями; хоръ слѣдуетъ за ними и у каждой (изъ хора) по 1 зажженной свѣчѣ въ рукахъ.

? Марія Магдалина и другая Марія несли ароматы, ища Господа въ гробницѣ.

хоръ *повторяетъ тоже самое.*

Всѣ три Маріи говорятъ:

Уже овцы послѣ того какъ убитъ пастырь, бродятъ, бѣдныя, безъ него и т. д. (какъ на стр. 62 до словъ: кто отвалитъ намъ камень и т. д.).

Тутъ должны уже быть готовы три Маріи съ ихъ ароматами и купецъ.

Отецъ всемогущій, высочайшій царь Ангеловъ, правитель всемилостивый, что будетъ съ нашимъ несчастнымъ сердцемъ. Увы! какъ велика наша печаль!

ника). Et quant lesMaries sont devant l'uis dou sepucre, elles doiveut chanter bien bas àfausset; Quis revolvet. Et lipreslre doivent dire bien bas: Quem queritis. Et les Maries doivent dire un peu plus haut; Ihesum Nazarenum. Et li preslre doivent dire à haute vois. Non-est hic. Et quant ils ont pardit coula (parlé cela), les Maries doivent entrer, ou sepucre et quant elles sont es nul ne doit entrer fors que les deus dames qui portent les deus candelabres devant elles, et doit on clore l'uis. Et ne doivent mie li preslre issir (sortir) hors dusques adonc c'on chantent Te Deum laudamus». (Coussemaker. Drames lithurgiques. Стр. 340—41). Весьма замѣчательно то, что здѣсь (хотя рѣчь идетъ о томъ же женскомъ монастырѣ, въ которомъ происходило дѣйствіе Трехъ Марій) ни слова не говорится о французскихъ частяхъ подлинника.

cors trés-bel. Il estoit vrai salus et vrai amours. Hélas! verrons le nous jamais!

Ci doit remaner Marie Magdelainne, et les autres deus Maries doiveut approcher li marchans.

LI MARCHANS *dist*:

Ça aprochés vous, qui tant fort amés. Cest unguement s'el volés acater duquel oindre nostre signeur porrés son sainct cors qui tant pars sacrés.

Eu cé mesme lieu les deus Maries *dient*:

Di nous, marchans tres bons, vrais et loiaus, cest unguement se tu vendre le veus, di tost du pris que tu avoir en veus. Helas! verrons le nous jamais!

LI MARCHANS *dist:*

Cest oingnement se mout le convoitiés, cinc besans d'or donner vous en convient, ne autrement ja ne l'emporterés.

LES DEUS MARIES:

Helas! verrons le nous jamais!

LI MARCHANS *dist:*

Jou ai un autre mout tres bon oingnement, por moins l'aurés s'il vous vient à talent; as autres est de mout plus chier piument.

LES DEUS MARIES:

Gentius marchans, du meilleur bien nous veut, tant que tu veus de l'argeut plus en prent; no grant Signeur du ciel oindre en volons. Helas!

. . . .

ТРИ МАРІИ:

Мы потеряли нашу опору, Іисуса Христа сладчайшаго. Онъ былъ прекрасенъ и полонъ любви. Но пойдемъ же покупать тѣ ароматы, которыми бы можно было намъ умастить прекрасное тѣло его. Онъ былъ истиннымъ спасеніемъ и истинною любовью. Увы! Увидимъ-ли мы его когда-либо!

Тутъ должна остаться М. Магдалина, а другія двѣ Маріи подойти къ купцу.

КУПЕЦЪ *говоритъ:*

Приближтесь, вы, которыя такъ любите. Если хотите, купите вотъ эти ароматы, чтобы умастить святое тѣло Господа Нашего.

Въ этомъ же мѣстѣ ОБѢ МАРІИ *говорятъ:*

Скажи намъ, добрый купецъ, честный и правдивый, если хочешь продать намъ эти ароматы, скажи скорѣе, какую хочешь за нихъ (взять) цѣну. Увы! Увидимъ-ли мы его когда-либо!

КУПЕЦЪ *говоритъ:*

Если вамъ эти ароматы такъ нравятся, то вамъ слѣдуетъ дать за нихъ пять золотыхъ, а иначе вамъ будетъ ихъ не получить.

ОБѢ МАРІИ:

Увы! Увидимъ-ли мы его когда-либо!

КУПЕЦЪ *говоритъ:*

Есть у меня и другой ароматъ, который вы можете получить за меньшую цѣну, если онъ вамъ прійдется по вкусу; другіе всѣ гораздо дороже.

ОБѢ МАРІИ:

Милый купецъ, мы хотимъ самаго лучшаго, бери за него сколь

LI MARCHANS *dist:*

Tenés cestui. en siecle n'a meillor; oindre porrés vostre tres grant signeur. Merci querés a lui dames pour moi.

LE DEUS MARIES.

Merci te face li vrais Dieu glorious, et nous assi trestous ensemble; toi, veus tu venir ou fu mis li sains cors? Helas!

LI MARCHAN:

Douces dames, ne demandés mais ce, certes je voil aler aprés Jhesu: tout cil sont sot qui ne vont aprés lui.

LE DEUS MARIES:

Aimis, tu as mout tres bien dit le voir, de ceu sont cil qui n'aiment son savoir. Il nous atrais trestous à son amour. Helas!

LI MARCHANS *dist:*

Certes, je voel volontiers aler; car il nous a mout volontiers amés; il nou a de la mort d'enfer getés.

LES DEUS MARIES:

Jouens marchans, ensemble o nous en vien; nous te menrons ou le sains cors fu mis; nostre signeur volons veoir et tenir. Helas!

(Тотчасъ послѣ этихъ словъ начинается латинскій текстъ и потворяется опять возгласъ: Quis revolvet nobis lapidem et c. А за этимъ возгласомъ слѣдуетъ обычный разговоръ съ Ангеломъ).

ко хочешь денегъ; мы хотимъ умостить имъ (тѣло) нашего Господа Небеснаго. Увы!

. . . .

КУПЕЦЪ *говоритъ.*

Такъ вотъ этого возьмите, въ вѣкъ не получить вамъ лучшаго; вы будетъ въ состояніи умастить вашего великаго Господа. Испросите, сударыни, у него и мнѣ помилованья.

ОБѢ МАРІИ:

Да помилуетъ тебя истинный Богъ прославленный, и насъ всѣхъ вмѣстѣ съ тобою; а ты хочешь-ли ты идти съ нами (туда), гдѣ положено было святое тѣло? Увы!

КУПЕЦЪ:

Добрая госпожа, не спрашивайте меня объ этомъ; конечно я хочу идти по Христѣ; всѣ тѣ, которые нейдутъ за нимъ—просто глупы.

ОБѢ МАРІИ:

Другъ, ты очень хорошо выразился; точно (глупы) тѣ, которые не любятъ познавать его. Онъ всѣхъ насъ привлекаетъ къ своей любви. Увы!

КУПЕЦЪ *говоритъ:*

Конечно, мнѣ бы очень хотѣлось пойти; ибо онъ очень насъ любилъ; онъ уберегъ насъ отъ смерти и ада.

ОБѢ МАРІИ:

Молодой купецъ, пойдемъ вмѣстѣ съ нами; мы покажемъ тебѣ, гдѣ было положено святое тѣло; мы хотимъ видѣть нашего Господа и прикасаться къ нему. Увы!

. . . .

La Résurretion du Sauveur.

En ceste manére recitom
La seinte resureccion.
Primèrement apareillons:
Tus les lius e les mansions:
Le crucifix primèremeut.
Es puis aprés le monument.
Une jaiole i deit aver
Pur les prisons enprisoner.
Enfer seit mis de cele part,
És mansions de l'altre part,
E puis le ciel; e as estals,
Primes Pilate od ces vassals;
Sis u set chivaliers aura.
Cayphas en l'altre serra;
Od lui seit la juerie,
Puis Joseph d'Arimachie.
El quart liu seiz danz Nichodemus.
Chescons i od od sei les soens.
El quint les deciples Crist.
Les treis Maries saient el sest.
Si seit purvéu que l'om face
Galilée en mi la place;
Jemaüs uncore i seit fect,
U Jhesu-Christ fut ol hostel trait;
E cum la gent est tute asise
E la pés de tutez parz mise,
Dan Joseph cil de Arimachie
Venge à Pilate, si lui die:

JOSEPH:

Deus. qui des mains le rei Phraon
Salva Moysen e Aaron,

Воскресеніе Спасителя (конецъ XII в.).

Такъ разскажемъ
О святомъ Воскресеніи.
Прежде, расположимъ
Мѣста и отдѣльныя жилища
И именно: во первыхъ, крестъ
И потомъ гробницу.
Нужна также и тюрьма
Для заключенниковъ.
Адъ пусть будетъ съ одной стороны,
А дома съ другой,
А потомъ и небо: а на ступеняхъ,
Впереди, Пилатъ со своими вассалами;
Около него будетъ 6—7 рыцарей.
Каяфа станетъ съ другой стороны,
И съ нимъ вся *жидова* (la juerie);
Немного далѣе и Іосифъ Аримаѳейскій.
Въ четвертыхъ будетъ тутъ и господинъ Никодимъ;
При каждомъ будутъ свои.
Въ 5-хъ, будутъ тутъ и ученики;
Въ шестыхъ всѣ три Маріи.
Постараются также представить
На серединѣ, и городъ Галилейскій;
Покажутъ и тотъ Эммаусъ,
Въ которомъ І. Хр. былъ принятъ такъ гостепріимно.
И когда всѣ такъ разсядутся
И всюду водворится молчаніе,
Г-нъ Іосифъ Аримаѳейскій
Подойдетъ къ Пилату и скажетъ:
Богъ, спасшій Моисея и Аарона
Изъ рукъ Фараоновыхъ,
Да сохранитъ Пилата, повелителя моего
И ниспошлетъ ему всевозможныя почести и достоинства!

I sault Pilate le mien seignur,
E dignetez lui doinst e honur!

PILATUS:

Hercules, qui occit le dragon
E destruist le viel Gerion,
Doinst à celui ben honur
Qui saluz me dit par amur!

JOSEPH:

Sire Pilate, bénéit seies-tu!
S'oït te Deus par sa grant vertu!
Deus par la sue poissance
Te doinst vers mei bone vaillance!
Ceo me doinst Deus omnipotent,
Que oïr me vailles bonement:

PILATUS:

Dan Joseph, ben seiz-tu venuz!
Ben deiz estre de mei receuz.
Ben es de mei sanz dotance:
Si cel en quides, ceo est enfance.
Sachez ben e verraiment
Que jeo te orrai mult dulcement.

JOSEPH:

Beal sire, ne vous en peist mie
Si jo vus di del fiz Marie,
De celui qui là est pendu;
Sachez trés ben que prodom fu.
Mult par fu bien de Dampne Deu:
Ore l'avez mort vous e li Jueu;
Si vus devez grantment duter
Que vus ne venge grant encombrer.

PILATUS:

Dan Joseph de Arimachie,
Ne leirroi que ne l'te die,
Li Jeu, par lur grent envie,
Enpristrent grant félonie.
Jo l'consent: par veisdie

ПИЛАТЪ:

Пусть Геркулесъ, убившій дракона
И уничтожившій стараго Геріона,
Осыплетъ богатствами и почестями того,
Кто такъ меня привѣтствуетъ.

ІОСИФЪ:

Г-нъ Пилатъ! Да будешь ты благословенъ!
Да поможетъ тебѣ Богъ по своей великой благости;
Пусть онъ по своему всемогуществу
Внушитъ тебѣ доброе расположеніе ко мнѣ! Пусть всемогущій Богъ
Будетъ ко мнѣ такъ милостивъ,
Что я буду выслушенъ тобою благосклонно!

ПИЛАТЪ:

Г. Іосифъ, милости просимъ;
Нечего тебѣ сомнѣваться въ моемъ пріемѣ;
Если ты думаешь иначе, то это ребячество.
Знай-же и будь увѣренъ,
Что я выслушаю тебя съ большою пріязнью.

ІОСИФЪ:

Милостивый государь! не прогнѣвайся-же,
Если я тебѣ стану говирить о сынѣ Маріи,
Который вонъ тамъ распятъ.
(*Непонимаю двухъ строкъ*);
Вы съ жидами его только-что казнили;
А потому вы и должны бояться,
Чтобы съ вами не случилось большаго несчастія.

ПИЛАТЪ:

Г. Іосифъ Аримаѳейскій!
Я тоже думаю,
Что жиды, по своей ненависти,
Совершили великое преступленіе;
Я согласился на него изъ опасенія
Потерять мою власть;
Ибо они обвинили бы меня въ Римѣ
И я бы вскорѣ утратилъ самую жизнь.

Que ne perdisse ma baillie.
Encusé m'eussent en Romanie:
Tost en purroie perdre la vie.

JOSEPH:

Si tu veis que tu as mesfoit,
Cri-lui merci; si fras bon plait.
Nul ne lui crie qui ne l'ait,
Ni icels qui à mort l'ont trait;
Més par cel venus i sui:
Donez mi sul le cors de lui;
Tant vus requer, grantez-le-mei:
Si en frai ceo que faire dei.

PILATUS:

Beals amiz, qu'en volez faire?
Quidez-vous le à vie traire?
Il od éu mult grant angoisse;
Quidez-vus qu'il vivre poisse?

JOSEPH:

Certes, bel sire Pilate, nenil
(Nepurquont tut relevra-il);
Mès par nostre custume tenir,
Pur amur Deu le veil ensevelir.

PILATUS:

Est-il donc transi de vie?

JOSEPH:

Oil, bel sir, n'en dotez mie.

PILATUS:

Ceo saverum jà par nos serganz.

IOSEPH:

Apelez les; véez en là tanz.

PILATUS:

Levez, serganz, hastivement;
Alez tost là ù celui pent:
Alez à cel crucified,
Saver u non s'il est devié.

ІОСИФЪ:

Коли ты сознаешь, что поступилъ дурно,
Проси Іисуса смиловаться надъ тобою; да проси хорошенько.
Никто не проситъ его о помилованіи напрасно;
Даже и тѣ, которые влекли его на смерть:
Но я не затѣмъ сюда пришелъ:
Дайте мнѣ только его тѣло;
Умоляю васъ, выдайте мнѣ его:
Я съ нимъ поступлю, какъ надлежитъ.

ПИЛАТЪ:

Любезный другъ, что тебѣ въ немъ?
Не хочешь-ли ты его оживить?
Онъ испыталъ сильныя мученія;
Неужели-же ты полагаешь, что онъ можетъ ожить?

ІОСИФЪ:

Конечно, милостивый гос. Пилатъ, ничего этого не
Полагаю (хоть ему и суждено воскреснуть такимъ, какимъ онъ былъ),
Но хочу предать его землѣ изъ любви къ Богу
Сообразно нашимъ обычаямъ.

ПИЛАТЪ:

А совсѣмъ ли онъ уже мертвъ?

ІОСИФЪ:

Да, сударь; не сомнѣвайтесь въ этомъ.

ПИЛАТЪ:

Мы узнаемъ объ этомъ отъ нашихъ сержантовъ.

ІОСИФЪ:

Ну, позовите ихъ; вонъ ихъ тамъ сколько.

ПИЛАТЪ:

Эй, сержанты, вставайте скорѣй.
Живѣе ступайте туда, гдѣ виситъ осужденный;
Ступайте узнать,
Живъ-ли еще распятый?

2-й отрывокъ.

UNUS MILITUM:

Bel sir prince, sachez de fi,
Jhésu-Crist est de vie transi,
U grant miracle i avum véu.
Bel compainnon, dun ne l'veis-tu?

ALTER EX MILITIBUS:

Amdui deu le véimes-nus.

PILATUS:

Taise-us, bricons; ne ditez plus.

PILATUS:

Don Joseph, mult m'avez servi;
Prenez le cors, jo l'vus otri.

JOSEPH;

Sire, la nostre grant merci!
Mult m'est bel, si unc vus servi.

PILATUS:

Diva, vaissal! Trai tai en sà.
Quel miracle veis-tu de là?
Di tost comment te fut aviz
De ceo dunt ainz teiser te fiz.

MILES:

Longinus li ciu, quant out nafré
Cel pendu de lance el costé,
Prist del sanc, à sez oils le mist:
A bon'hure à son os le fist,
Car ainz fut cius e are veit.
N'est pas merveille c'il en lui creit.

PILATUS:

Tais vassal! a nul ne l'die.
Fantosme est; ne l'créez mie.

(Два сержанта съ копьями въ рукахъ идутъ ко кресту). Эпизодъ съ Лонгиномъ, приведенный нами выше.

Солдаты возвращаются къ Пилату *и говорятъ ему:*

1-й солдатъ:

Милостивый государь и князь, будьте въ томъ увѣрены, что Інсусъ умеръ;
но при насъ совершилъ онъ великое чудо.
Не такъ-ли? Вѣдь и ты тоже видѣлъ, товарищъ?

2-й. солдатъ:

Какъ-же; мы оба видѣли.

пилатъ:

Молчать, дурачье; молчать... (*Обращаясь къ Іосифу*)
Г. Іосифъ, вы мнѣ хорошо послужили;
возьмите тѣло Інсуса, я вамъ его отдаю.

іосифъ:

Благодарю васъ, сударь!
Это самая пріятная награда за мои услуги.

Іосифъ уходитъ къ Никодиму, а Пилатъ обращаясь къ сержантамъ:

пилатъ:

Эй, ты, вассалъ! ступай сюда.
Что ты за чудо тамъ видѣлъ?
Говори скорѣе, какъ случилось тебѣ видѣть то,
о чемъ я тебѣ давича запретилъ говорить.

1-й солдатъ:

Когда Лонгинъ слѣпой ударилъ
копьемъ въ бокъ этого распятаго,
то взялъ крови его и поднесъ къ глазамъ:
и хорошо ему стало отъ этого,
потому что онъ прежде былъ слѣпъ, а теперь прозрѣлъ.
Не диво же, что онъ въ него увѣровалъ.

пилатъ:

Молчи, вассалъ!
Никому не смѣй этого сказывать,
это такъ почудилось вамъ, не вѣрьте вы этому.

Ore comand que Longin seit pris,
E ignele pas en chartre mis.
Alez tost, metez le en prison,
Que ne voist prêchant tel sermon.

MILES:

Çà, frére, ca! en chartre irras;
Malveil hostel huimès auras.
N'est pas veir que tu veis rien;
Mençungue est, nous le savum ben;
Pur ceu qui crei en un pendu
Si diz de tels oils t'od rendu.

LONGINUS:

Mes oils m'as rendu vereiment,
E en li crei parfitement:
En lui crei-jo; n'i ad nent el,
Car il est sire e reis del ciel.

ALTER MILES:

Ainz mesparlastes e or piz;
Pur ceo serez en prisōn mis:
Venez avant; tut i irrez.

LONGINUS:

De ceo sui jo joius e lez.

MILES:

Entre laenz; jà ne istras
Que ne perdes quanque tu as,
Les membres e la vie,
Si ne reneies le fiz Marie.

LONGINUS:

Li fiz Marie est rei e sire,
Ben le crei e ben le voil dire:
A lui comand la meie vie;
Ne me chant que nul de vus die.

Приказываю вамъ схватить Лонгина,
и тотчасъ же его задержать.
Ступайте скорѣе, заключите его въ темницу,
чтобы онъ непошелъ объ этомъ всюду разславлять.

(*Они отправляются къ Лонгину, который стоитъ у креста, опустивъ голову*).

СОЛДАТЪ:

Эй пріятель, эй! тебя велѣно *упрятать* въ тюрьму;
сегодня прійдется намъ дать тебѣ плохую квартиру.
Это пустое, будто ты что-нибудь видѣшь.
Знаемъ мы, что все это враки: ты вотъ увѣровалъ въ повѣшеннаго,
такъ и разсказываешь всѣмъ, будто онъ возвратилъ тебѣ зрѣніе.

ЛОНГИНЪ:

Клянусь, что онъ возвратилъ мнѣ зрѣніе
и я въ него твердо вѣрую.
Да, вѣрую, нѣтъ въ томъ и ничего страннаго,
ибо онъ есть господинъ и царь небесный.

2-й СОЛДАТЪ:

Вотъ ты опять завираешься;
да теперь и еще хуже прежняго;
ужъ за это будешь навѣрно въ тюрьмѣ.
Ступай туда живѣй.

ЛОНГИНЪ:

Ну, такъ что-жъ? Меня это радуетъ и мнѣ даже очень пріятно.

(*Приводятъ его къ тюрьмѣ и говорятъ*):

СОЛДАТЪ:

Входя туда; отсюда ужъ ты выйдешь
только за тѣмъ, чтобы все потерять,
т. е. тѣло (les membres), и жизнь,
если не отречешься отъ сына Маріи.

ЛОНГИНЪ:

Сынъ Маріи царь и Господь—
я въ это вѣрю и буду это говорить;
ему предаю мою жизнь
и очень мало тревожусь о томъ, что вы мнѣ говорите.

Чудо Николая.

Основная легенда этого чуда была чрезвычайно популярною въ XII—XIII в. во Франціи. Выше уже видѣли мы двѣ обработки этого сюжета; третій разъ обработанъ онъ былъ также, какъ въ XII в., неизвѣстнымъ монахомъ аббатства St.-Benoît-sur-Loire, сочинившимъ нѣсколько другихъ чудесъ, въ основаніе которыхъ приняты имъ были событія изъ жизни того же чудотворца. Онъ назвалъ свою мистерію: Ludus super iconia Sancti Nicolai. Сто лѣтъ спустя Жанъ Бодель или Бодьо, одинъ изъ весьма талантливыхъ поэтовъ XIII в., избралъ ее сюжетомъ своего чуда, изъ котораго предлагаемъ мы здѣсь большой отрывокъ.

Дѣйствіе его чуда происходитъ въ Палестинѣ, между невѣрными. Королю невѣрныхъ приносятъ извѣстіе о томъ, что христіане идутъ на него войною. Король требуетъ помощи отъ идола, угрожаетъ ему, но потомъ, по совѣту сенешала, совѣщается съ идоломъ ласково. Сенешалъ толкуетъ королю отвѣтъ идола. Король сзываетъ всѣхъ вассаловъ. Оберонъ, его вѣстникъ, отправляется всѣхъ созывать по его порученію и заходитъ въ харчевню.

Сцена въ харчевнѣ.

S. NICHOLAIS. Maufaitéour, Dieu anemis,
Or sus! trop i avés dormi;
Pendu estes, sans nul restor.
Mal i emblastes le tresor,
Et l'ostes mal l'a coveillié.

Между нимъ и харчевникомъ происходитъ очень живая сцена. За тѣмъ Оберонъ обходитъ всѣхъ эмировъ, которые и собираются у короля. Христіане, ободряемые ангеломъ, готовятся къ битвѣ. Въ битвѣ они всѣ погибаютъ, кромѣ одного, котораго берутъ невѣрные въ плѣнъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніемъ Св. Николая, передъ которымъ невѣрные застали его на молитвѣ. Король спрашиваетъ у христіанина, какой статуѣ онъ молился. Христіанинъ объясняетъ ему значеніе Св. Николая, могущество котораго невѣрные рѣшаются испытать. Король приказываетъ отпереть свою казну и охраненіе ея поручаетъ изображенію Св. Николая. Объ этомъ испытаніи объявляютъ народу. По этому поводу авторъ опять вставляетъ сцену въ харчевнѣ, которая прерывается тѣмъ, что воры, собравшіеся тамъ, идутъ воровать во дворецъ короля и уносятъ всю его казну. Извѣщаютъ о покражѣ христіанина, который на время испытанія посаженъ королемъ въ тюрьму; ему угрожаютъ смертью и требуютъ отъ него возвращенія королевской казны. Онъ проситъ отсрочки всего на одинъ день, молится Св. Николаю и ангелъ его опять утѣшаетъ. Св. Николай является ворамъ въ харчевнѣ и вынуждаетъ ихъ возвратить то, чѣмъ они завладѣли.

Св. Николай является ворамъ въ харчевнѣ.

СВ. НИКОЛАЙ.

Злодѣи, враги Бога,
вставайте! вы слишкомъ долго спали,
вы будете повѣшены немедленно
вы утащили казну,
а харчевникъ ее укрылъ.

PINCEDÉS. Qu'èst-chou qui nous a esvillié
Diex! con je dormoie ore for(t)!

S. NICHOLAS. Fil à putain, tout estes mort;
Or l'eure sont les fourques faites,
Car les vies avés fourfaites,
Se vous mon conseil ne creés.

PINCEDÉS. Preudom qui nous as effréés,
Qui ies, qui tel paour nous fois?.

S. N. Vassal, je sui sain Nicolais,
Qui les desconseilliés r'avoie.
Remetés-vous tout à le voie;
Reporté le tresor le roy.
Mout par féistes grant desroi;
Quant l'osastes onques penser.
Bien déust le tresor tenser
L'image qui estoit sus mise:
Gardés tost qu'ele i soit remise;
Que remis i soit li tresors,
Si chiers que vous avés vos cors,
Et metés l'ymage deseure.
Je m'en vais, sans nul demeure.

P. *Per signum sancte* cruchefis!
Cliquet, que vous est-il avis?
Et vous, qu'en dites vous, Rasoir?

RASOIRS. Pour moi, soule que dist veir
Li preudom; moult m'en est *à ente* *).

*) Переведено «*je suis en grande frayeur*» у Fr. Michel. Но это гипотеза.

ПЕНСЕДЕ.

Кто это насъ разбудилъ
Господи! какъ я крѣпко спалъ!

СВ. НИКОЛАЙ.

— —, пришла ваша смерть;
ужъ и вилы для васъ (въ преисподней) готовы,
потому что вы уже все покончили съ жизнью,
если только не послушаете моего совѣта.

ПЕНСЕДЕ.

Кто ты, добрый человѣкъ, который насъ испугалъ,
кто ты такой, что задалъ намъ такого страху.

СВ. НИКОЛАЙ.

Вассалъ, я—св. Николай,
который заблудшихъ возвращаю на путь истины.
Возвратитесь и вы всѣ на путь истинный:
возвратите королю его сокровище.
Очень вы глупо поступили,
когда задумали его (взять).
Изображеніе, которое положено было поверхъ сокровища,
должно было бы его защитить (отъ васъ).
Смотрите же, чтобы и оно также было тотчасъ же возвращено,
чтобы возвращено было и сокровище,
если вамъ дорога жизнь.
и положите поверхъ его изображеніе.
Я ухожу немедленно.

ПЕНСЕДЕ.

Съ нами крестная сила!
Кликс, ты какъ думаешь,
а ты что скажешь, Разуаръ.

РАЗУАРЪ.

Что до меня, то мнѣ кажется, что правъ
этотъ добрый человѣкъ; (*непонимаемъ конца строчки*).

КЛИКС.

А я все еще не могу оправиться;
Никогда еще я такъ не боялся человѣка.

CLIKÉS. Et vis mest grant dolour en sente;
Ainc mais homme tant ne cremi.

LI OSTES. Segneur, je n'eu troi nient à mi,
Se vous avés fait deraison;
Mais widiés-me tost me maison,
Car n'ai cure de tel gaaing!

P. Ostes, jà fuster vous compaing,
Puis que che vient au dire voir;
Et du pechié et del avoir
Devés avoir droite porchon;

LI TAVERNIERS. Or hors fil à putain, glouton!
Volés me vous blasme acueillir?
Caingnet, va-t'en escot cueillir.
Puis les met hors de mon ostel.

COIGNES. Or chà, Cliquet, il n'i a el;
Delivrés-vous de ceste cape.
Jà n'iert sans noise ne sans frape,
Hom que si foite gent rechet.

CLIKÉS. Quans deniers doi-jou?

C. X. et set:
V. du vin, et. XIj. du prest.
Ou Pinchedés et Rasoirs est?
Or laisse te cape pour toust.

CL. Caignet, tu te fois moult estout.

C. Pour coi? en ai-je bien conté?
Encor te fai-je grant bonté
Se je daigne te cape atraire.

CL. De gage prendre et de mestroire
N'a ton pareil jusques au Dan (?).

ХАРЧЕВНИКЪ.

Государи мои, я ничего на себя не беру,
если вы что нибудь сдѣлали дурное;
извольте-ка поскорѣе выбираться изъ моего дома,
потому мнѣ такого прибытка не надобно.

ПЕНСЕДЕ.

Нѣтъ, хозяинъ, коли ужь дѣло на правду пошло,
такъ вѣдь и ты былъ нашимъ сообщникомъ;
и въ нашемъ грѣхѣ, какъ въ нашемъ добрѣ,
тебѣ слѣдуетъ по ровной долѣ.

ХАРЧЕВНИКЪ.

Прочь, отсюда, б--ны дѣти, прожоры!
Не хотите ли вы и меня тоже опорочить?
Кэнье (*слуга*), пошолъ, получай съ нихъ плату за постой,
потомъ выпроводи ихъ за двери.

КЭНЬЕ.

Ну, Клике, нечего разговаривать;
подай-ка свое платье.
Тому, кто принимаетъ у себя подобныхъ вамъ (людей),
никакъ не обойтись безъ драки да безъ шуму.

КЛИКЕ.

Сколько я денаріевъ долженъ?

КЭНЬЕ.

Десять и семь:
пять за вино, да двѣнадцать взялъ въ долгъ.
А гдѣ же Пенседе и Разуаръ?
ну да оставляй, за все про все, твое платье!

КЛИКЕ.

Вотъ, Кэнье, ты ужъ какимъ забіякой дѣлаешься.

КЕНЬЕ.

Какъ? Что, развѣ я дурно счелъ?
Еще скажи спасибо за то,
что я беру въ счетъ денегъ твое платье.

C. Or poés aler au lagan.

PINC. Segneur, or est pis que devant.
Anemis nous va enchortant,
Qui nous cuide foire honnir.
Avoirs pucr aler et venir;
Mais son non escille et deffoit.
Nous ne serons ja mais refait.
Honnis soit ore tes marchiés!

BOS. Tené, Pinchedé, rencorchiés!
Tu l'aportas, remporte l'ent.

CL. Encui verras l'oste dolent;
Il a pis conte qu'il ne cuide,
Car ses sas a fait une wide.

P. Segneur, or creés m'estoutie;
Prengue chascuns une pugnie
De ses besans; jà ni porroit.

CL. Tais-te, fous; il nous mesquerroit;
S'en porriemes estre repris.

R. Met-le chi, car chi fu il pris;
Si remet l'ymage deseure.

Пьеса оканчивается тѣмъ, что невѣрные выводятъ христіанина изъ тюрьмы, и, пораженные чудомъ Св. Николая, обращаются въ христіанство. Король и всѣхъ эмировъ вынуждаетъ креститься. Идоловъ бросаютъ въ воду и поютъ: «Тебе Бога хвалимъ.»

КЛИКЕ.

Ну да ужь брать залоги да обмѣривать
конечно никто такъ не сумѣетъ, какъ ты.

КЭНЬЕ.

Ну, теперь ступайте *куда глаза глядятъ*.

ПЕНСЕДЕ.

Ну, братцы, теперь пришлось хуже прежняго.
Бѣсъ, что ли, насъ обошелъ
И хочетъ присрамить.
Добро—дѣло наживное и проживное,
а изъ за него и бѣды, и смерть!
не поправить намъ этого убытка!
Чтобъ ему пусто было.

РАЗУАРЪ.

Ну-тка, Пенседе, взваливай (*о сундукѣ*).
Ты его принесъ, ты и отнеси.

КЛИКЕ.

Сегодня хозяинъ (*харчевникъ*) не порадуется;
онъ разсчиталъ хуже, чѣмъ ему кажется,
потому у него въ мѣшкѣ—пусто.

ПЕНСЕДЕ.

А что, братцы, повѣрьте моей смѣлости,
возьмемъ-ка по горсточкѣ
этихъ золотыхъ: оно и не замѣтно будетъ.

КЛИКЕ.

Молчи, дуракъ; намъ не поздоровится отъ этого;
еще пожалуй за это попадемся.

РАЗУАРЪ.

Ну, ставь его здѣсь, гдѣ онъ и былъ взятъ (*сундукъ*):
да клади сверху изображеніе.

Чудо Ѳеофила.

Въ основаніи и этого чуда, какъ въ основаніи предъидущаго, положена также весьма распространенная въ средніе вѣка легенда о Ѳеофилѣ Киликійскомъ. Передѣланная въ X в. Гросвитой, она въ XI в. была изложена во Франціи неизвѣстнымъ авторомъ въ гекзаметрахъ, и въ началѣ XIII в., опять таки въ стихахъ, изложена, монахомъ Готье-де-Коенси. Въ тоже время она и въ искусствѣ была любимымъ сюжетомъ, къ которому художники обращались очень часто [1]).

Чудо Ѳеофила, написанное способнѣйшимъ изъ французскихъ поэтовъ XIII в., Рютебёфомъ, изъ котораго мы

Theophile, biaus douz amis,
Puis que tu t'es en mes mains mis,
Je te diroi que tu feras:
Jamés povre homme n'ameras;
Se povres hom sorpris te prois,
Torne l'oreille, va ta voie.
S'aucuns envers toi s'umelie.
Respon orgueil et felonie.

---

[1]) См. объ этомъ въ книгѣ Monmerqué et Fr. Michel. Théatre français au moyen âge, стр. 138.

сообщимъ здѣсь небольшой, но весьма замѣчательный отрывокъ, начинается съ того, что Θеофилъ, потерявъ мѣсто при епископѣ, взываетъ къ Богу, и, въ порывѣ отчаянія, произноситъ на него страшныя хулы; за тѣмъ онъ обращается къ Салатину волшебнику, который совѣтуетъ ему отречься отъ Бога. Θеофилъ на это соглашается и обѣщаетъ зайти вторично, чтобы справиться о своемъ дѣлѣ. Салатинъ разными заклинаньями вызываетъ дьявола изъ преисподней и объясняетъ ему, въ чемъ дѣло. Когда Θеофилъ послѣ того заходитъ къ Салатину, то Салатинъ посылаетъ его на свиданье съ дьяволомъ. Дьяволъ требуетъ отъ Θеофила рукописанья и даетъ ему наставленіе, какъ ему слѣдуетъ жить.

НАСТАВЛЕНІЯ ДЬЯВОЛА ΘЕОФИЛУ.

Θеофилъ, любезный другъ мой,
такъ какъ ты (самъ) отдался мнѣ во власть,
я укажу тебѣ, что ты долженъ дѣлать.
Ни въ какомъ случаѣ не будешь любить бѣдняка;
если бѣднякъ въ бѣдѣ обратится къ тебѣ съ просьбою,
отвернись отъ него, ступай своимъ путемъ.
Если кто будетъ просить тебя смиренно,
отвѣчай ему гордо и грубо.

Se povres demande ta porte,
Si garde qu'aumosne n'en porte.
Douçor, humilitez, pitiez
Et charitez et amistiez,
Jeune fere, penitance
Me metent grand duel en la pance.
Aumosne fere et Dieu proier,
Ce me repuet trop anoier.
Dieu amer et chastement vivre
Lors me samble serpent et guivre
Me menjue le cuer el ventre.
Quant l'en en la meson-Dieu entre
Por regarder aucun malade,
Lors ai le cuer si mort et fade
Qu'il m'est avis que point n'en sente:
Cil qui fet bien si me tormente.
Va-t'en, tu seras senechaus.
Lai les biens et si fai les maus.
Ne juger jà bien en ta vie.
Que tu feroies grant folie
Et si feroies contre moi.

Свое обѣщаніе помочь Ѳеофилу въ его трудномъ положеніи, дьяволъ вскорѣ и выполняетъ. Ѳеофилъ, возвращенный къ своему прежнему положенію, старается слѣдовать наставленіямъ дьявола въ обращеніи съ епископомъ и своими товарищами, которые, напротивъ того относятся къ нему чрезвычайно кротко и ласково. (За тѣмъ слѣдуетъ въ текстѣ чуда большой перерывъ.) Ѳеофилъ кается и приходитъ въ часовню Богородицы. Онъ восхваляетъ ее въ длинномъ обращеніи и молитъ о помощи. Богородица благосклонно принимаетъ его признаніе, вынуждаетъ дьявола возвратить рукописанье и, со своей стороны, указываетъ Ѳеофилу, какъ ему слѣдуетъ спастись. По ея указанію, Ѳеофилъ всенародно кается въ

Если бѣдный будетъ просить (подаянія) у твоего порога,
берегись, чтобы онъ не унесъ отъ тебя милостыни.
Кротость, смиреніе, сострадаціе,
милосердіе и дружелюбіе,
пощенія и обѣты
очень меня огорчаютъ.
Подаваніе милостыни и прилежное моленіе Богу
черезъ чуръ мнѣ непріятны.
Богомысліе и чистота житія
словно змѣи и ужи угрызаютъ мнѣ сердце и внутренность.
Когда заходятъ въ больницу навѣстить какого-нибудь больнаго,
тогда сердце у меня такъ болитъ и замираетъ,
что я его почти не чувствую:
такъ мучитъ меня тотъ, кто дѣлаетъ добрыя дѣла.
Ну, ступай: быть тебѣ сенешаломъ.
Но только оставь всякое добро и дѣлай одно зло.
Никогда въ жизни не суди правосудно,
ибо ты (этимъ) сдѣлалъ бы большую глупость,
и поступилъ бы противъ моей воли.

своихъ грѣхахъ предъ епископомъ, получаетъ отъ него разрѣшеніе и пьеса заканчивается тѣмъ, что епископъ предлагаетъ пѣть: «Тебе Бога хвалимъ».

На этомъ мы покамѣсть и закончимъ. Въ концѣ XII и началѣ XIV в. средневѣковая драма во всей Европѣ (а тѣмъ болѣе во Франціи) вступаетъ въ новый, совершенно свѣтскій періодъ своего существованія, очень мало имѣющій общихъ чертъ сходства съ тѣмъ отдаленнымъ періодомъ, который и составлялъ предметъ нашего изслѣдованья.

Въ заключеніе третьяго очерка намъ остается только сказать нѣсколько словъ о томъ, кто именно занимался въ XIII в.

представленіемъ мистерій и чудесъ, которыя, какъ мы уже замѣтили выше, почти всюду вышли изъ стѣнъ церквей на площади? Духовенство конечно уже не принимало въ нихъ (во Франціи) даже и такого участія, какое въ XIII в. принимало духовенство въ Италіи въ представленіяхъ «Бичующихся» (см. стр. 159), потому что тѣ представленія не носили на себѣ такого мірскаго и народнаго характера, какъ французскія чудеса и мистеріи XIII в. По всѣмъ вѣроятіямъ представленія чудесъ и мистерій въ это время окончательно перешли въ руки пѣвцовъ-скомороховъ, которые и до того времени несомнѣнно принимали участіе въ духовныхъ представленіяхъ, даже и тогда, когди они еще не переходили за порогъ церкви. И тогда уже вѣроятно скоморохамъ исключителъно принадлежали нѣкоторыя роли, судя потому, что эти роли очень быстро измѣнили свой характеръ изъ серьезнаго (въ XII—XIII в.) въ шутовской (въ XIV в.); по мѣрѣ того, какъ духовная драма, болѣе и болѣе воспринимала въ себя элементы народности, переходила изъ церкви въ ограду и потомъ на площадь, по мѣрѣ того, какъ и кругъ дѣйствія участвовавшихъ въ ней актеровъ расширялся и требовалъ болѣе искусства, участіе скомороховъ въ нихъ болѣе и большаго становилось необходимо и всѣ роли, одна за другою, перешли наконецъ въ ихъ руки. Сословіе пѣвцовъ-скомороховъ конечно должно было сильно подняться и пріобрѣсть важное значеніе въ глазахъ народа вслѣдствіе того, что приняло на себя представленій мистерій, которыя должны были черезъ этого еще болѣе измѣнить свой характеръ. И дѣйствительно въ началѣ XIV в. мы видимъ что сословіе пѣвцовъ-скомороховъ пользуется въ Парижѣ прекраснымъ положеніемъ въ обществѣ и вѣроятно получаетъ довольно значительное вознагражденіе за свое искус-

ство, потому что нѣкоторые изъ скомороховъ имѣютъ возможность строить на свои средства церкви [1]). Въ тоже время всѣ скоморохи (jongleurs, menestriers) начинают селиться въ Парижѣ въ одной улицѣ (Rue des Jongleurs, а въ послѣдствіи Rue St.-Julien des Menestriers), и слѣдовательно образуютъ въ это время нѣчто въ родѣ братства или общины, цѣлью которой являются конечно представленія, и крайнимъ развитіемъ которой было явившееся въ концѣ того же вѣка въ Парижѣ братство Страстей Господнихъ (Confrérie de la Passion).

---

[9]) Церковь Св. Юліана построена была двумя скоморохами. См. Duaure Hist. de Paris; II, 346—347.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Къ числу образцовъ XII в. привыкли относить, сверхъ исчисленныхъ нами выше, еще двѣ драмы: одну нѣмецкую, и одну бретонскую.

Нѣмецкая драма издана была еще въ 1721 г. Б. Пецомъ, въ Thesaurus anecdotorum noviss., подъ заглавіемъ «Ludus Paschalis de Adventu et Interitu Antechristi e cod. Tegernsee.»

Вся эта драма, сплошь написанная латинскими стихами, носитъ на себѣ явный отпечатокъ періода паденія мистеріи, когда она изъ чисто народной стала дѣлаться школьною, ученою. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ являются на сценѣ: Ecclesia, Synagoga, Misericordia, Hypocriti и т. д. Подобныя дѣйствующія лица встрѣчаемъ мы въ мистеріяхъ только начиная съ XV в., когда французскія moralités ввели въ моду на сценѣ символизмъ и отвлеченность; но въ XII в. такія отвлеченныя изображенія пороковъ, добродѣтелей, общинъ и сословій не были вовсе извѣстны не только на сценѣ, но даже и вообще въ литературѣ. А такъ какъ въ этой драмѣ, изданной Пецомъ, все дѣйствіе вращается исключительно около такихъ, очень натянутыхъ и чисто-риторическихъ олицетвореній и отвлеченій, то мы и перѣшаемся отнести ее къ числу образцовъ драмы XII вѣка.

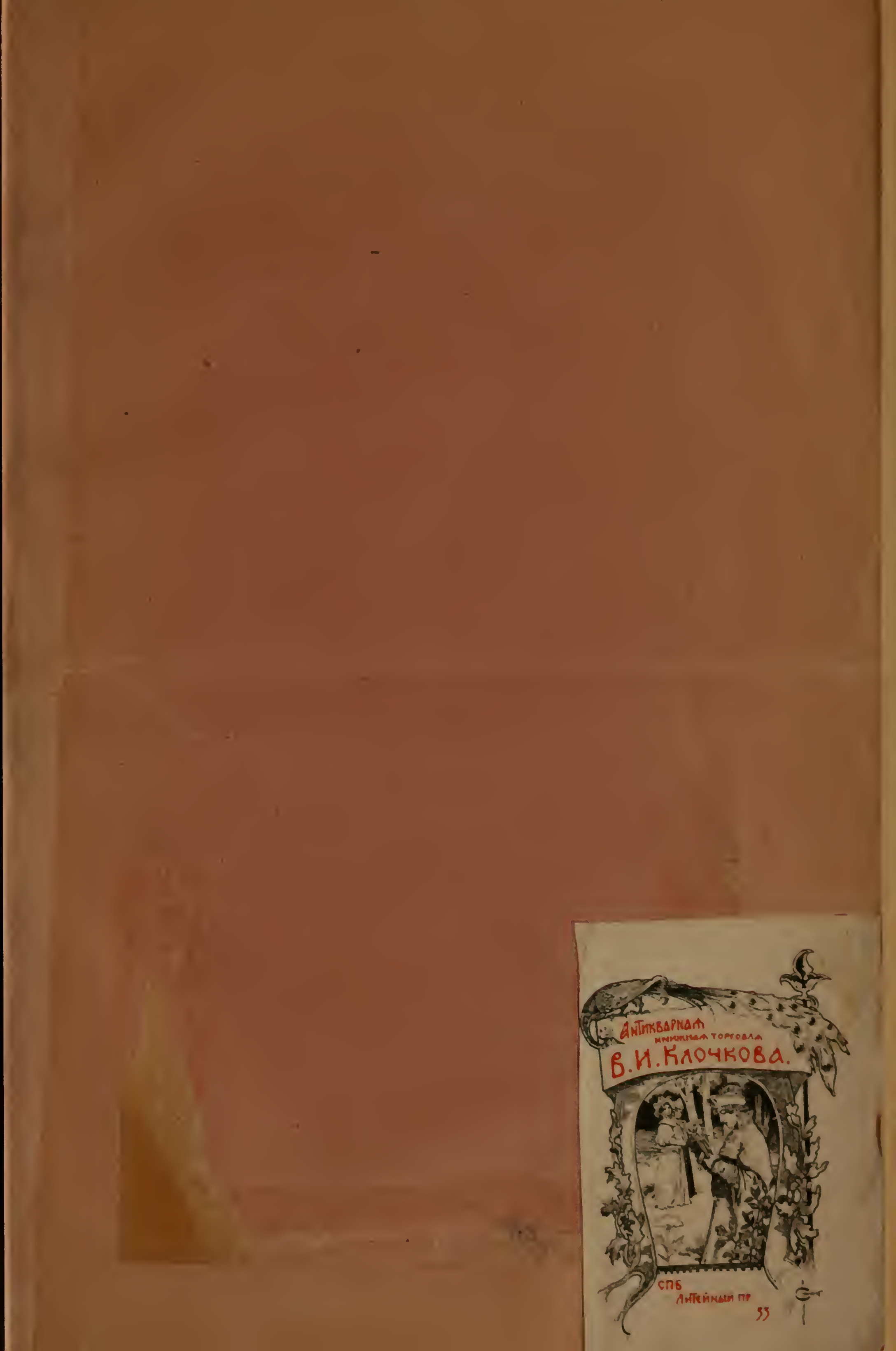
Другой памятникъ, который, по нашему мнѣнію, также не можетъ быть отнесенъ къ XII вѣку—та бретонская мистерія, которую въ 1833 году издалъ въ свѣтъ аббатъ Сіонне съ подстрочнымъ переводомъ знаменитаго кельтолога Легонидека, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Buhez (житіе) Santez Nonn, mystére composé en langue bretonne anterieurement au XII siècle, publié d'aprés un manuscrit unique accompagné d'un fac-simile du manuscrit et tiré à 300 exemplaires. Paris.

Всѣ тѣ, которые причисляли Buhez Santez Nonn къ памятникамъ XII вѣка, очевидно основывались на предисловіи аббата Сіонне, который дѣйствительно старается доказать, при помощи разныхъ догадокъ и соображеній, несомнѣнную принадлежность изданной имъ мистеріи концу XI-го вѣка.

Прежде, чѣмъ излагать его доводы, необходимо упомянуть, что въ собраній «Житій Святыхъ», изданнымъ Болландистами (I томъ за мартъ, стр. 38 и слѣд.), находится, между прочимъ, и житіе св. Дэви, къ которому въ первыхъ трехъ главахъ прибавлено сокращенное жизнеописаніе матери его Нонны, чрезвычайно близкое по содержанію къ вышепомянутой мистеріи, но значительно разнящееся отъ нея по способу изложенія, которое и даетъ полное право ученымъ издателямъ житій приписывать эту Vita Sancti David нѣкоему Рицемарху, автору нѣсколькихъ бретонскихъ житій, жившему въ половинѣ XI в. Аббатъ Сіонне, сравнивая изданную имъ мистерію съ легендою, изданной Болландистами, основываетъ свои доводы въ пользу несомнѣнной древности мистеріи на слѣдующихъ соображеніяхъ:

«Во первыхъ,» говоритъ онъ «въ оригинальномъ произведеніи, всѣ части тѣсно связаны между собою, все сводится къ одной, общей цѣли; такъ напр., въ нашемъ произведеніи, чудесное видѣніе побуждаетъ короля Керетика отправиться на охоту (а черезъ это и сдѣлаться въ послѣдствіи отцемъ Св. Дэви) и всѣ остальныя дѣйствующія лица знаютъ объ этомъ видѣніи и упоминаютъ о немъ; а въ латинской легендѣ это видѣніе является въ первомъ-же параграфѣ, какъ ненужная вставка, и о немъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ вовсе не упоминается, такъ что встрѣча короля съ Нонной является въ легендѣ простою случайностью. Какъ—по такому признаку и по сухости въ изложеніи подробностей—не признать въ латинской легендѣ произведенія позднѣйшаго компилятора (abbreviateur)? «Далѣе слѣдуютъ въ предисловіи аббата Сіонне, подобныя этимъ, но еще болѣе мелкія соображенія въ пользу древности бретонской мистеріи, которую онъ, не смотря на то, что она напечатана имъ съ ркп. XV в. — признаетъ, въ ея первоначальномъ видѣ, за источникъ латинской легенды XI в. Неговоря уже о странности такого предположенія (основаннаго какъ мы видѣли, на весьма непрочномъ доказательствѣ), неговоря и о томъ, что въ латинской легендѣ самый порядокъ изложенія фактовъ указываетъ на ея близость къ живому, устному преданію, изъ котораго и она также была заимствована, подобно множеству другихъ, такихъ же произведеній, что также

свидѣтельствуетъ въ пользу ея древности—мы прямо обращаемъ вниманіе только на внѣшнюю форму изложенія сюжета въ Buchez Santez Nonn и, сравнивая его совсѣмъ кругомъ извѣстныхъ намъ произведеній XII в., рѣшаемся утверждать, что такое правильно построенное и расположенное, такъ изящно и такъ пространно изложенное произведеніе, ни въ какомъ случаѣ неможетъ быть отнесено ни къ XII, ни къ XIII столѣтію: много-много, если она однимъ вѣкомъ старше своей рукописи, потому что мистерія XIV в., особенно мистерія французская и голландская, совершенно подходятъ къ ней по своей обширности, по расположенію частей, и по способу обработки основнаго сюжета.

Антикварная
книжная торговля
В. И. Клочкова.
СПБ
Литейный пр
55